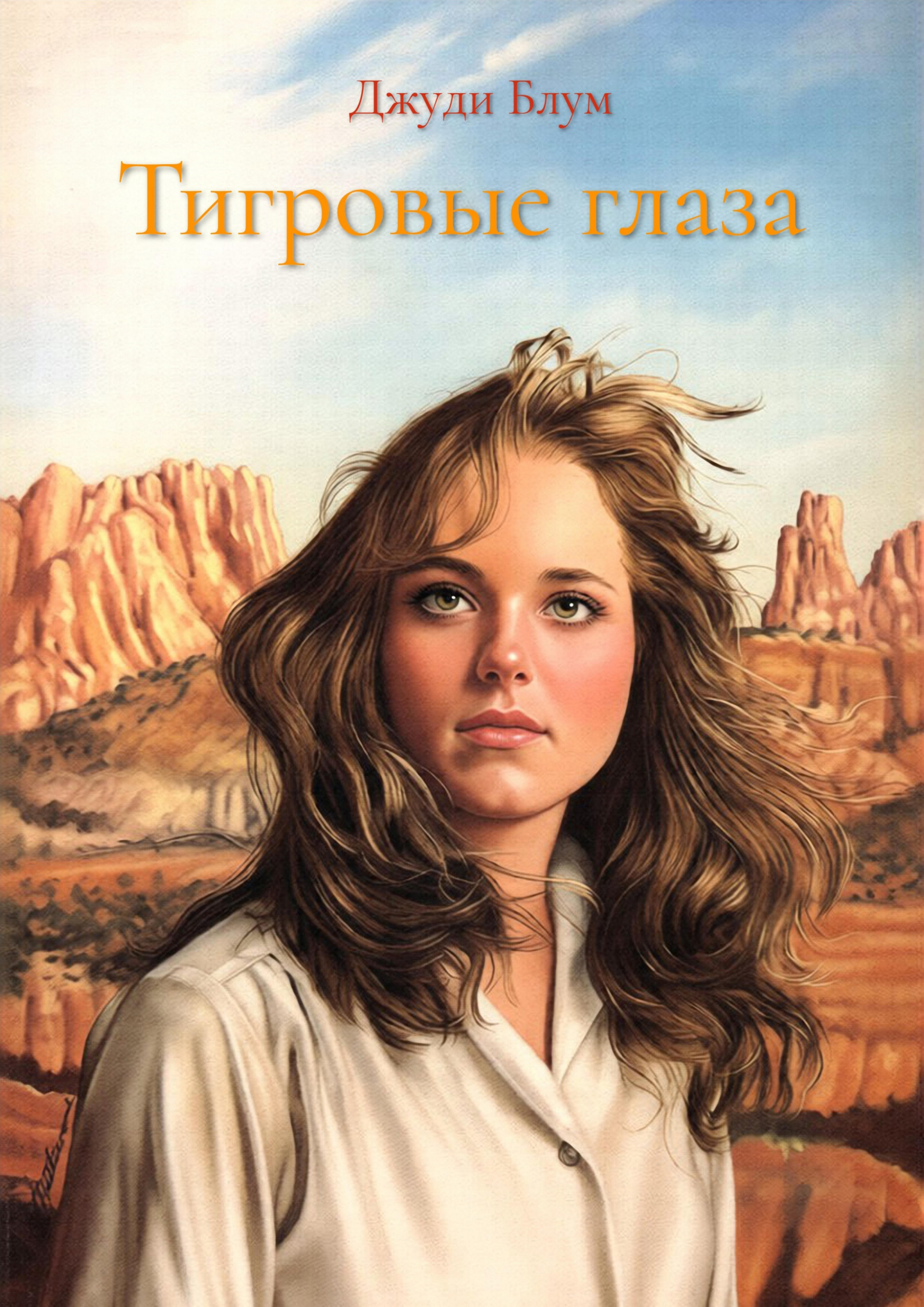
Джуди Блум

Тигровые глаза



УДК 821.121-311.3
ББК 84(4Вел)-45

В37

Джуди Блум

Тигровые глаза: роман / Джуди Блум; перевод с английского Серж Букарь (совместно с ИИ). — Берислав: Букэрман, 2026. — 170 с. — Электронное издание. (шрифт STIX Two Text Medium)

ISBN 578-188-389-02911-8

В романе Джуди Блум «Тигровые глаза», исследуются темы, касающиеся семейных отношений, сложностей переходного возраста, непредсказуемых событий и утрат. В центре сюжета — девочка, по имени Дэйви Векслер, переживающая потерю родного отца. Происшедшая трагедия вынуждает Дэйви вместе с матерью Гвендолин и братом Джейсоном переехать к родственникам в Лос-Аламос, штат Нью-Мексико. В романе противопоставляется беззаботная жизнь Дэйви в Атлантик-Сити тем трудностям, с которыми она сталкивается на новом месте, включая эмоциональные проблемы матери и чрезмерную опеку со стороны родственников.

Оставшись наедине с собственным горем, Дэйви однажды знакомится с мальчиком по имени Вульф, в дружбе с которым и находит утешение. Их связь помогает ей встретиться лицом к лицу со своими чувствами и сохранить образ отца как любящего человека, а не просто воспоминание, затенённое утратой. Благодаря этим отношениям, Дэйви начинает понимать сложность жизни и смерти, что позволяет ей сделать первые шаги к исцелению. «Тигровые глаза» примечательны реалистичным изображением подростковых проблем: книга даёт читателям пространство для размышлений о личных трудностях, не предлагая упрощённых ответов. Хотя роман не отличается юмором, характерным для некоторых ранних произведений Блум, он глубоко откликается у молодых читателей, стремящихся осмыслить серьёзные жизненные темы, и по праву считается значимым произведением в своём жанре.

© Блум Джуди, текст, 1981

© С.С. Букарь, перевод
(совместно с ИИ),
ред. и корр.,
2026

HARVEY KARP
Super Baby Food
ZEN

I

Сегодня с самого утра, пока мы собираемся на похороны, я перерываю всю комнату в поисках подходящей обуви. Нашла только кроссовки «Адидас» с дырками на носках и пару шлёпанцев. А вот свои сабо́ нигде не могу найти. Кажется, я упаковала их вместе со всей зимней одеждой в коробку и отправила на чердак. У мамы уже не хватает терпения, и она предлагает мне одеть свою пару туфель. Я заглядываю в её шкаф и выбираю пару на восьмисантиметровых каблуках, с ремешками на щиколотке.

Спускаясь по наружной лестнице, я чуть было не споткнулась, и младший брат, Джейсон, говорит мне: — Осторожней, Дэйви. Но говорит это очень тихо, почти шёпотом.

— Осторожней, милая, — сказала мама, обнимая меня за плечи.

На кладбище все обмахиваются веерами. Атлантик-Сити переживает самую долгую жару за последние двадцать пять лет. К десяти часам утра уже 35.5 С°. Я думаю о том, как было бы здо́рово прогуляться по пляжу, по мокрому песку, когда океан плещется у моих ног. Два дня назад я так долго была в воде, что мои пальцы рук и ног сморщились, и Хью назвал меня *Сушка*.

Хью.

Я вижу его, когда мы идём по кладбищу к могиле. Он стоит в стороне, один и хрустит пальцами. Хью всегда так делает, когда задумчив. Его волосы, выгоревшие на солнце, кажутся почти белыми. Возможно, я замечаю это, потому что они разделены на боковой пробор и аккуратно расчёсаны, а не свисают ему на лицо, как обычно. Наши взгляды встречаются, но мы не говорим ни слова. Я так сильно прикусываю себе нижнюю губу, что чувствую вкус крови.

У могилы я стою по одну сторону от мамы, а Джейсон — по другую. В блузке настолько жарко, что я чувствую, как от пота мой бюстгальтер становится мокрым.

Мои тётя и дядя, прилетевшие вчера вечером из Нью-Мексико, стоят позади меня. Я видела их всего один раз в жизни, когда умерла моя бабушка. Но тогда мне было всего пять лет, и мне не разрешили пойти на её похороны. Я помню, как плакала тем утром, не потому что умерла моя бабушка, а потому что я хотела прокатиться в блестящей чёрной машине со всей семьёй, вместо того чтобы оставаться дома с соседкой, которая пыталась накормить меня бутербродом с абрикосовым джемом.

На этот раз я совсем не плакала.

Теперь *я* слышу, как тётя издаёт тихие вздохи, а затем сморкается. Слышу, как дядя шепчет ей что-то, но не могу разобрать его слов. Я чувствую их дыхание на затылке и придвигаюсь поближе к маме.

Джейсон крепко держит маму за руку и постоянно поглядывает то на неё, то на меня. Мама смотрит прямо перед собой. Она даже не вытирает слёзы, которые текут по её щекам.

Ещё ни разу в жизни я не чувствовала себя так одиноко.

Я стою и переминаюсь с ноги на ногу. От маминых туфлей, которые оказались слишком тесными, у меня разболелись ноги. Я сосредотачиваюсь на боли и мозолях, которые натёрла на мизинцах, и таким образом не думаю о гробе, который опускают в землю, и о том, что в нём находится тело моего отца.

II

К ночи жара спадает, а на следующий день, когда ко мне приходит в гости лучшая подруга Ленайя, за окном льёт дождь. Она садится на край кровати и складывает в стопку разбросанные вокруг газеты.

— Привет, — говорит она. — Как дела? — Её голос звучит резко, совсем не похож на её обычный голос.

— Нормально, — отвечаю я, не в силах посмотреть на неё.

— Прими мои соболезнования.

Я киваю, и боюсь, что, если попытаюсь заговорить, разревусь.

— Мы, правда, все в шоке.

Я снова киваю.

— Мы были в Балтиморе и ничего не знали, пока мой дядя не прочитал обо всём в газете. Он позвонил, чтобы сообщить нам. Но к тому времени у нас уже не было никакой возможности успеть приехать на похороны.

Я почувствовала, как погружаюсь в свои мысли, различая лишь обрывки слов. Мне казалось, что я бесконечно далека отсюда, словно всё происходящее — не наяву.

В тот день, когда мы познакомились, Ленайя подарила мне рисунок препарированной самки лягушки. Она сама нарисовала его цветными карандашами. Каждый о́рган был тщательно обозначен. Сердце, желудок, лёгкие, яичники. У меня до сих пор где-то хранится этот рисунок. Кажется, в нижнем ящике. Это было ещё в восьмом классе.

У Ленайи рост 185 см, она худощавая и темнокожая. Все считают, что она рождена для баскетбола, но на самом деле терпеть не может эту игру. Ей гораздо больше нравится ставить химические опыты или читать книги по генетике.

Мой отец, когда ещё учился в школе, играл в баскетбол.

Дважды он попадал в сборную штата и мог бы получить стипендию для учёбы в колледже, но вместо этого он женился на маме. А через шесть с половиной месяцев родилась я.

— Дэйви, . . . ты что спишь? — спрашивает Леная, возвращая меня к реальности.

— Нет.

— Ну, так вставай скорей, одевайся . . . уже заполдень.

— Не хочу вставать. Я устала. К тому же у меня мозоли на ногах.

— Твоя тётя говорит, что ты не вставала со дня похорон.

— Не правда. Я ходила в душ. — Я переворачиваюсь на другой бок, и моя кошка Минка, спавшая у моей ноги, потягивается, зевает и начинает вылизывать себя. Я глажу её под подбородком, пока она снова не успокаивается. — Ты читала, что напечатали в газете? — спрашиваю Ленайю.

— Да, — говорит она.

— И что же?

— Да, уже и не помню.

Я перебираю газеты, которые Ленайя сложила несколько минут назад, выбираю одну и читаю вслух заголовок: **АДАМ ВЕКСЛЕР, 34 ГОДА, ЗАСТРЕЛЕН.** Я показываю статью Ленайе. — Оно на первой странице, — говорю, постукивая по газете тыльной стороной руки. — Красивое фото, как тебе? — Я не жду её ответа. — Я сама его сделала… в июне… перед магазином. Он прикрывает глаза от солнца, но в остальном выглядит хорошо, правда?

— Да, — с нежностью в голосе говорит Ленайя.

Я положила эту газету и взяла другую. **АДАМ ВЕКСЛЕР, МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ, УБИТ.** Я взглянула на Ленайю. Она наклонила голову и поправляет пояс. Я продолжаю читать.

«Адам Векслер был убит выстрелом в грудь во вторник вечером во время ограбления его магазина «Севен-Илевен» на

Вирджиния-авеню в Атлантик-Сити. Неизвестный(е) нападавший(е) скрылись с пятьюдесятью долларами наличными. Мистер Векслер, выпускник 1964-го года средней школы Атлантик-Сити, оставил после себя жену Гвендолин, дочь Дэйвис, 15 лет, и сына Джейсона, 7 лет.»

Я складываю газету и отбрасываю её на край кровати.

— Думаешь, полезно такое читать? — спрашивает Ленайя.

— Почему нет. Говорят, нужно смотреть фактам в лицо. Я так и делаю. — Газеты полны фактов, размышляю я. Но в них нет чувств. Никто не пишет о том, что чувствуешь, когда убивают твоего отца.

— Вместо цветов семья просит направлять пожертвования в Американский Фонд Сердца, — продолжаю я рассказывать Ленайи, глядя в потолок. Интересно, почему мама выбрала именно Фонд Сердца — разве только потому, что отца застрелили в грудь. Четыре раза. Четыре выстрела, сделанных неизвестным или неизвестными.

Тётя заглядывает к нам в комнату и говорит: — Девочки, пора обедать.

— Я не голодна, — отвечаю я.

— Там всего лиш суп и бутерброды, — говорит тётя. — Ленайя . . . пообедаешь с нами?

— Да. Спасибо!

— А я ничего не хочу.

— Нужно поесть, Дэйви. В такое время очень важно поддерживать силы. Я принесу вам поднос. Ты и Ленайя поедите здесь в комнате. Согласны?

Я кивнула, не желая спорить.

Когда она ушла, я поворачиваюсь к Ленайе и говорю: — Её настоящее имя — Элизабет, но все зовут её Битси. Ну, разве не глупо называть так сорокасемилетнюю женщину? Она — сестра моего отца. То есть *была*. Ведь так говорят, когда кто-то умирает, верно? Говорят *была*.

— Наверное, — отвечает Ленайя.

— Она из Нью-Мексико.

— Я знаю. Приятная женщина.

— Мой дядя, Уолтер, физик в лаборатории в Лос-Аламосе. Там была создана первая атомная бомба.

— Я знаю, — снова говорит Ленайя. — Пока ты спала, я с ним пообщалась. Не могу дождаться, когда начну изучать физику, но она будет только в старших классах.

Битси приносит поднос с обедом в мою комнату: суп Липтон «Овощное ассорти», бутерброды с тунцом и холодный чай с плавающими дольками лимона.

Я смотрю, как Ленайя начинает уплетать.

Делаю глоток холодного чая. Потом откусываю кусочек бутерброда с тунцом и жую, пока меня не начинает тошнить. Я вскакиваю с кровати и мчусь по коридору в ванную, где выплёвываю еду в унитаз.

Но на этот раз меня не вырвало.

III

В ту ночь, когда убили отца, уже после того, как разошлись полиця и соседи, мы легли спать, забравшись с Джейсоном к маме в постель. Во всех комнатах мы оставили свет включённым. В доме было очень тихо, и мне показался странным, что иногда тишина успокаивает, а иногда пугает.

— Что значит быть мёртвым? — спрашивает у мамы Джейсон.

— Умиротворённым, — отвечает она.

— Откуда ты знаешь?

— На самом деле, я не знаю, — говорит мама. — Просто верю.

— Они, наверное, вернуться? — снова спрашивает Джейсон.

— Кто?

— Те, которые застрелили папу. Наверное, вернуться, и нас тоже застрелят?

— Нет. Не вернуться, — отвечает мама.

— Откуда ты знаешь? — не унимается он.

— Просто знаю, вот и всё.

— Как ты думаешь, это больно?

— Что?

— Когда в папу стрельнули. Думаешь ему было больно?

— Нет, — ответила мама. — Думаю, всё случилось настолько быстро, что он ничего и не почувствовал.

— Это хорошо, — сказал Джейсон. — Или нет?

— Это хорошо, — отвечает мама. — Давай ка теперь постараемся уснуть, ладно?

— Ладно, — Джейсон зевает, прижимается к маме и закрывает глаза.

Мама посмотрела на меня, но я ничего не сказала. Не смогла. Я потянулась к ней и крепко её обняла, положив голову ей на плечо.

IV

Битси и Уолтер живут с нами уже десять дней, и, чтобы помочь маме, они предлагают остаться подольше. Но мама говорит: — Вы для нас уже столько сделали.

— И будем продолжать делать, — говорит Битси. — Мы ведь семья. Может за последние годы мы не часто виделись . . .

— Мы постоянно планировали съездить к вам в Нью-Мексико, да всё никак . . . — покачала головой мама, не договорив, как и тётя.

— Ну, так поедемте сейчас. Смена обстановки пойдёт вам на пользу.

— Не могу, — говорит мама. — Мне тут ещё порядки наводить.

— Значит так . . . насчёт денег не переживай, Гвен. Мы поможем. Мы *будем* помогать, пока вы твёрдо не станете на ноги.

Мама стиснула губы и снова помотала головой. — Мы сами сможем.

Битси встаёт из-за стола и идёт на кухню за третьей чашкой кофе. Я стою возле плиты, размешивая чай с мёдом, но так его и не попью.

— Я помню его совсем маленьким, — говорит Битси. — Это был прелесть, а не ребёнок. — Сначала я подумала, что она говорит о Джейсоне. Но, когда сказала: — Всегда рисовал . . . с самого начала . . . отличник . . . хороший спортсмен . . ., — я поняла, что она говорит об отце. — До сих пор не могу поверить . . ., — от волнения у неё дрожит голос.

Я не хочу, чтобы она плакала. Не сейчас. Она пару раз глубоко вздохнула, высморкалась и всё прошло. Вернувшись из кухни с чашкой кофе, она села и продолжила: — Ни завещания, ни страховки, ни сбережений, — оброщается она к маме. — Как вы

вообще жили? Одной любовью?

— Как то так, — отвечает мама.

Битси вздыхает. — Адам всегда был мечтателем.

— Да. За это я его и любила.

Так ведь мы все мечтатели, подумалось мне. Кто мы, без мечты?

Позже, поцеловав нас на прощанье, Уолтер и Битси сказали, что у них большой дом . . ., в котором нам всегда будут рады.

Уолтер добавил: — Звоните в любое время.

— Спасибо вам, — поблагодарила мама. — Мы рады, что вы приехали. Вы очень помогли.

Когда они уезжали, у меня возникли какие-то противоречивые чувства. Хорошо, когда мы снова одни. Только мы. Только наша семья. Вот только отца больше рядом нет. Он не вернётся. С этого момента нас будет только трое.

Ночью я лежу, напуганная. Слышу какой-то шум, которого раньше не было. Когда Уолтер и Битси спали в гостиной на диване, я не боялась. Никто не боялся. Теперь в каждой комнате снова горит свет, ещё и Джейсон посреди ночи ворочается в маминой постели.

Я хочу тоже пойти в комнату к маме. Когда мы втроём прижимаемся друг к дугу, исчезает чувство одиночества. *Но ведь мне уже пятнадцать лет,* напоминаю я себе. *Не могу же я постоянно спать вместе с мамой.*

Худшие моменты наступают, когда я начинаю думать о коричневом бумажном пакете, что лежит на полке в шкафу. От этого сильно колотиться сердце, и я задыхаюсь. Чтобы избавиться от этого наваждения, я зажмуриваюсь.

Мы живём над магазином, и я прислушиваюсь к шагам на наружной лестнице. Если кто-то попытается подняться сюда, у меня есть чем за себя постоять, — говорю я себе, касаясь кухонного ножа, который спрятала под подушкой.

И не только я одна готова к обороне. У мамы под кроватью

лежит пистолет. Она не знает, что мне это известно. Но это факт. Я видела его у неё в руках. И он заряжен. Она готова его применить, если потребуется.

Не так, как папа.

Он держал пистолет в магазине — прямо под кассовым аппаратом, на полочке. Но он не был заряжен, потому что боялся, что Джейсон может взять его. Поэтому патроны находились в запертом ящике, и ключ был только у моего отца. Нас грабили ещё дважды, но уже во второй раз отец пригрозил тому парню пистолетом, и тот убрался, прихватив только упаковку из шести бутылок.

Отец мечтал продать магазин и открыть маленькую галерею со скульптурами и картинами. Он мог бы стать вторым Ван Гогом. В крайнем случае — портретистом. Он очень хорошо умел передавать лица — в особенности глаза. Рядом с кассой стоял мольберт, и когда покупателей не было, он делал наброски. По периметру магазина на проволоке висят рисунки углём — в основном портреты наших покупателей. А наверху, в родительской спальне, стены увешаны нашими портретами. Маминым, Джейсона и моими. Семейная история.

Хью работал в магазине всё лето. Так мы и познакомились. Но не сразу начали встречаться. Сначала я просто спросила его: — Поможешь мне сложить хлеб?

И Хью ответил: — Конечно, помогу.

Хью не особо разговорчивый. Я знала о нём только то, что он старшеклассник и, что он любит пиццу с колбасой пеперони. И ещё я знала, что чувствую, когда он рядом со мной. Когда он смотрит на меня. И когда нежно прикасается к моей руке.

V

Сижу я как-то днём в гостиной и листаю журнал. Читать надоело. И всё же я снова пытаюсь, но слова расплываются — не вдумываясь, перечитываю одно и то же предложение. Мама и Джейсон отдыхают в своих комнатах. Дневной сон для нас уже привычка. В дверь звонят, и мне за всех приходится идти открывать. Это оказывается Хью.

— Как дела, Дэйви? — спрашивает он, обнимая меня.

Не успела я соврать, что у меня всё *нормально*, как Хью расплакался. Чувствуя, как он дрожит, я отстраняюсь от него и отвожу взгляд в сторону.

— Может, сходим на пляж? — говорит он, всхлипывая.

— Нет, — отвечаю я.

— Твоя мама говорит, что после похорон ты так и не выходила из дома.

— Ну и что?

— А то . . ., что тебе было бы полезно прогуляться.

В этот момент входит мама, накинув на себя халат. — Я ей говорю то же самое. Прогулялась бы на свежем воздухе.

— Ну, хорошо, — соглашаюсь я, увидев замученное лицо мамы. Иду в ванную и умываюсь холодной водой. У меня вокруг глаз образовались тёмные круги, а загар приобрёл какой-то желтоватый оттенок. Продеваю пояс от халата в джинсы: они спадают с меня, потому что я сильно похудела с той ночи. Я выгляжу отвратительно. Но мне всё равно.

На улице яркое солнце слепит глаза, я прикрываюсь рукой и спускаюсь по лестнице следом за Хью, но на магазин не смотрю. Там на дверях весит табличка с надписью «ЗАКРЫТО». Я видела, как Уолтер крепил её на следующий день после похорон.

Хью берёт меня за руку и нежно поглаживает мои пальцы,

пытаясь успокоить меня. Я знаю, что ему тоже тяжело, и сжимаю его пальцы в ответ, выражая ему своё понимание. Мы идём на набережную, переходим её и направляемся на пляж.

Я глубоко вдыхаю и ощущаю солёный воздух, смешанный с ароматом жареного арахиса с карамелью и затхлым запахом причалов с аттракционами.

Меня зачали на пляже, под пирсом «Миллион Долларов». Раньше родители называли меня своей «Малышкой на Миллион Долларов». Я — причина, по которой отец отказался от спортивной стипендии в Рутгерсе, а мама пошла работать в магазин карамели «Джеймс Солтвотер Таффи». В те дни Атлантик-Сити был отстойным местом. Но сейчас он преобразился. Теперь, когда азартные игры разрешили, Атлантик-Сити должен стать очередным Лас-Вегасом. Повсюду вырастают отели и казино.

— О чём задумалась? — спрашивает Хью, пока мы идём по берегу океана.

— Ни о чём, — отвечаю я.

И вдруг Хью обнимает меня и целует. Я хотела бы ответить взаимностью, но не могу. Его поцелуи напоминают мне ту ночь. Я вырываюсь и убегаю. Слышу, как он зовёт меня: — Дэйви . . ., подожди.

Но я не останавливаюсь и продолжаю бежать, пока не оказываюсь дома. Потом я забираюсь в постель и не вылезаю из неё пять дней.

VI

Не хочу идти в школу. Ничего не хочу делать. Хочу лежать в постели, укрывшись с головой. Целый день. А ночью я брожу по дому с кухонным ножом в руке, проверяю дверной замок и прислушиваюсь к каждому шагу. Я пытаюсь всё это забыть. Не вспоминать ту ночь. Забыть о коричневом бумажном пакете, что на полке в шкафу. Ни о чём не вспоминать.

— Дэйви, прими душ, — говорит мама вечером перед школой. — Помой голову. Уверена, ты не мыла её дней десять. На тебя это не похоже.

Прошло тринадцать дней. Я купалась тринадцать дней назад. Знаю, что от меня воняет. Но мне пофиг. Я переворачиваюсь, накрываюсь простынёй и затыкаю уши. Постельное бельё тоже воняет. Но мне нравится этот тёплый солёный запах с лёгкой кислинкой. И этот запах немытого тела исходит от меня.

— Ну, пожалуйста, дорогая, — просит мама. — До завтра не откладывай, ведь тебе утром в школу.

И не собираюсь я сутра вставать и становиться под душ.

Мама слегка потормошила меня, чтобы убедиться, что я слушаю. — Ради меня, Дэйви. Сделай это ради меня, хорошо?

Это *«ради меня»* цепляет за живое. Иногда мама давит на жалость. Скорее всего не намеренно — просто у неё так получается. На душе становится как-то гадко за такое моё поведение. В конце концов, я не одна переживаю за отца.

И вот я встаю с постели и направляюсь в душ — меня шатает от недостатка движения и питания.

Минка бежит следом за мной, запрыгивает на унитаз и жадно пьёт из него воду. В кухне у неё есть своя миска со свежей водой, но почему-то ей больше нравится пить из унитаза. Я уже и не пытаюсь отучить её. Минка — кошка с черепаховым окрасом и

белыми лапками. Мне подарили её на двенадцатилетие. Она была единственной девочкой в помёте. Ленайя говорит, что у Минки оральная фиксация. То есть, в детстве она недостаточно сосала молоко, поэтому теперь она пытается это компенсировать. Правда, она облизывает всё: пальцы рук, ног, — что угодно, и за это я люблю её ещё сильнее.

Интересно, понимает ли Минка что случилось с отцом. Иногда мне кажется, что да. Будто она чувствует: что-то не так. С той ночи она стала гораздо менее игривой и почти всё время проводит, свернувшись клубочком, спит на моей кровати, прижавшись к моим ногам. А может, она просто пытается утешить меня. Кто знает?

Я становлюсь под горячий душ, намыливаюсь с головы до ног. Дважды мою волосы шампунем — пена стекает по лицу и щиплет глаза.

Раньше я пела в ду́ше. Мне нравится, как звучит мой голос в замкнутом пространстве. Может когда-нибудь ещё спою. Интересно, когда?

Я заворачиваюсь в полотенце и иду по коридору к себе в комнату. Пока я купалась, мама заменила постельное бельё.

— Не нужно было.

— Знаю. Но мне захотелось, чтобы тебе лучше спалось, — отвечает она.

— Что-то неважно я себя чувствую, — говорю я ей. — Кажется, начинаю заболевать, — и снова ложусь в постель, уже на чистую подушку.

Мама садится на край кровати. — Я помню свой первый день в школе, — говорит она, откидывая волосы с лица. — У меня были жуткие спазмы в животе. Мне тоже не хотелось идти. — Она берёт меня за руку.

— У меня другое, — говорю я. — Это . . .

— Я знаю, Дэйви, — Её глаза наливаются слезами. — Я всё знаю.

— Нет. Ты знаешь не всё.

На следующее утро я захожу на кухню, а Джейсон в своём плаще Дракулы жадно уплетает хлопья. Он не может дождаться, когда снова пойдёт в школу. — А в этом году я буду читать настоящие книги. Больше никаких книжек для малышей. Правда, мам?

— Правда, Джейс, — говорит мама, намазывая гренку маслом.

— А что ещё . . . что я буду изучать? — спрашивает Джейсон.

— О, много интересного, — говорит мама.

Я стою перед открытым холодильником, но заглядываю в него без интереса. Вроде бы и хочется что-то съесть, и кусок в горло не лезет.

— Чему тебя учили во втором классе, Дэйви? — спрашивает Джейсон, набрав полный рот хлопьев.

— В основном тому же, что и в первом, — отвечаю я, закрывая холодильник. — Надеюсь, ты не пойдёшь в школу в этом плаще.

— А что? Он мне нравится.

— В нём ты — как Дракула.

— Так и должно быть.

— Мам . . . что он так и пойдёт? По мне, так . . .

— Ой, да пусть идёт, — говорит мама. — Если ему в нём удобно . . .

— Удобно, — повторяет Джейсон, съедает гренку, а потом говорит: — Мам, а как же магазин? Ты откроешь его сегодня?

— Не сегодня, — отвечает мама.

— А когда? — настаивает Джейсон.

— Не знаю.

С той ночи мама ни разу не заходила в магазин. Никто из нас не заходил. Я не знаю, что мы теперь будем делать.

На остановке я встречаю Ленайю и, когда приезжает автобус,

в нём как раз оказывается два свободных места рядом, которые мы и занимаем. Пока едем к следующей остановке, весь проход набивается детьми. Мне становиться душно. Сначала у меня холодеют и становятся влажными ладони, затем подташнивает и, наконец, начинает кружиться голова, как перед потерей сознания, и я обмякаю.

— Тебе плохо? — спрашивает Ленайя.

Я не в состоянии ответить.

Она наклоняется и тихо говорит мне на ухо: — Ты завтракала?

Я качаю головой.

— Вот, — говорит она, порывшись в своей сумке с обедом, — поешь, — и протягивает мне уже очищенный апельсин.

Я кладу одну дольку в рот и, раскусив её, смакую сладкий сок.

Мне становится лучше.

В школе я едва выдерживаю общую линейку, где директор приветствует наш класс, затем короткий классный час и урок английского, на котором мы с Ленайей сидим рядом. Она всё время поглядывает на меня, дарит робкие полуулыбки и один раз, потянувшись ко мне, коснулась моей дрожащей руки. Но до этого момента я и не замечала, что она дрожит.

После английского я остаюсь одна и пытаюсь найти кабинет 314, где у меня должна быть геометрия. Но я не могу его найти, и мне становится страшно. Я чувствую, как у меня начинает колотиться сердце. Мне никак не удаётся перевести дыхание, и я начинаю дышать всё сильнее и быстрее, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха, но это не помогает. Ничего не помогает. Навстречу мне по коридору идёт группа ребят — они смеются и разговаривают. Один из них может и есть тот наркоман, который убил моего отца, думаю я. Нет никаких доказательств, что убийца был наркоманом или вообще подростком, но таковó моё мнение.

Мне хочется убежать. Убежать подальше из этой школы. Но я не могу двинуться с места. И шагу не могу ступить. Задыхаюсь,

теряю сознание и падаю, глухо ударившись головой о пол.

Позже мне рассказали, что две девочки и мальчик помогли мне добраться до медкабинета.

Медсестра считает, что у меня обычная психосоматическая реакция, вызванная первым учебным днём.

— Не в этом дело, — пытаюсь я объяснить с койки, на которую меня уложили. Я замечаю, что ремень на штанах ослаблен, а мои кроссовки «Adidas» аккуратно стоят под койкой.

— В чём тогда? — спрашивает медсестра.

Она очень красивая. У неё тёмные волосы, аккуратно зачёсанные назад, и серые глаза. Она говорит с акцентом, и сначала я не могу его определить, но потом понимаю, что это оклахомский, потому что у моей мамы есть подруга Одри из Талсы, и у неё такой же говор.

— Взрослеть нелегко, — как-то смешно и наивно говорит медсестра. — Многие из нас не готовы покинуть родное гнездо.

— Нет, — говорю я. — Вы не понимаете.

Она улыбается — О, ещё как понимаю, — просматривает мою медицинскую карту и читает, что записал наш семейный врач: — Сердечных заболеваний нет, диабета нет, нет истории сильных болей или обмороков, менструация в норме. В общем… никаких расстройств не выявлено. — Она снова мне улыбается и закрывает папку. Проходит через комнату, кладёт папку обратно в картотеку и возвращается со стаканом воды и двумя белыми таблетками. Протягивает их мне и говорит: — Вот, выпей.

— Что это? — с подозрением спрашиваю я.

— Аспирин.

— У мене не болит голова.

— А как же шишка?

— Она не болит. Если не трогать.

— Тем не менее, — говорит медсестра. — Нужно выпить.

Она будет стоять у меня над душой, пока я не проглочу аспирин. Однозначно. Так что всё-таки придётся. Я сажусь и принимаю таблетки.

— Вот и молодец, — говорит она и пододвигает стул поближе к койке. Садится, поправляет на коленях халат, наклоняется ко мне и спрашивает: — Дэйви, у тебя сейчас месячные?

— Нет.

Она пристально всматривается в меня, отчего мне становится не по себе. Интересно, неужели нет ничего более важного в первый учебный день? Потом она спросила: — Наркотики принимаешь?

Меня обидела такая постановка вопроса, и я промолчала.

— Не под запись, — говорит она. — Строго между нами.

— Нет, — отвечаю я. — Не принимаю.

— Может вчера вечером косячок забила?

— Ничего я не забивала.

— Бухáла?

— Нет.

— А может быть ты беременна?

— Да, нет же.

— Может всё-таки что-то есть?

— Не может.

В этот момент в кабинет входит мальчик и кричит: — Медсестра . . . У меня ухо сильно болит.

Медсестра задвигает белые занавески перед моей койкой, наконец-таки оставив меня в покое. Я слышу, как она говорит мальчику, что два аспирина, вероятно, помогут. Я закрываю глаза и засыпаю.

На второй день, когда мы с Ленайей идём на обед, я снова теряю сознание, и она помогает мне добраться до кабинета медсестры.

— Снова? — говорит она, неодобрительно цокая языком. — Что же нам с тобой делать?

Когда то же самое случается и на третий день, медсестра

говорит: — Знаешь что, Дэйви? Тебе пора показаться врачу.

Мама ведёт меня к доктору Фостеру. Он выслушивает моё объяснение по поводу происшедшего, быстро осматривает, говорит мне одеться, и зайти к нему в кабинет.

Мама и доктор уже ждут меня там. На семейной фотографии, что стоит на столе, его жена и два маленьких сына. Сейчас они старше меня. Он что-то пишет в моей карточке, затем, взглянув на меня, говорит: — У тебя гипервентиляция, Дэйви. Понимаешь, что это значит?

— Мне кажется, это из-за обморока.

— Обморок — это следствие, — объясняет доктор. — Причина же в дыхании.

— Я иду — и вдруг приступ удушья, и *не могу* вдохнуть.

— Да, уж . . ., — говорит доктор Фостер. — Мы сами себя до этого доводим. Такое бывает у дайверов и, у спринтеров перед стартом. В мозг поступает слишком много кислорода, что вызывает головокружение.

— Почему это происходит?

— Всё это вызвано беспокойством. Тебе многое пришлось пережить. — Он переводит взгляд на маму, которая безостановочно теребит на сумочке застёжку, которая щёлкает при каждом движении, что в тихой атмосфере кабинета было очень слышно. — Новая школа . . . трагедия в семье, — продолжает доктор Фостер. — С этим трудно справиться сразу.

Я обратила внимание на то, что он упомянул новую школу раньше, чем трагедию.

— Разумеется, признать проблему — лучший способ справиться с ней, — говорит доктор, потирая себе глаз. — Вот, что я тебе скажу, — обращается он, — понаблюдай за собой в течение недели. Если почувствуешь, что снова начинается приступ, настрой себя на то, что тревожиться — это нормально. В этот момент постарайся расслабиться. Дыши медленно, ровно. — Он что-то быстро записывает на бланке рецепта, отрывает листок и

протягивает мне. — И я хочу, чтобы ты принимала этот витаминный комплекс с повышенным содержанием витаминов и минералов. — Он встаёт. — Ей было бы полезно сменить обстановку, — говорит он маме. — Это пошло бы на пользу всем . . ., если есть такая возможность.

— Благодарю вас, доктор Фостер, — говорит мама. — Уходя, она вечно его благодарит — можно подумать, он делает нам великое одолжение, соглашаясь нас лечить.

— Обращайтесь в любое время, Гвен, — говорит он. — Всегда готов помочь.

— Да. Я знаю.

Он ободряюще хлопает меня по плечу. — Всё наладится, Дэйви. Нужно время . . . вот и всё.

Этим же вечером мама позвонила Битси и Уолтеру в Нью-Мексико. — Я принимаю ваше предложение. У Дэйви возникли . . ., — она замялась, пытаясь подобрать подходящее слово, — неприятности. И доктор дал рекомендацию, сменить обстановку.

Закончив разговор и, положив трубку, мама сообщила нам, что Битси и Уолтер будут очень рады нашему приезду.

— У них там есть океан? — спросил Джейсон.

— Нет, но есть горы.

— Высокие?

— Очень. — ответила мама.

— Такие высокие, что с них можно упасть?

— Нет.

— Точно?

— Ну, да.

Уолтер и Битси организовывают нам перелёт из Филадельфии в Альбукерке, и даже устраивают так, что Минка летит со мной в пассажирском салоне, а не в багажном отделении.

Я переживаю из-за оплаты билетов, потому что знаю: лишних денег у нас нет, и тут выясняется, что билеты уже оплачены Уолтером и Битси. — Конечно, я им всё верну, — говорит мама. — Как только у нас всё наладится.

Мы отправляемся через три дня. В школу идти нет смысла, ведь нас не будет больше двух недель. Мама по этому поводу не спорила, тем самым согласившись со мной. За эти три дня у меня не было ни единого приступа удушья. Меня отвлекли мысли о поездке, о скором отъезде. Я воображаю себе Нью-Мексико, и стараюсь не думать о той ночи.

Каждое утро мама напоминает мне принимать витамины. Они крупные и их сложно глотать. Из-за них ещё и моча зелёная.

В самолёте, где-то между Чикаго и Альбукерке, я смываю оставшиеся витамины в унитаз.

VII

Битси и Уолтер встречают нас в аэропорту. Такого синего неба, как в Альбукерке, без единой тучки, я никогда раньше не видела. От него невозможно отвести взгляд. Оно кажется нереальным. Солнце припекает, но здесь не так жарко, как в душном Атлантик-Сити.

Мы забираемся в «Блейзер». Мама садится впереди рядом с Битси и Уолтером. Мы с Джейсоном устраиваемся сзади. На нём его плащ Дракулы, он его никогда не снимает. Мне кажется, он даже спит в нём. Я держу Минку на коленях. За нашим сиденьем есть свободное место, куда Уолтер свалил весь наш багаж. Я оборачиваюсь посмотреть, не забыл ли он мою сумку и рюкзак, и замечаю что-то очень похожее на ружьё. Оно длинное и гладкое. От увиденного у меня бешено начинает колотиться сердце.

— Дядя Уолтер, — говорю я, — это что, ружьё сзади?

— Да, — отвечает он.

— Заряженное? — спрашиваю я.

— Ещё бы . . . не надо его трогать!

— Что, и здесь бандитизм? — я начинаю тяжело и часто дышать.

— Нет, — говорит Битси. — Там на Холме . . .

— На Холме? — перебиваю я.

— Да, — отвечает Битси, — мы так называем Лос-Аламос . . . у нас там наверху в этом плане всё спокойно.

— Тогда зачем же вы возите с собой заряженное ружьё? — спрашиваю я, стараясь успокоиться и привести дыхание в норму.

— Никогда не знаешь, что может случиться, — отвечает Уолтер, — особенно здесь внизу. Лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Я ничего не понимаю и решаю больше не расспрашивать: от всего этого я на нервах, к тому же каждый раз, когда я задаю Уолтеру вопрос, он оборачивается и отвечает мне через плечо, отрывая взгляд от дороги.

В этот момент я вижу, как мама хватается одной рукой за спинку сиденья, а другой держится за ручку двери.

— Уолтер! — вопит Битси, когда он резко выворачивает руль, едва не столкнувшись с проезжающей машиной.

Джейсон влетает в меня, смеясь.

— У папы в магазине был пистолет. Правда, мам?

— Правда, — отвечает мама, и отпускает спинку сиденья, за которую держалась.

— Но он не был заряженным, потому что папа боялся, что я захочу поиграть с ним. Правда, мам?

— Правда, Джейс. Посмотри, какой красивый пейзаж за окном.

— Я *вижу*, — говорит Джейсон. — Я могу говорить и смотреть одновременно.

Какой прекрасный пейзаж! Мы мчимся по открытой равнине; вдалеке вдруг, как будто из неоткуда, вырастают горы — суровые, чёрные, словно сделанные из папье-маше. Земля местами то коричневая, то жёлтая, то почти красная.

Через час пути Джейсон говорит: — Хочу пи́сать.

Вокруг ни заправки, ни закусочной — вообще ничего, насколько глаз хватает, только земля да небо.

Уолтер съезжает с дороги и уводит Джейсона ненадолго прогуляться. Когда они возвращаются и мы снова едем, Джейсон засыпает, положив голову мне на колени. Потом он внезапно просыпается, не понимает, где находится, и я вижу страх в его глазах.

— Всё в порядке, — говорю я ему, убирая со щеки прилипшие от пота волосы.

Я тоже закрываю глаза, а когда просыпаюсь, чувствую, как

натужно тянет „Блейзер“, поднимаясь всё выше и выше. От перепада высоты у меня заложило уши, и, чтобы отпустило, мне пришлось зевнуть. — Ещё долго ехать? — спрашиваю я Уолтера.

— Минут пятнадцать, — говорит он, оборачиваясь ко мне. Я забываю, что его нельзя отвлекать, когда он ведёт машину.

Минка прыгает по всему салону «Блейзера», гоняясь за маленькой молью, залетевшей через заднее окно. Я смотрю на часы: полшестого. Но тут же вспоминаю, что это время Нью-Джерси. Здесь только полчетвёртого. Я перевожу часы.

Мы въезжаем в серию змеевидных поворотов горного серпантина; справа — обрыв в сотни метров. Джейсон хватает меня за руку и сжимает так сильно, что от его пальцев на моей коже остаются следы. Круг за кругом — и я понимаю, почему Битси называет Лос-Аламос Холмом.

На полпути Уолтер съезжает на смотровую площадку, и мы выходим из «Блейзера», чтобы размяться и полюбоваться видом. Кругом, на многие километры, простирается море скалистых утёсов, обрывающихся в глубокие каньоны. Я не знаю, как когда-нибудь смогу описать этот вид Ленайе и Хью.

— Теперь ты понимаешь, почему Оппенгеймер выбрал Лос-Аламос для Проекта Y, — говорит Битси маме.

— А что такое Проект Y? — спрашивает Джейсон.

— Кодовое название строительства атомной бомбы, — отвечает Битси. — А Лос-Аламос — это секретное место, где жили учёные, пока разрабатывали её.

— И оно до сих пор секретное? — интересуется Джейсон.

Битси смеётся: — Уже нет.

Джейсон разочарован.

Мы снова садимся в «Блейзер» и едем ещё несколько километров, пока не въезжаем в сам город. После двух часов пути, после впечатляющих пейзажей, после рассказов о городе как о секретном месте, я тоже испытываю разочарование. Лос-Аламос выглядит обычным, скучным и заурядным. Однажды я ездила

навестить брата друга, который служил на военной базе Форт-Дикс в Нью-Джерси. Так вот, Лос-Аламос напоминает мне эту базу. Мне кажется, куда не поедешь, повсюду будут всё те же торговые центры, библиотечки, почты.

Мы сворачиваем направо, на Даймонд-драйв, и Битси показывает нам школу — огромное здание из коричневого шлакоблока. На парковке полно ребят. Все в футболках и джинсах. Я и забыла, что сегодня четверг и большинство детей сейчас на занятиях. Интересно, что сейчас происходит в моей школе, в Атлантик-Сити.

Затем мы сворачиваем налево, потом ещё один поворот налево и заезжаем на подъездную дорожку на улице. Здесь большинство домов выглядят одинаково: с маленькими, аккуратно подстриженными лужайками перед входом и рядами бархатцев. Всё кажется мне знакомым, будто я уже видела это раньше — всё, кроме гор.

— Вот мы и дома! — пропела Битси.

Перед гаражом припаркована ещё одна машина с наклейкой на бампере: *«Я люблю свою Вольво»*. По пути к дому Битси хлопает её по капоту и говорит: — Это *моя* малышка.

Уолтер заносит наши сумки, а затем возвращается на улицу, чтобы помыть «Блейзер» из шланга, пока Битси проводит нам экскурсию по дому. Она объясняет, что раньше он был государственным двухквартирным, но они с Уолтером переделали его в дом для одной семьи.

Внутри — огромная гостиная-столовая. Мебель в стиле ранней Америки кажется маленькой, но только потому, что сама комната просто огромная. Там есть камин, по бокам от которого стоят два дивана, заваленные горой вышитых подушек.

На кухне Битси открывает морозилку и говорит: — Мы каждый год покупаем целую тушу говядины.

Мы с Джейсоном заглядываем внутрь. Я ожидала увидеть там половину коровы, но вместо этого обнаружила много аккуратно

упакованных свёртков с надписями: *«полкило фарша»*, *«полтора кило говяжьей грудинки»*. Там также лежали горы замороженных овощей, запасов которых хватило бы на полгода.

На втором этаже два крыла. Битси ведёт нас в наше: оно состоит из трёх маленьких спален и ванной комнаты. Почти так же, как в нашем доме в Атлантик-Сити. У Битси с Уолтером спальня и ванная в другом крыле.

— Ужин на террасе через час, — говорит Битси.

Я закрываю дверь в свою комнату и плюхаюсь на кровать вместе с Минкой. Но Минке не терпится всё исследовать, и она вырывается из рук. Ей нравятся маленькие помпоны на белом шенилловом покрывале. На одной из стен висят старые фотографии. Я долго их рассматриваю, прежде чем осознаю, что это семья моего отца. Иногда я забываю, что Битси — его сестра. Что у них общие родители.

Рядом с кроватью стоит отреставрированный сундук, на котором сложен желто-белый плед. Я откидываю его на кровать и открываю сундук. Он пуст, но изнутри аккуратно оббит тканью с декоративным восточным орнаментом. Будь это мой сундук, я хранила бы в нём особенные вещи: свой комплект ангорских свитеров, дневник и любимые книги.

Я решаю разобрать вещи, уверенная, что мне станет легче, как только я разложу всё по местам. Я раскладываю одежду в ящики комода, а в шкаф вешаю платье и два жакета. Коричневый бумажный пакет я кладу на верхнюю полку, в самый угол. Кухонный нож прячу под подушку. Ну вот. Готово. Я подхватываю Минку на руки и несу её вниз.

Вся семья уже на улице. Джейсон на лужайке за домом играет во фрисби; мама растянулась в шезлонге на террасе, потягивая напиток; Уолтер в фартуке жарит гамбургер на гриле; а Битси суетится, бегая туда-сюда из дома на улицу, вынося тарелки для ужина, деревянную миску для салата и корзину с фруктами.

Вдруг мне так захотелось есть. Не знаю, то ли время подошло, то ли запах поджаренных на углях гамбургеров так подействовал, то ли ещё что. Но я не была так голодна с той самой ночи. Раньше у меня был просто зверский аппетит, и мама вечно подкалывала меня, мол, следи за собой, не то растолстеешь. Вряд ли. При росте метр шестьдесят пять я вешу всего сорок шесть кило, а сейчас, после того как я ещё и сбросила, во мне не больше сорока трёх.

Уолтер поглядывает на мясо и зовёт Джейсона. Он пулей несётся к террасе, и мы усаживаемся за стол из красного дерева.

— Ну, — говорит Битси, размахивая вилкой, — как вам наше гнёздышко?

— Красота, — отвечает мама, но как-то рассеяно, думая о чём-то своём.

Битси вздыхает. — Знаешь, Дэйви, когда мы покупали этот дом, мы рассчитывали, что у нас будут дети, но. . . c'est la vie.

Я молчу, не зная, что ответить.

— Годы ушли, — продолжает Битси, — на все возможные анализы и тесты. Скажи, Уолтер.

— Да, это так, — подтверждает Уолтер.

— Конечно, сегодня столько новых методов... но для нас уже слишком поздно.

Я думаю о том, что моим родителям стоило рискнуть всего один раза — и бац. . . появилась я. Интересно, что Уолтер и Битси думают по этому поводу? Уверена, они в курсе. И почему они так и не усыновили ребёнка, если им так сильно этого хотелось? Но я не спрашиваю. Я доедаю гамбургер и тянусь за добавкой картофельного салата.

— Видите вон ту абрикосу? — говорит Битси, указывая на дерево. — Мы посадили её в год нашего новоселья. Красивая, правда?

— Да, — все ответили в один голос.

— Мы так счастливы, что вы приехали, — говорит Битси,

похлопывая маму по руке. — И мы хотим, чтобы вы замечательно провели здесь время.

Битси говорит так, как будто мы и впрямь в отпуске. Будто всё в полном порядке и мы обычная семья, которая приехала навестить родню и ужинает на террасе.

Никто и не упоминает истинную причину нашего приезда. Никто не вспоминает про отца.

На десерт Битси выносит песочно-бисквитный клубничный пирог с мороженым.

— Ням-ням, — говорит Джейсон, смакуя пирог и облизываясь. — Вкусняшка! — Он быстро его съедает и снова мчится во двор играть во фрисби.

Битси наливает всем нам кофе. Хоть я никогда его не пью, но всё же беру чашку и, чтобы перебить горечь, засыпаю четыре ложки сахара, и заливаю сливками до самого верха.

Я без особого внимания слушаю, как Уолтер и Битси болтают о городе, своих друзьях и обо всех достопримечательностях, которые нам предстоит увидеть.

И вдруг неожиданно Джейсон кричит: — Мамочка. . . мамочка! . . — и бежит к террасе, закрыв лицо руками.

Когда он убирает руки, я вижу кровь. Кровь течёт по одежде и капает на доски террасы. Меня охватывает паника, и я кричу. Я продолжаю кричать, пока мама не хватает меня и не начинает трясти за плечи, выкрикивая:

— Прекрати, Дэйви! Перестань! Это просто кровь из носа. Всего лишь кровь из носа.

Она крепко прижимает меня к себе, и мой крик переходит в рыдания.

— Всё хорошо, милая, — повторяет мама снова и снова. — Всё хорошо.

Битси суёт мне под нос стакан и говорит: — На. . . глотни. . .

Я пытаюсь спросить: — *Что это?*, но не могу вымолвить ни слова.

Должно быть Битси понимает это и говорит: — Это бренди. Тебе станет легче.

Я делаю глоток, он обжигает мне горло, и я закашливаюсь. Тем не менее я делаю второй глоток, затем третий. В животе разливается тепло. Я сажусь и стараюсь дышать спокойно.

— Ну, ты истеричка! — говорит Джейсон. Он сидит на коленях у Уолтера, прижимая к затылку пакет со льдом.

— Это из-за высокогорья, — объясняет мне Уолтер. — У некоторых, когда они только сюда приезжают, из носа идёт кровь. С ним всё будет в порядке.

— Со мной всё будет в порядке, — повторяет Джейсон. — Ты что, думала, я умираю?

— Нет, конечно же нет, — отвечаю я.

— Чего тогда кричала?

Я качаю головой и не могу ответить.

VIII

Спустя неделю мы сидим за обеденным столом, и я спрашиваю Битси, можно ли мне завтра одолжить её велосипед. Я видела в гараже два велика, на каждом из которых была наклейка «*Кроник*», а на раме выгравированы их адрес, телефон и номер социального страхования.

— Конечно, — отвечает Битси, — при условии, что ты наденешь шлем.

— Шлем? — переспрашиваю я.

— Да. Можешь взять мой. — Она допивает третью чашку кофе и вытирает рот салфеткой.

— Но в Атлантик-Сити я постоянно катаюсь, — говорю я ей, — и никогда не надеваю шлем.

— Такое правило, — настаивает Битси, вставая из-за стола и складывая тарелки.

— Серьёзно? — спрашиваю я. — Вы это всерьёз?

Конечно же, я знаю, что она на полном серьёзе, но тут у меня возникает идея: а вдруг она передумает, если я засыплю её вопросами.

— Ещё бы, не серьёзно, — говорит она.

Провальная оказалась идея.

— Ладно. Надену. — Я готова на всё, лишь бы мне побыть наедине. Немного одиночества, чтобы просто подумать.

— Мы выезжаем на озеро Кочити в десять тридцать. Постарайся вернуться к этому времени.

Озеро Кочити — пункт номер один в завтрашней программе. Уолтер взял отпуск на неделю, чтобы показать нам достопримечательности. На данный момент мы уже посетили Камел-Рок, национальный памятник Бандельер, три индейских пуэбло, Таос и ранчо Д. Г. Лоуренса.

Но что-то мне подсказывает, что ещё одного дня осмотра достопримечательностей со всей семьёй мне не выдержать. Поэтому подход здесь должен быть деликатный и осторожный. Я прокашливаюсь и говорю: — Дело в том, что я бы очень хотела завтра отпроситься. То есть, если вы не против. — Я осматриваю всех за столом, пытаясь уловить реакцию. По лицам ничего не понятно, поэтому я продолжаю: — Мне бы просто хотелось покататься на велосипеде и, может, позагорать на террасе…

Мне важно не обидеть их. Ведь они добры ко мне. Хоть мне уже и тошнит от лекций Уолтера обо всём на свете: от Чёрной Месы до чёрной керамики, от солнечной до ядерной энергии. Он рассказывает так, словно разбирается во всём. И кто знает? Может, так оно и есть.

Первой заговорила Битси. — Ну, — осторожно произносит она, — как раз отдых и покой мы и планировали на следующую неделю, когда Уолтер вернётся в лабораторию.

— Но это именно то, что мне нужно сейчас, — твердо говорю я, сама поражаясь своей решительности.

— Что думаешь, Уолтер? — спрашивает Битси.

Уолтер обдумывает это с таким видом, будто на кону мировая безопасность. — Хмм... — начинает он. Я тереблю пуговицы на рубашке и жду. — Думаю, всё будет в порядке, — наконец изрекает он, — если Дэйви пообещает быть очень осторожной.

— О да, — отвечаю я им. — Я буду очень осторожна.

— Гвен… — произносит Битси, глядя через стол на маму. — С тобой всё в порядке?

— Что? А, да… всё хорошо, — отвечает мама. У меня такое чувство, что она вообще не понимает, о чём мы говорим. Она выглядит какой-то рассеянной.

— Раз уж Дэйви с нами не поедет, значит, всё заднее сиденье «Блейзера» будет в моём распоряжении, так ведь? — интересуется Джейсон.

— А вот и нет! — говорит ему Битси. — Я сяду сзади и буду щекотать тебя всю дорогу до Кочити.

— Нет! — кричит Джейсон.

У них такая игра: Битси грозится пощекотать Джейсона, но никогда этого не делает. Джейсон ужасно боится щекотки. У него начинается истерика, стоит только пошевелить пальцами рядом с ним, намекая на то, что сейчас начнётся. Я как-то читала статью, где говорилось, что щекотка — это форма пытки. Интересно, знает ли об этом Битси.

IX

На следующее утро я на ходу съедаю гренку, направляясь прямиком в гараж, и вывожу велосипед Битси на подъездную дорожку, как раз в тот момент, когда Уолтер ложит ружьё в багажник «Блейзера». Я к этому уже привыкла. Каждый раз, когда он покидает Холм, то автоматически берёт с собой ружьё. И как только он возвращается, убирает его из машины. Я не знаю, где он хранит его в доме. И знать не хочу.

— Пока, дядя Уолтер! — кричу я.

— Помни. . . едь навстречу движению, — говорит мне Уолтер. — Это правило, которое мы соблюдаем на Холме.

— Навстречу движению, — повторяю я.

— Увидимся, Дэйви.

— Ещё бы, — кричу я и жму на педали. «*Ещё бы*» — любимое выражение Битси и Уолтера. Иногда оно означает «*да*», иногда — «*здóрово*». В других случаях оно заменяет слово «*хорошо*». Сегодня я произнесла его впервые.

Как только я выезжаю на Даймонд-драйв, я останавливаюсь и снимаю шлем, запихивая его в холщовую велосипедную сумку. Встряхиваю волосами. Вот так. Так-то лучше. Меньше знают — крепче спят. Я еду по Даймонд-драйв мимо школы. На парковке зависает группа ребят. Я и забыла, что сегодня пятница, и все на учёбе. Это напоминает мне о том, сколько занятий я уже пропустила. Шестнадцать дней. Впрочем, шестнадцать дней в начале семестра — это не так уж страшно. Ещё бы, я смогу нагнать всё за неделю, если захочу.

Я кручу педали всё сильнее и быстрее, пока в ногах не появляется боль. Она рождается в икрах и ползёт выше, к бёдрам. Плечи ноют. Но мне плевать. Я так долго ничего не чувствовала, что эта боль возвращает мне ощущение жизни. Жаль, что нельзя

прогулять весь учебный год. Уверена, я могла бы заниматься и дома. Хотела бы я вообще *никогда* не возвращаться в школу. Какая от неё польза в долгосрочной перспективе?

Мне тяжело дышать, и причина не в одышке от физической нагрузки. Сказывается влияние высоты. На двух тысячах двухстах метрах всё даётся в разы тяжелее. Даже дыхание.

Пот течёт по лицу, щиплет глаза, струйками сбегает под футболкой и под коленями, но я продолжаю крутить педали: мимо заправки «Коноко», мимо поля для гольфа, вверх по склону, пока не добираюсь до соснового бора. Я съезжаю с дороги и прислоняю велосипед к дереву. Пробираюсь через лес, пока не выхожу к живописному каньону. Местные виды до сих пор меня поражают, и мне кажется, что я вот-вот услышу вдали топот копыт, и неожиданно передо мной появится ковбой на лоснящемся вороном жеребце.

Я сажусь на валун у самого края каньона и, обхватив колени руками, смотрю вниз. Камень выступает так сильно, что кажется — сто́ит только шевельнуться, и полетишь вниз.

Как быстро всё может измениться, — думаю я. — Сейчас ты жив, а потом — мёртв. Мы не знаем, что может случиться. Если этот камень сорвётся, я упаду. Рухну на самое дно каньона. Интересно, я полечу камнем вниз или буду плавно кружиться в воздухе? В любом случае, череп разлетится вдребезги, а кости переломаются. Сколько времени пройдёт, прежде чем меня найдут? Дни, недели, месяц? А может, не найдут никогда. И тогда стервятники будут обгладывать мою плоть, пока от меня ничего не останется. Ничего, кроме костей. Сломанных костей.

Я отгоняю прочь эти мысли и сосредотачиваюсь на красоте каньона. Представляю, каково это — оказаться там, на самом дне, в окружении этих стен. У меня возникает искушение спуститься, но тут я вспоминаю рассказ Битси о четырнадцатилетнем мальчике, на которого во время спуска упал сорвавшийся сверху камень. И о женщине, которая споткнулась и упала, сломав ногу. К тому времени, когда её нашли, она была в состоянии шока и не выжила.

Битси и Уолтер знают много разных случаев. Они не оправдывают риск. Поэтому, наверное, и доживут до ста лет.

И всё же я решаю спуститься. Не знаю, как лучше: пятиться задом, цепляясь за выступы, или всё-таки передом. В итоге я спускаюсь, сочетая оба способа.

Я продвигаюсь всё ниже и ниже, ступая по камням, то и дело теряя опору и хватаясь за ветки, чтобы не свалиться.

На самых крутых склонах приходиться съезжать на заднице.

Так я продолжаю спускаться.

Я не знаю, сколько времени ушло на спуск. Полчаса? Час? Я оставила часы дома, зная, что сегодня не нужно следовать никакому расписанию. Что сегодняшний день — только мой.

Я спускаюсь ещё ниже, на самое дно каньона.

Я смотрю вверх, поражаясь тому, как глубоко я нахожусь, и в этот миг понимаю: мне ведь ещё обратно карабкаться, так что не стоит заходить слишком далеко. Но тут моё внимание привлекает ящерица. Как идеально она сливается с окружающей средой! Я стою и наблюдаю, как она перескакивает с камня на камень. Затем, прижавшись к скале, я подставляю лицо солнцу, и тут у меня возникает желание поделиться нахлынувшим чувством с отцом. Мне до боли хочется с ним поговорить. Хочу рассказать ему, как сама спустилась в каньон. Что мне не было страшно. Хочу рассказать ему всё. Всё, что случилось с той самой ночи. Всё, о чём я думаю и что чувствую.

Как бы мне хотелось снова почувствовать его лёгкий и нежный поцелуй, когда его губы касаются моего лба. Как бы я хотела, чтобы он снова убрал волосы с моего лица своей рукой. Его руки были настолько огромны, что баскетбольный мяч легко помещался в его ладони, и так же легко он поднимал Джейсона, удерживая его над собой.

Я помню, как тепло было рядом с ним. Как надёжно.

Предположим, всё это ошибка, думаю я. Предположим, он вовсе не умер. И когда мы вернёмся в Атлантик-Сити, он будет там, в магазине. И он скажет: — *Ну надо же. . . неужели это сама Дэйви Векслер?..*

А я отвечу: — *Собственной персоной.*

И мы засмеёмся. И я больше никогда не буду слишком занята, чтобы погулять с ним по пляжу, помочь в магазине или просто снова посидеть тихонько рядышком.

О, папочка, пожалуйста, не умирай. Пожалуйста!

И тут до меня доходит. Я осознаю, что его никогда больше не будет со мной рядом. Никогда. Что он не вернётся.

Нужно смотреть правде в глаза, Дэйви. Ты должна принять всё, как есть.

Я сажусь, складываю ладони рупором и зову: — Папа!..

Я слышу, как эхом разносится по каньону: — *Папа... Папа... Папа...*

Я встаю и кричу ещё громче: — Ты слышишь меня, папа? Слышишь?

И тут я слышу голос, отвечающий мне, и это не эхо.

— Эй... эй, там, внизу! — кричит он.

Я оборачиваюсь, пытаясь понять, откуда доносится голос.

— Эй, там... ты в порядке?

И тут я замечаю его. Он стоит, скрываясь под деревом, посредине спуска в каньон.

— Кто... я? — спрашиваю, как будто здесь может быть кто-то ещё.

— Да... ты, — кричит он и начинает спускаться. Я прикрываю глаза ладонью от солнца и вижу, как уверенно он держится. Он не поскальзывается, не съезжает и не падает, как это делала я.

Он быстро спускается вниз и шагает ко мне. Его торс обнажён, на нём только выцветшие обрезанные шорты и походные ботинки, из которых виднеются шерстяные носки. За спиной у него рюкзак. Ему лет девятнадцать или двадцать, а ростом он примерно метр семьдесят пять, со смуглой от загара кожей и тёмными волосами.

— Я думал, ты попала в беду, — говорит он. — Судя по тому, как ты кричала...

Я смотрю в его тёмно-карие глаза.

— Нет, — говорю я. — Со мной всё в порядке.

— Ты чего тут внизу позабыла? — Теперь его голос звучит совсем не дружелюбно.

— Я здесь думаю, — отвечаю я. — Это запрещено? — На самом-то деле я до смерти напугана. Сердце колотится. А вдруг он сумасшедший, думаю я. Может он насильник или ещё хуже. Если так, то мне конец. Нужно приготовиться. Я так просто не дамся. Я знаю, что делать. Нужно дать ему по башке. *Камнем*. Это верный способ защититься. Я обшариваю глазами землю, нахожу подходящий камень шагах в десяти от меня и начинаю медленно к нему двигаться. Жаль, что сейчас со мной нет моего кухонного ножа.

— Думай сколько угодно, — говорит он, — но только не в одиночку.

Он, наверное, наркоман. Наверняка приходит в каньон, чтобы уколоться и кайфонуть или просто забить косячок.

— А мне хочется побыть одной, — говорю я уже более резким тоном. — Кто-то может мне запретить? — Я стою прямо перед камнем. Мне остаётся только наклониться, схватить его и — хрясь!..

— Нет, но следовало бы, — отвечает он.

— Да неужели... это почему же? — Я с трудом улавливаю нить разговора, но знаю: лучше заставить его болтать. Чем дольше он говорит, тем меньше вероятность, что он нападёт. Я где-то об этом читала.

— А кто позовёт на помощь, если она тебе вдруг понадобится? — спрашивает он.

— Интересная постановка вопроса, — думаю я и не свожу глаз с камня. Каждая мышца в моём теле напряжена и готова к действию.

— А если бы ты споткнулась и упала?.. — продолжает он.

— А если бы ты? Ты ведь тоже один, верно? — Вот таким образом я стараюсь внушить ему страх. Пусть думает, что это

я здесь сумасшедшая и выжидаю в тишине каньона подходящий момент, чтобы наброситься на него.

— Так у меня хоть опыт есть, — говорит он.

— У меня может быть тоже…

Он смеётся. Его зубы кажутся ослепительно белыми на фоне загорелой кожи. — Сравнила нос с пальцем.

Не нос, а член, думаю я. Он хотел сказать член. — Послушай, мачо, — сурово говорю ему я, глядя прямо в глаза. — Отвали!

Но он лишь снова смеётся. — Ты чего злишься?

— А тебе то что? — отвечаю я. — Хочу и злюсь.

— Ты точно не местная, — в его голосе звучит не вопрос, а утверждение.

— Ну и что с того?

— Эй, расслабься…, не укушу я тебя. Просто хочу донести тебе, что в следующий раз бери с собой друга. Так безопаснее.

— Нет у меня друзей.

— Так заведи, — советует он и в этот момент наклоняется. Меня охватывает паника: я думаю, что он тянется к моему камню, чтобы схватить его и потом напасть на меня. Но он всего лишь подбирает горсть мелких камешков и перебирает их в ладони. Затем, не глядя на меня, спрашивает: — Кто же тебя так разозлил?

— Весь мир! — отвечаю я, не задумываясь. Мой собственный ответ с такой яростью в голосе застаёт меня врасплох. Впервые я осознаю, что смерть отца вызывает у меня не только печаль, но и злость. Гнев из-за того, что он умер. И гнев на того, кто его убил.

Он садится на камень, открывает рюкзак и достаёт бутылку с водой. Я наблюдаю, как он пьёт. Жажда становится невыносимой. Во рту пересохло, и язык как будто ватный. Я бы что угодно отдала за глоток воды.

Он смотрит на меня и, словно чувствуя это, говорит:

— Хочешь пить?

— Немного, — отвечаю я, облизывая пересохшие губы.

— Прийти в каньон без воды!

— Забыла, — солгала я. — Дома оставила.

— Возьми… — Он протягивает мне бутылку. Я чуть не плачу от радости. Мне бы только один глоток. Но как только вода касается моих губ, я уже не в силах остановиться. Я жадно пью, пока он не вырывает бутылку у меня из рук.

— Полегче, — говорит он, — а то стошнит.

Я постепенно успокаиваюсь. Ведь в конце концов он не собирается на меня нападать.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Зови меня Вульф.

— Это имя или фамилия?

— И то, и другое, — отвечает он.

— А-а. — И на этом мои вопросы закончились.

Он встаёт, убирает бутылку в рюкзак, потягивается и говорит:

— Ладно… пошли.

— Куда пошли? — Напрасно я так расслабилась.

— Наверх, — говорит он. — Уже час дня. У меня назначена встреча на два.

— Ну так иди, — отвечаю я.

— Ты пойдёшь со мной.

— Да неужели! — огрызаюсь я.

— Да… неужели.

— Размечтался.

— Я не собираюсь оставлять тебя здесь одну. У меня нет никакого желания выслушивать звонки из поисково-спасательной службы. Есть дела поважнее.

— А при чём тут эта служба?

— Догадайся.

Я вспоминаю о том четырнадцатилетнем мальчике, которого убило камнепадом, и о женщине, которая сломала ногу и впала в состояние шока, и задаюсь вопросом: может это Вульф тогда был на вызове? Но я не спрашиваю и вместо этого говорю:

— Я выносливая.

— Конечно. Пошли уже. Я тороплюсь.

— С чего это мне тебе доверять?

— Ты видишь здесь кого-то ещё, кому ты можешь довериться?

Я оглядываюсь. Он начинает уходить. Я решаю идти за ним.

Он начинает быстро взбираться наверх. Я стараюсь ступать точно по его следам.

Спустя какое-то время я спрашиваю, учится ли он где-нибудь здесь поблизости.

Но он не отвечает.

Я повторяю громче: — Ты учишься здесь неподалёку, Вульф?

— Чем больше болтаешь, тем тяжелее подниматься, — говорит он, не оборачиваясь.

«Ну и пусть», — думаю я. Да, мне трудно подниматься. Да, у меня сильная одышка. Да, я не в форме. Что с того? Но вслух я ничего не говорю. Вместо этого я разглядываю мускулы на его ногах. Замечаю, какая загорелая и гладкая кожа у него на спине, как волосы спадают чуть ниже затылка, какие узкие у него бёдра и какими сильными выглядят руки и плечи.

Будто прочитав мои мысли, он оборачивается:

— Ты как?

— В порядке. Все отлично. Я же говорила, что справлюсь. — и тыльной стороной ладони вытираю с лица пот.

Вульф разворачивается и продолжает подъём.

Я иду следом за ним, но внезапно спотыкаюсь о камень и сдираю колено. Едва сдерживаясь, я чуть не плачу от боли, но вынуждена спешить, чтобы нагнать его. Он, кажется, ничего не замечает.

Наконец-таки мы уже наверху. Вульф провожает меня к велосипеду, а затем — к самой дороге. Теперь хватило бы сил доехать до дома, и тут я вспоминаю, что почти весь путь будет под горку.

Вульф прислонился к дереву, пожевывая травинку.

— Ну, спасибо, — говорю я. — Благодарю за воду и за то, что вывел с каньона.

Он кивает и после небольшой паузы произносит: — Купи себе нормальные ботинки. В кроссовках хорошо играть в теннис, но не лазить по скалам. И в следующий раз возьми с собой бутылку воды.

Я сажусь на велосипед.

— Как зовут то тебя? — спрашивает он, когда я уже собираюсь отъезжать.

Я медлю с ответом. А когда решаюсь, поворачиваюсь к нему и говорю: — Зови меня Тайгер.

— Это имя или фамилия? — уточняет он.

— Ни то, ни другое! — отвечаю я и жму на педали. Я слышу его смех и знаю, что он смотрит мне вслед, но не оборачиваюсь.

И тоже смеюсь.

X

Дома я с огромным аппетитом съедаю бутерброд с курицей, который оставила мне Битси, а затем принимаю горячий душ. Хоть я и чувствую себя уставшей, но мне так хорошо, что я начинаю петь. Пою песню за песней, радуясь, что дома никого нет — никто не услышит меня и не увидит, сколько горячей воды я перевожу. Я намыливаю голову, затем тру каждый палец на ногах и всё это время пою. Я подумываю о том, чтобы бросить школу и заняться певческой карьерой. Я уже вижу это: моё имя на сияющих огнями вращающихся афишах у входа в отель-казино «Резортс Интернешенал». Внутри конферансье объявляет мой дебют: «*Дамы и господа... встречайте уроженку Атлантик-Сити — Дэйви Векслер!*» Слышна барабанная дробь. Я выхожу на сцену в длинном облегающем чёрном платье с разрезом до бедра, с длинными распущенными волосами, украшенными розой. В зале становится настолько тихо, что слышен воспроизводимый микрофоном шорох от моих пальцев. Я начинаю петь низким, сексуальным, хрипловатым голосом, который совсем не похож на то сопрано, которым я пою в хоре. А в первом ряду за лучшим столиком сидит мама с Джейсоном, Ленайей и Хью и потягивает шампанское.

В другом конце зала, за столиком в одиночестве, сидит Вульф. Я не могу оторвать от него глаз. Кажется, будто каждую песню я пою только для него одного. Когда я заканчиваю, публика в восторге и вызывает меня на *бис*. Я исполняю ещё две песни. После этого Вульф взлетает на сцену и преподносит мне огромный букет ослепительно белых роз.

Мама и Джейсон, Ленайя и Хью — все они гадают, кто же этот незнакомец. Незнакомец, который, очевидно, безумно влюблён в Дэйви.

XI

Пока я вытираюсь, я вспоминаю, как принимала душ в тот вечер, когда убили отца… Я была вся в песке после пляжа. Было так жарко и душно, что даже прохладная вода не особо помогала.

В гостиной на полную мощность работал оконный кондиционер, а в обеих спальнях жужжали вентиляторы. Мы включили всего одну маленькую лампу, стараясь экономить электричество: всё Восточное побережье предупредили о возможных перебоях с питанием.

Джейсон носился по дому в плавках и плаще Дракулы, играя в войнушку самолётиками: — Бабах... попался! Ту-ду-ду!... получай!..

— Скорее, Джейс, — крикнула мама. — Надень что-нибудь, а то пропустим распродажу. — Она собиралась везти Джейсона в «Жан Машин». Там как раз шла предсезонная акция на школьную одежду.

— Дэйви, застегнёшь мне молнию? — спрашивает мама, постучав в дверь моей спальни.

Я перевернула кассету Брюса Спрингстина и пританцовывая направилась к двери. Мама — высокая и стройная — вошла в комнату и повернулась ко мне спиной. Я застегнула молнию на её белом сарафане и зацепила маленький крючок сверху. В руках она держала сандалии, а её влажные волосы рассы́пались по плечам. От неё пахло мылом «Айвори» и пудрой.

Вода всё ещё сбегала с моих мокрых волос прямо мне на спину; завернувшись в банное полотенце, я стояла и думала, что надеть на прогулку с Хью.

— У тебя снова шелушится нос, — заметила мама.

— Я знаю, — ответила я, прикоснувшись к носу.

— Мажь его цинковой мазью пару дней. Дай ему зажить.

— Она гадкая. Пусть себе шелушится.

— Мы должны вернуться к десяти, — сказала мама, уже забыв про мой нос, — если только не зайдём за мороженым..., но к одиннадцати — это самое позднее.

— Ладно.

Она взглянула на свои часы. Это были часы из розового золота с крошечными рубинами по бокам циферблата, выпуклым стеклом и узким золотым браслетом из звеньев. Они принадлежали моей бабушке, которая умерла пятнадцать лет назад, как раз перед моим рождением. Маме ещё не раз приходилось бывать на похоронах близких. Её отец умер, когда она ещё училась в школе, а брат погиб в девятнадцать лет. Поэтому она назвала меня Дэйвис — больше некому было продолжить её семейную фамилию.

— Джейсон, *ну пожалуйста*, надень уже что-нибудь, — снова крикнула мама и, повернувшись, обратилась ко мне: — Не гуляйте допоздна. Лучше приведи Хью к нам... здесь гораздо безопаснее, чем на пляже.

Как только мама и Джейсон ушли, я закрыла дверь в спальню и, пока одевалась, болтала с Минкой.

Понимаешь, Минка, — сказала я, одевая свои любимые джинсы, — то, что между мной и Хью происходит, это чисто физическое влечение. Физическое Вле-че-ни-е. Знаешь, что это значит? Рядом с ним мне так хорошо. *Реально* хорошо. Когда он берёт меня за руку, у меня внутри всё переворачивается. Ты когда-нибудь чувствовала такое, Минка, когда об тебя трётся какой-нибудь котик своей мордочкой, и от этого ты на седьмом небе?

Минка, которая до этого умывалась, подняла голову. Я почесала ей подбородок и надела свой новый топ-холтер.

— Ну, ты не переживай, — добавила я. — У тебя ещё будет кавалер.

Минка в ответ сладко зевнула.

Я брызнула на себя духи́ «*Чарли*», посмотрелась в зеркало и

сбежала вниз по лестнице к магазину, ждать Хью.

Мой отец сидел за мольбертом, работая над портретом. Покупателей не было. Радио было настроено на УКВ — станцию классической музыки.

— Привет… — сказала я, угощаясь мятным леденцом из стеклянной вазы на кассе. Надпись на вазе гласила: — *В помощь детям-инвалидам. Пара за четвертак.*

Отец открыл кассовый аппарат, достал четвертак и вкинул его в копилку за коробкой.

Затем посмотрел на меня и сказал: — Ну надо же… неужели это сама Дэйви Векслер…

— Собственной персоной, — ответила я.

— Вижу-вижу, — произнёс папа, рассматривая мой откровенный топ.

Я почувствовала, как щёки заливает румянец.

Я зашла за прилавок и, подойдя сзади к папе, сидевшему за мольбертом, заглянула ему через плечо. — Очень красиво… — сказала я. — Особенно глаза. Жаль, что я не умею так рисовать.

— Зато ты умеешь другое.

— Да ну… и что же?

Отец сделал вид, что задумался и сказал: — У тебя отлично получается раскладывать хлеб.

— Ну, спасибо тебе!

Мы оба рассмеялись. Я обняла его за плечи и прижалась лицом к его волосам — мягким, кудрявым, пахнущим океаном.

— Так куда это ты собралась? — спросил папа.

— А… мы с Хью идём гулять.

— Во сколько вернёшься?

— Не скажу точно.

— Ну, хоть приблизительно.

— Где-то в десять… одиннадцать…

— На пляж не ходите. Ночью там небезопасно.

— Мне уже прочитали лекцию.

— Я просто не хочу, чтобы ты, увлёкшись, позабыла об этом.

— Не забуду. Обещаю.

— Ну что ж, обещания достаточно.

В магазин вошёл Хью — в джинсах и футболке с надписью «Грейфул Дэд». — Всем привет, — сказал он. — Слышали анекдот про мужика, который решил искупать кота?..

— Стоп, — прервал его папа. — Ты мне уже раз двадцать его рассказывал.

Хью подошёл к прилавку, взял две мятные конфеты и бросил четвертак в копилку.

— Готова? — спросил он меня.

— Готова. Пока, пап! Увидимся.

— Пока, — отозвался отец. — Хорошо вечера. И не задерживайся.

— Не волнуйтесь, мистер Векслер, — сказал Хью.

Наступали сумерки, вдали догорал закат.

XII

Хватит! — говорю я себе. — Перестань думать о той ночи. Сосредоточься на том, как здóрово просто жить. Несмотря ни на что. Видеть синее небо, вдыхать запах сосен и встречать незнакомца в каньоне.

Я иду к себе в комнату, вырываю листок из жёлтого блокнота, что лежит на комоде и пишу одно слово: *Живу*. Затем вырываю ещё листок и пишу: *Вульф*.

Я с удовольствием наблюдаю за тем, как моя рука выводит буквы на бумаге. Пишу заглавными: *ВУЛЬФ*. Затем строчными: *вульф*. Потом задом наперёд: *фьлув*. *Дэйви и Вульф. Вульф и Дэйви.* Я открываю сундук, что рядом с кроватью и кладу оба листка внутрь, на узорчатую подкладку. Затем решаю положить туда же, поверх бумаг, свой ангоровый комплект. И рыбацкий свитер. А ещё письмо от Ленайи, которое она написала и отправила в день нашего отъезда из Атлантик-Сити. И, наконец, кухонный нож. Каждое утро я прячу его под кровать, но если Битси вдруг решит пропылесосить и отодвинет её, она обнаружит нож — и тогда допроса не избежать. Так что лучше держать его в сундуке днём и доставать только на ночь, когда он может мне понадобиться.

За ужином мама спрашивает, как прошёл мой день.

— Было очень интересно, — отвечаю я. Вижу, как у Битси от удивления поднялись брови. — И спокойно, — добавляю я, надеясь избежать лишних вопросов. — Как вам озеро Кочити?

— Прекрасно, — говорит мама. — Уолтер рассказал нам всю историю этих мест.

Ещё бы, думаю я.

— Озеро искусственное, — объясняет Джейсон. — И оно достаточно большое, чтобы ходить на лодке.

— На маленькой лодке, — поправляет Уолтер.

— На маленькой лодке, — повторяет Джейсон.

— Ты пропустила отличный денёк, Дэйви, — говорит мне Битси.

Я беру стакан с молоком и пью, чтобы скрыть улыбку.

Вечером мы с Джейсоном сидим на террасе, прижавшись друг к другу в одном шезлонге и разглядываем звёзды. Небо здесь такое чистое, что я без труда различаю Большую Медведицу. И Кассиопею тоже нахожу. Уолтера поразила моя увлечённость астрономией, и он дал мне книгу «Справочник по звёздам и планетам для начинающих».

— Смотри, Джейсон, — говорю я. — Вон Лебедь. Видишь шею… крылья?

— Кажется, да, — отвечает Джейсон, зевая. — Я уже хочу спать.

И тут я крепко сжимаю его в своих объятиях.

— Осторожнее, — возмущается он.

XIII

Однажды вечером за два дня до нашего отъезда домой зазвонил телефон. Уолтер снял трубку. Это была Одри, мамина подруга из Атлантик-Сити. — Наверное, хочет встретить нас в аэропорту, — сказала мама, принимая вызов на кухне на параллельном телефоне.

Когда она возвращается в гостиную, на ней лица нет — она смертельно бледная. — Вандалы разгромили магазин, — тихо говорит мама. — Выбили окна, а внутри настоящий хаос. Расколотили всё, до чего смогли дотянуться.

Кто же совершил это злодеяние? — думаю я. — Кому же это мы так насолили?

— У полиции нет никаких зацепок, — продолжает мама. — Но они не думают, что это связано с ограблением… с тем… — Её голос затихает. Она успевает произнести: — С тем, что случилось в прошлый раз, — прежде чем закрывает лицо руками.

Комнату наполняет долгий, низкий стон. От этого звука у меня по спине пробегают мурашки. Я оглядываюсь, пытаясь понять, что это, и тут осознаю, что этот звук исходит от мамы.

— Будь они прокляты! — кричит она. — Гореть им в аду!

Я знаю, что она чувствует. Мне хочется утешить её. Прижать к себе так же, как она прижимала меня, когда у Джейсона пошла кровь из носа. Но сейчас она в истерике: мечется по комнате, рвёт на себе волосы, кричит, плачет и отшвыривает всё, что попадается под руку. Подушки с вышивкой летят в воздух, одним движением руки со стола сметается стопка книг, янтарная стеклянная пепельница разбивается о камин.

Джейсон стоит перед дедушкиными часами, зажав уши руками. Я вижу, что ему страшно. Я тоже напугана. Но ещё больше я удивлена. Я никогда не видела, чтобы мама теряла самообладание. Ни в ту ночь, когда убили отца, ни на его

похоронах — никогда.

До этого момента.

Размахнувшись она пинает торшер. Я жду, что Уолтер или Битси остановят её.

Почему они просто стоят как зомби? Почему никто ничего не делает! Но тут мама промазывает, бьёт ногой в стену и вскрикивает от боли, получив сильный ушиб. Болевой шок останавливает её. Мама начинает плакать, но теперь это уже совсем другой плач. Она обессиленно падает, но Битси, подхватывает её, заключая в свои объятия.

— Простите, — всхлипывает мама. — Простите меня…, но я так больше не могу. Не могу…

— Мамочка… — Джейсон подбегает к ней. — Мамочка… не делай так больше.

— Не буду, — говорит мама, крепко обнимая его. — В этот раз я просто не смогла сдержаться. — Она переводит взгляд на меня. Я смотрю в ответ, ничего не говоря, только лишь взглядом выражая своё понимание.

Три маминых пальца на ноге посинели и опухли. Битси приносит пакет со льдом. Мама вскрикивает, когда Уолтер пытается дотронуться до её стопы. Они обсуждают, стоит ли ехать в травмпункт на рентген. Решают не ехать.

— При переломе пальцев, их забинтовывают вместе, плотно прижав друг к другу — говорит Битси. Она научилась этому, когда ходила на курсы первой помощи. К тому же мама никуда не хочет ехать. Ей неловко.

Но на следующий день боль усиливается, и Битси всё-таки везёт маму на рентген. Два пальца действительно сломаны. Врач забинтовывает их вместе. Битси довольна, что её действия оказались верными. Мама ковыляет в старых теннисках, в которых прорезали дырку для пальцев.

Ей сейчас сложно решить вопрос с магазином, не говоря уже о чём-нибудь другом. Поэтому Уолтер и Битси убеждают её остаться ещё на какое-то время.

— Я обо всём позабочусь, — обещает Уолтер.

На следующее утро я иду на Сентрал-авеню и покупаю две открытки в киоске. На одной — вид на Лос-Аламос с высоты птичьего полёта с надписью: «*Привет из Атомного Города*». Эту я отправлю Ленайе. На другой — фото Верблюжьей Скалы на закате. Эта — для Хью.

Я перехожу дорогу и иду на почту, где заполняю открытки. — *Привет, Будущему Учёному*, — пишу я Ленайе, и больше ничего в голову не приходит. Поэтому пишу прописными буквами: — *О МНОГОМ ХОЧЕТСЯ РАССКАЗАТЬ. ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ.*

На открытке для Хью с изображением Верблюжьей Скалы я пишу: — *Слышал про магазин? Это уже слишком! Теперь я не знаю, когда мы вернёмся домой.*

Я опускаю открытки в ящик и тут же вспоминаю, что ни одну из них не подписала. Ну и ладно. Они и так поймут, что это от меня.

Я решаю зайти в библиотеку, раз уж она по соседству с почтой. Брожу вдоль стеллажей, снимаю книгу с полки бестселлеров, пролистываю и ставлю на место. Не вижу того, что хотелось бы почитать. Ничего не интересует. Мне трудно на чём-то сосредоточиться — кроме моей книги о звёздах. То, что я в ней читаю, легко запоминается.

На улице я прохожу мимо обувного магазина и в витрине вижу походные ботинки. Они на распродаже — стоят 32,50 доллара вместо прежних 59,95. Я захожу внутрь и прошу дать мне их примерить.

Продавщица говорит, что на них сейчас скидка, и спрашивает мой размер.

— Восьмой, — отвечаю я. — Восьмой, на узкую ногу.

Она уходит в подсобку и возвращается с большой коробкой, которую ставит на пол. Резким движением снимает крышку и достаёт один ботинок.

— Подошва «Вибрам», — говорит она. — Фирменная вещь.

Я кивнула, как будто понимаю.

Заметив, что я ношу кроссовки на босу ногу, она приносит корзину с носками. — Посмотрим, — говорит она, роясь в ней. — Нужно проверить, как будет с толстым носком… лучше всего подойдёт шерстяной… — Она достаёт один серого цвета. — Наденьте-ка этот, милочка, и посмотрим, как он сидит на ноге.

Такого типа носок был на Вульфе. Я натягиваю его на левую ногу, потому что знаю, что она чуть больше правой. Продавщица помогает мне обуть ботинок. Он жёсткий. Она зашнуровывает его и велит мне встать.

— Ну как ощущения? — спрашивает она.

— Не понятно, — отвечаю я. — Думаю, нужно и второй одеть.

Она ищет в корзине парный носок, но его там нет. Вместо него она протягивает мне розовый вязаный носок. Я натягиваю его, гадая, чей же он был. Представляю себе девочку моего возраста, которая сняла этот розовый носок, чтобы примерить летние туфли, и забыла его. Наверное, так он и оказался в корзине с потеряшками.

Я встаю и прохаживаюсь в обоих ботинках; ощущение такое, будто мои ноги забетонировали.

— Прежде, чем отправиться в поход, их нужно разносить, — говорит продавщица. — Ходите в них дома, носите в школу. Они сядут по ноге и станут удобными.

Я поворачиваюсь перед зеркалом.

— Потрясающие ботинки, — расхваливает она. — А замшу можно обработать водоотталкивающим средством. Цвет станет темнее, но, по-моему, так они выглядят даже симпатичнее.

Я смотрю на свои ноги в зеркале, а они как будто не мои. Совершенно какие-то чужие.

— Распродажа заканчивается в эту субботу, — напоминает она.

Но ей не о чем беспокоиться. Я уже всё решила. Решила в ту самую минуту, когда увидела их в витрине.

— Я беру, — говорю я ей. — И ещё мне нужна пара шерстяных носков.

— Разумеется, милочка. Белые или серые?

— Серые.

— Вам также флакон воска для обуви «Сно-Сил», чтобы сразу их обработать? — спрашивает она, потянувшись к полке, заставленной средствами.

— Да.

— Это всё?

— Да.

— Оплата наличными или картой?

— Наличными, — говорю я, открывая кошелёк. У меня отложено ровно 74 доллара и 68 центов, заработанных за лето. Я работала в гостинице «Парк Плейс»: выдавала полотенца и таскала шезлонги для гостей. Мне платили чаевыми. В удачный день я могла заработать пятнадцать баксов. Я планировала спустить всё это на шоппинг перед школой. Как-то раз мы с мамой были в «Бамбергере», и я увидела, как одна девушка набрала себе свитеров, юбок, джинсов и рубашек. Я не могла оторвать глаз от этой горы вещей. Наверное, она заметила мой взгляд, потому что повернулась ко мне и улыбнулась. — Уезжаю в колледж, — сказала она, будто оправдываясь. Я просто улыбнулась в ответ и подумала: каково это — иметь столько денег, чтобы покупать всё, что захочется, даже больше, гораздо больше, чем тебе нужно. Именно так я и собиралась поступить со своими 74 долларами и 68 центами, хотя и понимала, что никакой «горы» у меня не получится.

Я протягиваю деньги продавщице, которая ни на секунду не перестает улыбаться.

— Спасибо, милочка, — говорит она. Обычно у меня возникает неприязнь к называющим меня «милочка», но в её голосе нет притворства, и видно, что она искренне рада моему приходу и сделанной покупке. Может быть, потому что я — единственный покупатель. А может, этой осенью торговля идёт

вяло. Кто знает?

По пути домой меня начинает мучать совесть, и я уже знаю, что скажет мама: — *Пустая трата денег. Зачем тебе походные ботинки в Атлантик-Сити, Дэйви? Ты сделала необдуманную покупку. Тебе известно, как нам сейчас трудно, особенно, когда папа…*

Не беда. Я просто не покажу их, да и всё. Это будет мой секрет. Сейчас я думаю только об одном, — как спускаюсь в каньон, нахожу Волка и показываю ему свои ботинки. Но это всего лишь предлог, чтобы ещё раз с ним встретиться и снова почувствовать радость к жизни.

Я хочу пойти туда сегодня же, сразу после обеда, но у Битси другие планы. Мы ещё не были в музее науки имени Брэдбери. По средам она работает там экскурсоводом-волонтёром, а так как сегодня среда — мы все идём туда.

На Битси одет красный жакет с бейджем, на котором написано: «*Элизабет Кроник, гид*», чёрные брюки и белая рубашка с чёрным тонким галстуком. Она объясняет, что официальной формы для экскурсоводов в музее нет, но она одевается так каждую неделю. Так она чувствует себя при исполнении.

Я не в восторге от похода в научный музей, но Джейсону не терпится. Сегодня отличная погода и мы решили прогуляться. Воздух прозрачен, небо идеального синего цвета, солнце припекает, но в нём уже чувствуется лёгкое дыхание осени. Мама немного прихрамывает, но пальцы ног её не особо беспокоят. Она молчалива. Надеюсь, с ней всё будет в порядке и очередного нервного срыва не случится.

Битси быстро проводит нас через музей во внутренний дворик, где выставлены макеты атомных бомб. Там же установлена табличка с надписью: — *Здесь представлены баллистические корпуса, аналогичные тем двум атомным бомбам, что были взорваны над Японией в августе 1945 года — это единственное атомное оружие, когда-либо применявшееся*

в ходе военных действий. Мощность каждой из них составляла примерно 20 000 тонн в тротиловом эквиваленте. Став итогом двадцати семи месяцев беспрецедентных усилий тысяч учёных и техников, они представляют собой одно из величайших научных достижений всех времён. Обе бомбы были спроектированы, изготовлены и собраны в Лос-Аламосе.

Джейсон в невероятном восторге. Он проводит рукой по поверхности той, что называется «Малыш», которую сбросили на Хиросиму. — Их изобрели здесь, в Лос-Аламосе?

— Верно, — говорит ему Битси.

— И они убили много людей?

— Да.

— А сколько людей убила эта бомба?

— Много, — отвечает Битси.

— Сотни? — спрашивает Джейсон.

— Да.

— Тысячи?

— Да я и не знаю точного количества.

Мне кажется странным, что экскурсовод не может ответить на вопрос Джейсона. Может быть, она просто не *хочет* ему отвечать.

— А дядя Уолтер делает бомбы? — спрашивает Джейсон.

— Дядя Уолтер их не делает, — говорит Битси. — Он занимается проектированием... и исследованиями.

— Это правда? — уточняю я. — Для изготовления бомб?

— Для оружия в целом, — отвечает Битси.

— Я и понятия не имела, — говорю я.

— Ты же знаешь, что дядя Уолтер — руководитель группы в отделе «В», — с гордостью произносит Битси.

— Но я не знаю, что такое отдел «В», — парирую я.

— Это отдел вооружения, — объясняет мне Битси. — Половина Лаборатории занимается исследованиями оружия, а другая половина — фундаментальными исследованиями. Медициной, энергетикой…

Битси перечисляет целый список, но я её уже не слушаю. Теперь я думаю о Уолтере. Не могу представить себе, как он проектирует бомбы. Я всегда думала, что человек, создающий оружие, — суровый и жестокий. Эдакий безумный учёный с диким взглядом, одержимый идеей взорвать весь мир. Но Уолтер — обычный. У меня в голове не укладывается, что он как-то причастен к созданию бомб. К убийству людей.

Пара туристов спрашивает, можно ли им сфотографировать Джейсона рядом с макетом бомбы под названием «Толстяк» — той, что мы сбросили на Нагасаки. Джейсон позирует и улыбается.

Вечером, за ужином, у мамы начинается сильнейшая головная боль. — Весь день подступала, — говорит она нам, извиняясь и выходя из-за стола.

Может, поэтому она была такой тихой сегодня в музее. Почти не разговаривала.

— Думаю, мне лучше выпить аспирин и лечь в постель, — говорит она.

— К утру ты будешь в норме, — говорит ей вслед Битси. — Наверное, это всё из-за давления. — Для Битси давление — это оправдание на любой случай жизни.

Но я не думаю ни о маме, ни о её жуткой головной боли. Я всё еще думаю о Уолтере. Теперь я смотрю на него иначе. Я чувствую, как во мне с каждой минутой растёт к нему неприязнь.

Словно читая мои мысли, он наклоняется над столом и спрашивает: — Дэйви… что случилось?

— Ничего, — с трудом выговариваю я.

— Да, ладно. — Он бросает на меня пронзительный взгляд. — Я же вижу… что-то случилось.

— Ну, — начинаю я. — Просто я поверить не могу, что ты проектируешь оружие.

— О, так вот в чём дело.

— Да. Я удивлена.

— Это моя работа, — говорит он. — И я хорошо её выполняю.

— Может, нашёл бы себе другую работу? — спрашиваю я.

— Не в этом дело.

— А в чём же?

— Суть нашей работы заключается в том, чтобы создавать наилучшее оружие. Чтобы никто и никогда даже не помыслил о том, что сможет победить нас.

— Это же полный бред.

— Считай нас сторожевыми псами, Дэйви, которые следят за тем, чтобы на нас никто не напал. А если и нападут — мы будем готовы. А готовность — это больше половины успеха.

— Лучше бы никто вообще не делал эти бомбы…

— Мне бы этого тоже хотелось.

— Тогда зачем их делать?

— Так устроен мир.

— Но так не должно быть.

— Ты права, — говорит Уолтер. — Но такова реальность.

Позже, лёжа в постели, я пытаюсь представить Уолтера в роли сторожевого пса, но перед глазами стоит лишь немецкая овчарка или доберман по кличке Уолтер. Я воображаю, как Уолтер сидит за своим столом в лаборатории, придумывая новые способы для убийства людей. Уолтер, который моет из шланга свой внедорожник каждый раз перед выездом из дома. Уолтер, который помогает убирать тарелки после ужина. Уолтер, который каждый вечер читает Джейсону «*Стюарта Литтла*».

Я прячу свой кухонный нож под подушку и засыпаю вместе с ним, держа его в руке.

XIV

На следующий день я тайком проношу свои походные ботинки в гараж и прячу по одному в каждую из брезентовых сумок на велосипеде Битси. На полке я нахожу флягу, споласкиваю её и наполняю водой.

Когда я возвращаюсь в дом, Джейсон сидит на полу в гостиной и играет в домино, а мама растянулась на диване и теребит в руках канцелярскую резинку. Битси на кухне. Она говорит, что собирается на партию в бридж и к обеду её не будет.
— Может, сделать тебе бутерброд, пока я не ушла? — спрашивает она.

— За меня не волнуйся. Мне ещё на тренировку.

Такая формулировка устраивает Битси. Она с Уолтером просто помешана на спорте. Уолтер бегает каждый день в полдень, а Битси каждое утро в восемь выходит из дома на взбадривающую прогулку вокруг квартала с подругами. Так что проблем нет, пока я обещаю надевать шлем и ехать навстречу движению.

— И куда ты ездишь, Дэйви? — спрашивает Битси, накрывая свежеиспечённый яблочный пирог фольгой.

— Здесь, неподалёку, — отвечаю я. — Изучаю окрестности.

— Только будь осторожна. И не подвергай себя риску.

— Какому риску? — и тут я представляю, как спускаюсь в каньон. — Не волнуйся. Я буду осторожна.

— Вот и хорошо, — говорит Битси. — Рада это слышать. На долю нашей семьи и так выпало немало бед.

— Ещё бы, — говорю я.

Битси как-то странно на меня смотрит, пока я прощаюсь с мамой и Джейсоном. Наверное, я употребила её любимое выражение не совсем к месту.

Добравшись до лесного массива, что возле каньона, я оставляю велосипед у дерева, перекидываю ремешок с флягой через плечо и переобуваюсь в ботинки, с уже нанесённым на них влагозащитным покрытием. Некоторое время я брожу по лесу, пытаясь к ним привыкнуть. Хожу вокруг деревьев, топаю, скачу, подпрыгиваю и, представив себя со стороны, заливаюсь от смеха. Наконец, я направляюсь к каньону.

Я смотрю вниз в надежде увидеть Вульфа. Но вокруг ни души. Сажусь на корточки, вспоминаю Атлантик-Сити и пляж. Раньше я ходила гулять к морю каждый день, и зимой, и летом. Это было моё личное время — побыть одной и подумать. Часто я подолгу засиживалась на волнорезе, не замечая, как пролетает время. Этот каньон напоминает мне тот волнорез и пляж. Здесь хорошо побыть одной. Подходящее место для моих мыслей.

Вдруг я замечаю внизу чьё-то движение. Встаю, чтобы рассмотреть получше. Это Вульф — он спускается в каньон. — Эй!.. — кричу я. — Эй, там, внизу!..

Он оборачивается, но не видит меня. Солнце слепит ему глаза.

— Ты наверное не местный, — кричу я. — Ещё бы, сравнил нос с пальцем.

Он отходит в сторону, чтобы солнце не слепило глаза, смотрит вверх и оглядывается по сторонам, но всё равно меня не видит.

— А если ты вдруг поранишься? — кричу я. — Кто вызовет поисково-спасательную группу? — Я бешено машу руками, пока не убеждаюсь, что он меня заметил.

Он смеётся, и его смех эхом разносится по каньону.

Я быстро сбегаю прямо к нему, чуть было не покатившись кубарем.

Вульф оглядывает меня с ног до головы и кивает. — Вижу, нашлась фляга, — говорит он.

— Ага.

— И походные ботинки раздобыла.

— Ага.

— Очень хорошо.

Он идёт впереди, а я следую за ним.

Пока мы спускались в каньон, правый ботинок натёр мне мозоль на пятке. Надо было взять с собой пластырь.

Внизу мы садимся на камень и наблюдаем за снующими вокруг ящерицами. Думаю, Минке здесь бы очень понравилось. Она бы с удовольствием охотилась на них. Но Уолтер рассказывал истории про койотов, которые живут в каньонах и уносят кошек. Я бы никогда не стала так рисковать Минкой.

Вульф открывает рюкзак и предлагает мне фрукты и сыр. Я беру апельсин и кусочек чеддера.

— У тебя грустные глаза, Тайгер, — говорит он. — Яркая улыбка, но грустные глаза.

Он ждёт, что я что-нибудь скажу, но я молчу.

— Не хочешь говорить? — спрашивает он.

— Нет.

— Ладно.

И мы сидим в тишине.

— Может быть, когда-нибудь, — говорю я ему. — Может, когда-нибудь я расскажу тебе.

— Хорошо, — отвечает он.

— Но не сегодня.

— Как скажешь.

Я киваю.

Вечером Битси устроила мне взбучку. Она видела, как я возвращалась из каньона без шлема.

— Наверное, я про него забыла, — виновато говорю я.

— Безопасность превыше всего, Дэйви, — наставляет Битси. — Никогда не забывай об этом. Мы стараемся заботиться о тебе, но и ты должна нам помогать.

Что она хотела этим сказать? Ведь я и сама могу о себе позаботиться. И тут я понимаю, что с этого момента мне придётся

быть осторожнее, иначе она больше не даст мне велосипед.

В первую субботу октября в шесть утра мы выходим из дома и едем в Альбукерке, посмотреть на ежегодный фестиваль воздушных шаров. По пути заезжаем в «Данкин Донатс» в Санта-Фе и объедаемся медовыми пончиками «Манчкинс». Джейсон уговаривает Битси купить ему целую коробку таких в дорогу.

Около восьми мы уже в Альбукерке и встаём в очередь из сотен машин, чтобы увидеть, как воздушные шары раскрашивают небо в яркие цвета. Мы с Джейсоном устраиваемся прямо на капоте «Блейзера».

— Ты бы поднялась на таком, Дэйви? — спрашивает Джейсон.

— Да хоть сейчас, — отвечаю я.

— За этой красотой лучше наблюдать со стороны, — говорит Битси, — Принимать же в этом непосредственное участие — глупо.

— Ну, я бы поучаствовала.

— Тогда и я тоже, — подхватывает Джейсон.

— Какой смысл говорить об этом? — подключается Уолтер. — Вот вам и риторический вопрос.

— Что значит «риторический»? — спрашивает Джейсон.

— Не требующий ответа, потому что этого всё равно не случится, — объясняет Уолтер.

— А-а, — протяжно произносит Джейсон.

— А я бы хотела подняться и никогда не возвращаться, — говорит мама.

Мы все смотрим на неё. Что значит — «никогда не возвращаться»?

На обратном пути я даю себе обещание, что когда-нибудь я обязательно поднимусь в небо на воздушном шаре. Я представляю себе, как взлетаю. Машу толпе, которая становится всё меньше и меньше, пока люди не превращаются в крошечные точки на земле, а я парю в своём собственном мире среди неба,

облаков и тишины.

Где-то на полпути домой у мамы снова разболелась голова, ещё сильнее, чем в прошлый раз. Битси велит ей закрыть глаза и попытаться уснуть.

Джейсон без умолку болтает о шарах. Он засыпает всех вопросами о том, как они устроены.

Битси же твердит ему, что почти каждый год происходят аварии, и с этими шарами что-нибудь да случается.

Я всю неделю внимательно читаю газеты, но так и не нахожу ни одного упоминания о том, чтобы с каким-нибудь из шаров что-то произошло.

У мамы случается три приступа головной боли подряд. Она говорит, что они налетают внезапно, словно яркий ослепительный свет бьёт в глаза. После третьего раза Битси и Уолтер отводят её к своему врачу, а тот направляет её к специалисту, который полагает, что боли вызваны напряжением, тревогой и депрессией. Он уверен, что это не обычные мигрени, хотя симптомы те же.

Однажды вечером я сижу в постели и читаю свежий выпуск журнала «*Пипл*». Мне пришлось купить его тайком и незаметно пронести в комнату. Уолтер считает это макулатурой, которой не место в его доме. Но я видела, как Битси пролистывает его, стоя в очереди в «Сейфвей», так что я не особо беспокоюсь, когда она стучит ко мне в дверь. — Сюрприз! — говорит она. — У неё в руках поднос с двумя овсяными печеньями и чашкой какао. Такое чувство, как будто мне лет шесть, особенно когда вижу плавающий сверху зефир.

Она даёт мне поднос и присаживается на край кровати.

— Спасибо, — говорю я. — Я как раз думала о том, как было бы здóрово сейчас выпить какао. — Конечно, я об этом и не думала, но Битси мне верит. Я откусываю кусочек печенья, делаю глоток какао и думаю, с чего бы это она вдруг уселась ко мне на

кровать.

— Ну... — наконец произносит она. — Я хотела поговорить с тобой о твоей маме.

— А что с ней? — спрашиваю я.

— Она в состоянии сильного стресса.

— Я знаю.

— Мы с Уолтером считаем, что пока ей не станет лучше, не стоит уезжать.

Я молчу, и Битси продолжает.

— Мы несём за вас ответственность,... поэтому не можем отправить тебя и Джейсона домой с Гвен в таком состоянии. Она как в тумане. Всё как-то сразу навалилось на неё. Ей нужно время, чтобы прийти в себя. Поэтому мы бы хотели, чтобы вы пока остались у нас.

Битси объясняет мне всё это так, будто я собираюсь спорить и рваться домой. Она права́, и я это знаю. Мы не можем вернуться домой, когда мама в таком состоянии. Кто будет за ней ухаживать? Что я буду делать, когда у неё начнётся очередной приступ?

— Джейсону не терпится пойти в школу, — говорит Битси, — так что завтра я отведу его в «А́спен». Это очень хорошая школа. У нас вообще все школы отличные. А известно ли тебе, что у нас больше национальных стипендиатов, чем в любом другом городе страны?

— Джейсон любит ходить в школу, — говорю я. — Думаю, он обрадуется.

— А потом и тебя оформим.

От неожиданности я чуть какао не разлила. — Я не хочу ходить здесь в школу, — возмущаюсь я.

— Почему нет? Это очень хорошая школа.

— Дело не в этом.

— В чем же тогда?

— Я не хочу в этом году учиться. Лучше взять академический отпуск.

— О, Дэйви… так нельзя.

— Не понимаю, почему нет. Буду заниматься дома, изучать астрономию. Наверстаю упущеное... я знаю, что смогу... я всё продумала... буду помогать по дому, присматривать за Джейсоном и...

— Ты *должна* ходить в школу, — говорит Битси. — Ты и так пропустила уже больше месяца.

Я так понимаю, она уже всё решила, и выбора у меня нет. Похоже, я сильно размечталась.

— И как долго, по-твоему, мы здесь пробудем? — спрашиваю я.

— Даже не скажу.

— Но мне нужно знать. Это важно.

— Я и сама не знаю, Дэйви. Всё зависит от твоей матери.

— Но как я могу идти в школу, не зная, сколько я здесь пробуду?

— А при чём тут это?

— При всём. Мне нужно знать, стоит ли мне заводить друзей.

— Странный вопрос, — говорит Битси. — Конечно, стоит.

— Это важный вопрос. — Но я вижу, что она понятия не имеет, о чем я. Нет смысла пытаться объяснить.

Когда Битси спускается вниз, я выбираюсь из постели и иду по коридору пожелать маме спокойной ночи. Открываю дверь без стука. Она сидит на кровати в окружении старых фотографий. В руках у неё снимок отца. Она прижимает его к лицу и шепчет: — О, Адам... мне так тебя не хватает. — И начинает тихо плакать.

Я закрываю дверь и ухожу. Не хочу, чтобы она знала, что я её видела.

XV

До школы оставалось три свободных дня, которые я провожу в каньоне вместе с Вульфом. В два часа он всегда уходит. Я думаю, что на роботу. Но я об этом не спрашиваю. Он тоже не задаёт лишних вопросов и нас это устраивает.

Вульф рассказывает мне истории о древнем племени Анасази. Когда-то они жили не только здесь, но также в каньонах и скалах по всей округе, свидетельством чему являются пещеры в скалах, которые он мне показывает. Я пытаюсь представить нас сотни лет назад. Тайгер и Вульф живут вместе в пещере. Мы бы занимались любовью на камнях, согретых солнечным светом. Растили бы малышей, пухленьких и счастливых.

На третий день Вульф приносит мне книгу *«Первые американцы»,* в которой описана история этого края. — Спасибо, — говорю я. — Почитаю и через недельку верну.

— Нет, это подарок, — говорит он.

Я открываю книгу и на первой странице вижу надпись: «*Тигровым Глазам, что меня веселят. От Вульфа*».

Я перевожу на него взгляд.

— Я написал, как есть, — говорит он.

— Что есть?

— Твои глаза. Они напоминают мне глаза тигра — тем, как меняют цвет, становясь золотисто-карими.

— Ты хоть раз видел его вживую? — спрашиваю я.

— У меня есть кот, — отвечает он. — Это почти то же самое.

Я смеюсь, и мне хочется его обнять, хочется, чтобы и он обнял меня. Но он этого не делает, и я тоже. — Спасибо за книгу, — говорю я. — И за то, что ты мой друг.

— Хорошо, когда есть друзья, — говорит он.

— Да… я знаю.

В понедельник утром Битси настаивает на том, чтобы проводить меня в школу. Она сто раз переспрашивает, не нужно ли мне чего-нибудь. Я отвечаю, что нет, но она всё равно суёт мне десять долларов на всякий случай.

— Мы с Уолтером хотим, чтобы, пока ты здесь, у тебя были карманные деньги. Разумеется, мы рассчитываем на твою помощь по дому, но ты и так молодец — помогаешь сама, без лишних просьб.

— Спасибо, — говорю я. Мне неловко брать деньги у Битси, и я решаю обсудить это с мамой.

В школе мы спрашиваем у парня с калькулятором на поясе, где находится приёмная, но всё равно сворачиваем не туда и проходим мимо. Битси останавливает группу девочек и спрашивает снова. Я отворачиваюсь — делаю вид, что я тут совершенно ни при чём.

Когда мы приходим в приёмную, я прошу зарегистрировать меня временно, но мне говорят, что такого понятия не существует. Им нужны мои документы из Атлантик-Сити и медицинская карта. Я только начинаю объяснять, что документов у нас с собой нет, так как мы приехали просто в гости, как вдруг Битси достает их из сумочки. Я удивлена и сбита с толку. Битси говорит: — Мы запросили их... на прошлой неделе. — Даже не знаю, верить ей или нет.

Меня просят присесть и подождать — методист освободится через несколько минут. Битси садится рядом, но я не хочу, чтобы она оставалась. — Я знаю, у тебя сегодня утром куча дел, — говорю я. На самом-то деле я понятия не имею, так ли это. Просто хочу, чтобы она ушла. Хочу порешать всё сама.

— Дела подождут, — улыбается Битси.

Я чувствую, что она получает от всего этого удовольствие. Для неё это как новая игра в материнство. Но я на неё не сержусь. Моя собственная мать сейчас дома в постели, в отключке от лекарств. Если я на кого и злюсь этим утром, так это на маму.

В конце концов мне удаётся убедить Битси, что она может

уйти. Я заверяю её, что всё будет в порядке, и она нехотя встаёт, а напоследок смущает меня, целуя в щёку, будто мы не увидимся целый год. Когда она уходит, я вздыхаю с облегчением.

Наконец меня приглашают в кабинет методиста. Мы обсуждаем, какие предметы мне стоит выбрать. Я рассказываю, что изучала в Атлантик-Сити, и он составляет мне расписание: английский, предмет под названием «Американская культура», геометрия и французский (второй год обучения).

— А как насчёт естественных наук? — спрашивает он, подергивая себя за мочку уха. — Мы стараемся мотивировать десятиклассников брать химию.

— Я бы предпочла астрономию, — говорю я. У меня всё лучше и лучше получается определять звёзды, планеты и созвездия.

— Мы не преподаём астрономию.

— Что ж, тогда я пропущу естественные науки и возьму машинопись.

Он с удивлением смотрит на меня.

— Сомневаюсь, что сейчас я потяну химию, — объясняю я. «С какой стати мне убиваться на учёбе?» — думаю я про себя. — «Я же здесь ненадолго. Да и если честно, я не уверена, что смогу заучить все эти химические символы, особенно после того, как пропустила больше месяца занятий».

— Хорошо, — соглашается он и вместо химии вписывает в расписание машинопись.

На свой первый урок — английский — я опаздываю. Протягиваю карточку учителю: это молодой парень в джинсах и свитере. Его фамилия — мистер Вандерхут. Он зачитывает с карточки моё имя вслух: — Дэйвис Векслер.

— Дэйви, — объясняю я. — Все зовут меня Дэйви.

— Хорошо Дэйви. Занимай свободное место, где нравится. Мы сейчас проходим Дикенса «*Большие Надежды*». Читала?

— Нет.

— Ладно. Потом возьмёшь экземпляр после урока. И ещё,

возьми конспекты у того, кто порасторопней. Посмотрим… — Он обводит класс взглядом. — Попробуй у Джейн. Джейн, подними руку. Вот она, — говорит он мне.

Мистер Вандерхут кажется прикольным. Мне это в нём уже нравится.

После урока Джейн подходит ко мне. — Вот почему родители назвали меня Джейн, — говорит она.

— Что? — растерянно спрашиваю я.

— Ну, вся эта путаница с «Дэйвис-Дэйви». С таким простым именем, как Джейн, проблем никогда не бывает.

— А, это, — отзываюсь я. — Я к этому привыкла.

— Сегодня можешь взять мой конспект домой. Он без ошибок.

— Спасибо.

Мы выясняем, что у нас обеих второй урок свободен, и вместе выходим на улицу. Джейн высокая и светловолосая, она была бы красавицей, если бы не подбородок — его у неё практически нет. Мы пересекаем парковку, затем идём по пешеходному мосту над Даймонд-драйв и заходим в какой-то затрапезный магазинчик, где Джейн покупает мультивитаминный сок и крендельки. Я не люблю такой сок, поэтому беру банку грейпфрутового.

Возле магазина группа каких-то парней в ковбойских сапогах и широкополых шляпах выкрикивает нам вслед всякие гадости. Джейн игнорирует их и бормочет: — Быдло.

Мы возвращаемся по мосту назад и усаживаемся на траву перед школой. Дует прохладный ветерок; Джейн плотнее кутается в пончо, а я застегиваю куртку.

— Ты сама-то откуда? — спрашивает Джейн и выпивает свой сок залпом.

— Из Атлантик-Сити, — отвечаю я.

— Это где… в Калифорнии?

— Нет. В Нью-Джерси.

— А-а, точно… Нью-Джерси.

— Точно, — меня шокировало то, что она подумала, будто

Атлантик-Сити находится в Калифорнии.

— Похоже, я спутала со Студио-Сити. Он в Калифорнии. — Она откусила кусочек кренделя. — Атлантик-Сити… это же там проводят конкурс „Мисс Америка“… верно?

— Верно, — отвечаю ей.

— Моя сестра как-то раз вышла в финал штата, но проиграла девчонке, которая умела насвистывать Бетховена. — Джейн доела кренделёк, отряхнула руки от крошек и спросила: — Выходит, ты совсем недавно сюда переехала?

— Да. Пару недель назад.

— Твой отец, наверное, физик?

— Нет, — отвечаю я. — Мой отец… умер. — До этого я никому об этом не говорила.

— Прости, — сожалеет Джейн. — Я не знала.

— Он умер прошлым летом, — говорю я. — От сердечного приступа. — Стоит мне начать, и я уже не могу остановиться. — Он умер во сне. Говорят, это лёгкая смерть. Он не почувствовал боли. Ему было всего тридцать четыре. — Зачем я это делаю? Зачем я рассказываю ей всё это?

— У меня нет слов, — говорит Джейн. — Это ужасно.

— Мой дядя — физик. Мы живём в их с тётей доме. — Я хочу сменить тему, чтобы уйти от разговора о смерти отца. — А ты откуда родом?

— А я здешняя… из Лос-Аламоса.

— Правда?

— Да. Я здесь родилась. И никогда никуда не переезжала. Ездила в Канзас к бабушке с дедушкой. Была в Теннесси в Оук-Ридже, где в лаборатории полгода работал мой отец. Он очень похож на Лос-Аламос. — Она сжимает в руке пустую банку из-под сока, подбрасывает её вверх и снова ловит. Из неё брызгают оставшиеся капли сока прямо ей на волосы.

— А в каком районе ты живёшь? Белая Скала или Холм?

— Холм, — отвечаю я. — Западный район. А ты где?

— Ванная аллея, — говорит она мне. — Слушай, мне пора

бежать в класс. Сейчас начнётся следующий урок. Встретимся позже и я дам тебе свои конспекты, ладно?

— Конечно. Хорошо.

За обедом я рассказываю Битси и Уолтеру про Джейн, и что живёт она на Ванной алее.

Название так рассмешило Джейсона, что молоко, которое он пил, вылетело у него не только изо рта, но и из носа. — Это где-то рядом с Туалетной террасой? — заливается он. — Или с улицей Умывальной?

Битси объясняет, что Ванная аллея — самый престижный район в городе. Дома там стоят на территории, где раньше располагалась спецшкола для мальчиков. В прежние времена, до того как Лос-Аламос стал «Атомным городом», эта школа была здесь единственным местом. Затем, в сороковых, когда Оппенгеймер и другие знаменитые учёные собрались вместе для создания Бомбы, самые важные из них поселились в этих домах — единственных, в которых были ванны.

— Должно быть, твоя подруга является дочерью кого-то из главных в лаборатории, раз она проживает на Ванной аллее, — размышляет Битси. — А как её фамилия?

— Не знаю. Я не спросила.

После ужина Уолтер просит посмотреть моё расписание занятий. Он выходит из себя, когда узнаёт, что я не буду обучаться естественным наукам. — Как они могли оформить тебя, не настояв на курсе по естественным наукам?

— Я захотела записаться на машинопись, — объясняю я. — В следующем году можно выбрать химию.

— Машинопись, — гневно произносит Уолтер. — Это же смешно. А на следующий год у тебя будет физика. И ты будешь пасти задних.

У меня прямо-таки вертится на языке сказать ему, что я не собираюсь изучать физику — ни в следующем году, ни когда-либо вообще.

— Ты должна подумать о будущем, — говорит мне Уолтер. — Тебе же хочется поступить в хороший колледж?

— Не знаю, — отвечаю я.

— Отлично ты всё знаешь.

— Нет, не знаю! Я вообще не знаю, хочу ли я в колледж.

Уолтер наливает себе бренди, взбалтывает его в стакане, а затем выпивает залпом. — И чем же ты хочешь заниматься по жизни, Дэйви? — спрашивает он.

— Откуда мне знать? Мне всего лишь пятнадцать!

— Как раз самое время планировать, — кричит он мне вслед, но я уже пулей вылетаю из комнаты, и Минка несётся за мной по пятам.

Я иду прямиком в мамину спальню, чтобы высказать ей, что Уолтер — невыносим, и я не желаю обсуждать с ним свою жизнь, и что ей лучше было бы что-то с этим сделать, как-то заставить его замолчать. Но мама спит. Её рот приоткрыт и до меня доносится её хриплое дыхание. По всей кровати разбросаны фотографии. Я в такой ярости, что мне хочется её встряхнуть.

Я ухожу к себе и плюхаюсь на кровать с экземпляром «*Больших надежд*».

Когда ко мне заходит Джейсон, я уже читаю вторую главу. Но вот что было в первой и какие там персонажи, я не помню.

— Что с мамой? — спрашивает Джейсон.

— Ты же знаешь, — говорю я ему. — У неё болит голова. — На нём футбольная пижама, и он выглядит таким крошкой. — Не переживай. Она поправится.

— А может быть, и нет, — говорит он. — Может, она умрёт.

— Она не умрёт, — отвечаю я.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

— А если она всё-таки умрёт, мы останемся здесь, с дядей Уолтером и тётей Битси?

— Она не умрёт.

— Но если вдруг...

— Да, — говорю я, закрывая книгу. — Думаю, мы останемся здесь.

— Это всё, что я хотел узнать.

— Джейсон... — я подзываю его. У него уже шатается молочный зуб и, выкручивая его пальцами, он кажется таким наивным.

— Да.

— Не хочешь поцеловать меня на ночь?

— Я... поцеловать тебя?

— Да. Ну же... — Я протягиваю к нему руки. — Представь, что я не твоя сестра. Вообрази, что я очаровательная принцесса.

Он подходит ближе к моей кровати, я тянусь к нему и обнимаю его. — Всё будет хорошо, — шепчу я, уткнувшись в его волосы. — Будет... обязательно будет...

XVI

В субботу я собераюсь в каньон. В воздухе чувствуется прохлада, и я надеваю свой рыбацкий свитер. Когда я смотрю вверх на горы, то вижу, что листья осин сменили цвет, окрасив весь склон в прекрасный золотистый оттенок на фоне синего неба. Завтра Уолтер и Битси повезут нас в горы, чтобы мы могли рассмотреть осины поближе.

Я кручу педали изо всех сил, стараясь поскорее добраться до каньона.

Вульф уже там, ждёт меня. — Где ты пропадала, Тайгер?

— В школе, — отвечаю я. — Меня заставили пойти в школу.

— В школе, значит, — повторяет он, кивая. Он не спрашивает, кто заставил. Не спрашивает, почему я не ходила туда до сих пор.

Мы спускаемся в каньон. Теперь я умею спускаться гораздо быстрее: я научилась этому, наблюдая за Вульфом и подражая ему. Походные ботинки сидят на ногах удобно, как влитые.

Внизу мы отдыхаем на камне. — Помнишь, ты сказал, что у меня грустные глаза? — спрашиваю я.

— Помню.

— Это потому что мой отец умер.

Вульф смотрит на меня, медленно качает головой и говорит: — У нас много общего, Тайгер… потому что мой — умирает.

Позже, когда приходит время уходить из каньона, я говорю: — Сегодня я тебя не рассмешила.

А Вульф отвечает: — Мне было не до смеха.

Я еду домой с тяжёлым сердцем. Мне так хочется поговорить с мамой. Но когда я возвращаюсь, она снова крепко спит; шторы в её комнате задёрнуты, и там темно, как ночью. Иногда мне кажется, что она исчезла из моей жизни. И я по ней скучаю.

Через несколько дней Уолтер вручает мне маленькую карточку. — Храни её в кошельке, Дэйви. Теперь, когда ты член семьи, для тебя забронировано место в бомбоубежище.

— В бомбоубежище? — переспрашиваю я, не веря своим ушам, и меня пробирает нервный смех.

Но Уолтер говорит на полном серьёзе: — Да. Номера напечатаны на карточке. Постарайся их запомнить.

— Будет война? — спрашиваю я. — Нас будут бомбить?

— Нет, — говорит Уолтер. — По крайней мере, я на это надеюсь. Но всегда лучше быть наготове. Наша проблема в том, что мы начинаем действовать, когда становится слишком поздно. У русских, с другой стороны, выдающаяся программа гражданской обороны. Если на них нападут, скорее всего, они выживут. Хотел бы я сказать то же самое о нас. Это как с энергетическим кризисом. Все ждут, когда погаснет свет. Вот тогда и посмотрим, как быстро мы воспользуемся ядерной энергией. Но к тому времени будет уже поздно. Слишком поздно. В общем, сохрани карточку… скорее всего, она тебе никогда не понадобится.

Уолтер сегодня какой-то мрачный и наливает себе уже третий стакан бренди.

XVII

В этом городе больше 250 клубов, и Битси состоит в девяти из них, не считая утренних прогулок, занятий джазом дважды в неделю и уроков рисования. Её календарь так плотно заполнен, что напоминает журнал регистрации к врачу. Тем не менее, у неё всегда находится время для семьи, особенно для Джейсона, который всё больше и больше сближается с ней и Уолтером. Однажды вечером я слышу, как Битси говорит Уолтеру, что Джейсон напоминает ей Адама в детстве. Думаю, Битси скучает по моему отцу сильнее, чем на самом деле.

В нашей школе тоже полно всяких кружков и секций. Даниэль, девочка из моего класса по американской культуре, уговаривает меня вступить в «Общество любителей старины». Она носит тогу и средневековые сандалии со шнуровкой до колен. К плечу у неё приколото какое-то пушистое существо, похожее на гнома. Во время уроков она вяжет. Я ни разу не видела, чтобы она вела конспект, но при этом знаю, что она круглая отличница.

— У нас проводятся рыцарские турниры, — говорит она мне в среду после уроков. Она стоит так близко, что я чувствую запах чеснока у неё изо рта.

Я понятия не имею, кто такие эти «любители старины» и зачем это вообще нужно. Я отвечаю ей:
— Послушай... я таким не увлекаюсь.

Она качает головой с явным разочарованием и кладёт руку мне на плечо. — Так ты попробуй.

Я отстраняюсь от неё, гадая, не лесбиянка ли она. — Я сейчас очень занята, — говорю я ей. Эту фразу я подцепила у Битси — та всегда так отвечает по телефону, когда её просят стать волонтёром в каком-нибудь общественном проекте.

— И чем же? — спрашивает Даниэль, поглаживая пушистое существо у себя на плече, будто оно живое. От неё не так-то

просто отделаться.

— У меня дома много дел, — отвечаю я. Не знаю, зачем я вообще оправдываюсь, ведь я не обязана ей ничего объяснять.

— И что? — настаивает она.

— А то, что я волонтёр в больнице. — Это не совсем правда, но Джейн давно уговаривала меня пойти вместе с ней, и теперь я так и сделаю. Что угодно, лишь бы отвязаться от Даниэль.

Она в недоумении лишь пожимает плечами. — А я-то думала, что ты не такая, как все, — говорит она, накидывая на плечи зелёный плащ. — Но вижу, что ошибалась. — И поспешно выходит из класса.

За две недели я вполне усвоила, как всё устроено в этой школе. Во-первых, все делятся на группы. Есть «заýчки», «нáрики», «качкú» и «драчуны». «Заýчки» помешаны на компьютерах и носят калькуляторы на поясе. Они — точные копии своих отцов: зубрят ради лучших оценок, чтобы поступить в лучшие колледжи. «Нáрики» сидят на выпивке и наркотиках, которых тут навалом. Прямо на парковке из багажника машины можно купить всё, что угодно. «Качкú» — они и есть качкú. Эти группы высмеивают друг друга. «Заýчки» смеются над «качкáми». «Качкú» — над «нáриками». «Нáрики» — над «драчунами». «Драчуны» носят ковбойские шляпы и сапоги. Они жуют табак, сплёвывают и разъезжают на пикапах, выискивая, с кем бы подраться.

Я знаю, что никогда не стану здесь своей. Конечно, есть и другие ребята вроде меня — те, кто тоже не вписывается. Есть одна девочка, Энн, она кричит в коридорах. Я не могу её понять. Может, она, как и я, осознала всю тщетность попыток стать «как все».

Есть парни, которые не тянут на «заýчек», но и к другим не примкнули. Им приходится туго. Потому что здешние дети обожают гнобить любого и каждого, кто хоть немного от них отличается. Иногда мне кажется, было бы здорово, если бы все, кто остался, создали свою банду под названием «нейтралы». Мы бы вместе тусовались и до упаду смеялись бы над всеми этими

«драчунами», «на́риками», «качка́ми» и «зау́чками».

В нашей школе всего один или два чёрных, и однажды вечером я спросила Уолтера, почему так.

— По правде говоря, Дэйви, — отвечает он, — в этой стране очень мало чернокожих учёных. Мы стараемся привлекать и поощрять способных ребят, чтобы они шли в науку. Для них даже есть специальные стипендии.

— Моя подруга Ленайя хочет стать учёным, — напоминаю я ему.

— Да, я знаю.

Но не хватает не только чернокожих. В Нью-Мексико сосуществуют три культуры: испаноязычные, англоязычные и коренные американцы. Когда я была в третьем классе, мы изучали коренное население, которое называли индейцами. И сейчас мне стыдно за то, чему нас тогда о них учили.

Моя семья — англоязычные европейцы. И в этом штате мы в меньшинстве. Но только не в Лос-Аламосе. Лос-Аламос — чисто английский город. Без исключений. В нашей школе нет коренных американцев, а испаноязычных ребят — считанные единицы, и живут они здесь, потому что их отцы работают в Лаборатории, как обслуживающий персонал.

Я направляюсь на урок геометрии, но учитель не приходит. Это не редкость. С тех пор как я пошла в эту школу, он пропустил уже пять занятий. Причём замещающего учителя нам ни разу не присылали — значит, он не на больничном, а просто не приходит именно к нам. В таких случаях он договаривается, чтобы нам показали какой-нибудь фильм, обычно никак не связанный с математикой. Большинство ребят устраиваются поудобнее и засыпают. Почти всегда кто-нибудь да храпит. Парочка учеников пользуются темнотой в классе, чтобы пообжиматься. Но я не против фильмов. Они кажутся мне куда интереснее геометрии.

Сегодняшний фильм — о гемофилии. Диктор низким басом произносит: — *Гемофилия — это наследственное нарушение свертываемости плазмы крови, поражающее преимущественно*

мужчин, но передающееся по женской линии и характеризующееся чрезмерными, подчас спонтанными кровотечениями. — Я и так это знаю, потому что в восьмом классе читала «*Николая и Александру*». И всё же я не готова смотреть фильм о кровотечениях. Сердце начинает бешено колотиться, и я задыхаюсь. На середине фильма мне пришлось выйти из класса, так как я испугалась, что упаду в обморок.

Рубен — не «заýчка», обычный парень — выходит в коридор вслед за мной. Мы вместе посещаем три предмета, и я замечаю его взгляды на себе с самого первого дня в этой школе. Это первый раз, когда он заговорил со мной. — Не выносишь вида крови, да? — шутит он.

Я знаю, что он не хотел ничего плохого, но как только он это произносит, на меня накатывает волна тошноты, и я понимаю: сейчас меня вырвет. Я прижимаюсь головой к холодной бетонной стене коридора и медленно считаю до двадцати. Тошнота проходит.

— Хочешь воды? — спрашивает Рубен.

— Нет.

— Чем я могу помочь?

— Ничем, — отвечаю я. — Возвращайся в класс.

— А ты?

— А я домой. — И я просто ухожу из школы. Без разрешения. Без оправданий. Просто срываюсь с места и иду домой.

Когда я прихожу, дома тишина. Битси в музее, проводит экскурсию. — *А это бомба, которую мы сбросили на Нагасаки… а это та, что мы сбросили на Хиросиму…*

Я поднимаюсь наверх и, проходя мимо маминой комнаты, заглядываю внутрь и вижу, что она лежит, распластавшись на кровати. В руках у неё пара фотографий.

— Мам, — говорю я, — что ты делаешь?

Она смотрит на меня так, будто не понимает, кто я.

— Прекращай принимать эти таблетки, — говорю я ей. — Ты слышишь меня?.. Не пей их больше!

Она кивает и отвечает: — Да. Нужно завязывать.

У меня такое чувство, что мы с мамой поменялись местами, и мне это совсем не нравится. Будто она — маленькая девочка, а я — взрослая. Я не хочу, чтобы на меня взваливали такую ответственность, и я рада, что рядом есть Уолтер и Битси.

И всё же я помню: когда я сама расклеилась и не хотела вставать с кровати, мама была рядом и помогла мне прийти в себя. Что-то внутри подсказывает, что не стоит на неё злиться. Ведь я должна помочь ей. Но как, я не знаю.

Дело ведь не только в таблетках и даже не в самой головной боли. На этот раз, когда Битси ведёт маму к врачу, тот рекомендует психотерапию. Он записывает её в Центр семейного консультирования. Завтра днём она должна встретиться с некой Мириам Олник.

— Мне нужно взять себя в руки, — объясняет мама тем же вечером за ужином. Впервые за всю неделю она вышла поесть вместе с нами.

Джейсон постукивает вилкой по столу, словно отбивает такт какого-то марша, звучащего у него в голове.

— Мне нужно взять себя в руки, — повторяет мама.

Уолтер наклоняется и накрывает своей ладонью руку Джейсона, остановив постукивания.

— Я сама не своя, — говорит мама. — Я уже не та, кем была раньше, до того как Адам… — Её голос затихает, и за столом воцаряется тяжёлая тишина. Она впервые при нас произнесла вслух его имя. — До того, как Адам… — Она пытается договорить, но голос срывается.

— Умер, — произношу я.

Все смотрят на меня. Я чувствую, как краснеют мои щёки. Затем все отводят глаза, будто я выдала какую-то глубокую, мрачную тайну. Джейсон снова начинает постукивать вилкой по столу.

— Что ж… — звучит наконец бодрый голос Битси, — вы же знаете, как быстро остывает еда в условиях высокогорья… — и она накладывает каждому из нас по приличной порции курицы тетраццини.

XVIII

Я сообщаю Джейн, что решила пойти волонтёром вместе с ней.

Она говорит: — Отлично!... это пойдёт нам в зачёт при поступлении в колледж.

Мне хочется объяснить ей, что я иду вовсе не ради этого. Что сейчас колледж — последнее, о чём я думаю. И вообще я не уверена, *хочу* ли поступать. Но я решаю промолчать. Мне не хочется ввязываться в очередной спор относительно моего будущего.

Мы вместе идём в медицинский центр Лос-Аламоса. Заходим в кабинет с табличкой «Директор волонтёрской службы», где слушаем лекцию об обязанностях всех помощников, работающих после школы. Нас человек пятнадцать, из которых трое — мальчишки. Я пытаюсь представить их в сарафанах в розово-белую полоску, и начинаю хихикать. Если меня что-то рассмешило, я уже не могу остановиться. Джейн косится на меня и удивленно вскидывает брови. Я отворачиваюсь и стараюсь взять себя в руки.

— Ваша основная обязанность, — говорит директор, — помогать медсёстрам и санитарам. Вы будете разносить почту и цветы, следить, чтобы у пациентов была свежая вода, и помогать с раздачей ужина. Вам ни при каких обстоятельствах не разрешается давать больным лекарства, а также приносить им любую еду или питье, кроме того, что им прописано. Время от времени кому-то из волонтёров попадаются трудные пациенты. Если такое случится, докладывайте сразу мне.

Джейн наклоняется ко мне и шепчет: — Когда моя сестра была волонтёром, один пациент перед ней обнажился.

Я беззвучно показываю губами *«фу»*, и продолжаю слушать директора.

— Мы очень ценим ваше время и помощь, — говорит она. — А теперь пойдёмте со мной, мы подберём вам униформу, чтобы вы смогли приступить к работе.

Мне не стоило переживать о том, что мальчикам придётся ходить в сарафанах. Им выдают белые рубашки и галстуки в красно-белую полоску.

Моим первым заданием было развозить по коридору тележку с водой, заходя в каждую палату, чтобы наполнить кувшины пациентов свежей водой со льдом.

Я захожу в двухместную палату. Здесь повсюду цветы. Обе пациентки — женщины средних лет, и ни одна не выглядит особо больной. Они сидят в своих постелях и читают: одна — роман Гарольда Роббинса, другая — журнал «*Атлантик манзли*». Они едва удостаивают меня взглядом, пока я наполняю их кувшины.

Следующая палата тоже двухместная, но в ней всего один пациент. Пожилой мужчина. Он лысый, очень худой, а кожа у него какого-то сероватого оттенка.

— Привет, — говорит он. — Я тебя заждался.

У него такой мелодичный нью-мексиканский акцент. По ночам у себя в комнате я слушаю испанское радио. Мне нравится, как звучит этот язык, хоть я и не понимаю ни слова. И эта же мелодичность присутствует в английской речи латиноамериканцев.

— Вы меня ждали? — переспрашиваю я.

— Любую девчушку.

— Ой-ой, — думаю я, вспоминая рассказ Джейн о её сестре и эксгибиционисте. Если он выкинет что-нибудь эдакое, я просто велю ему всё *прибрать* и направлюсь прямиком в волонтёрский отдел.

Я наполняю кувшин, и тут, когда я стою к нему спиной, он произносит: — Посмотри на него.

Я резко оборачиваюсь, едва не выронив кувшин, и вижу, как он заводит игрушку. Это танцующий медвежонок. Он ставит его

на тумбочку, и тот начинает кружиться. — Мой сын привёз его мне... из Калифорнии... он там учится.

Я нервно смеюсь — и над медвежонком, и над собственной подозрительностью.

— Твой отец работает в Лаборатории? — спрашивает он.

— Нет. Там работает мой дядя, — отвечаю я.

— А я в ремонтной бригаде уже пятнадцать лет. — Он протягивает руку, чтобы пожать мою, и представляется: — Вилли Ортис.

Его рука костлявая и слабая, и когда я пожимаю её, невольно замечаю, какая между нашими руками разница. — Я Дэйви Векслер, — говорю я ему.

Он снова заводит игрушку, и на этот раз я смеюсь уже искренне. — Какой забавный.

— Нравится? Он твой. — И он протягивает мне медвежонка, двигающего лапками.

— Ой, нет, — говорю я, — я не могу.

— Почему?

— Потому что... — запинаюсь я. — Потому что он ваш.

— Да ладно. Не упрямься. Давай так: я здесь надолго не задержусь, и когда меня не станет, я хочу, чтобы он достался тебе. Договорились?

— Хорошо, договорились...

— Понимаешь, у меня рак... но я готов умереть.

Он так легко об этом говорит, что мне показалось, будто я ослышалась.

— Он у меня уже давно, — продолжает он. — Очень давно. Я то в больнице, то дома. Но это конец.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно. Солнце садится. Я никогда не видела таких закатов, как в Нью-Мексико. Всё небо становится розовым, затем алым, а потом пурпурным. Зачем он рассказал мне, что умирает?

— Не грусти, — говорит он.

Я снова гляжу на него, надеясь, что он не заметит, как у меня

наворачиваются слёзы.

— Ну... — произношу я. — Увидимся на следующей неделе?

— Конечно. На следующей неделе.

После работы я встречаюсь с Джейн на улице. Темнеет, становится холодно. Я застёгиваю куртку на все пуговицы и поднимаю воротник. Мне придётся купить шапку и перчатки.

— Как всё прошло? — спрашивает Джейн.

— Нормально.

— Никаких проблем?

— Нет. А у тебя?

— Никаких.

Мы идём в сторону дома.

— Если бы у тебя был выбор, — говорю я, — ты бы предпочла умереть медленно, от рака, или быстро, например, от пули?

— Даже не знаю, — отвечает Джейн. — Если это рак, то есть время подготовиться. Но может быть настолько плохо, что самому захочется, чтобы всё поскорее закончилось. А если пуля... ну, это будет внезапно...

Я не даю ей договорить и перебиваю: — И ты не успеешь попрощаться.

XIX

Битси читает книгу под названием «*Как правильно кормить детей*». И теперь каждое утро нам с Джейсоном добавляют в хлопья по чайной ложке сырых о́трубей. Битси уверяет нас, что это предотвратит появление геморроя в зрелом возрасте.

— А что такое геморрой? — спрашивает Джейсон.

— Не бери в голову, — отвечает Битси. — Просто ешь хлопья с о́трубями, и ты никогда об этом не узнаешь.

— Но если я не знаю, что это такое, как я пойму, что оно мне не нужно?

— Поверь мне, — говорит Битси. — Не нужно.

Битси относится к нам очень серьёзно, словно мы её собственные дети и она несёт за нас ответственность. Но я полагаю, что скоро мы вернёмся домой. Может быть, ещё до Рождества, потому что за последние две недели мама четырежды была у Мириам Олник в Центре семейного консультирования. Она записалась в джазовый класс вместе с Битси и теперь выглядит здоровее. Некая напряжённость всё ещё присутствует и она склонна убегать в свою комнату в самый неподходящий момент, но в целом идёт на поправку. Хотя иногда, когда я пытаюсь поговорить с ней — например, о том, чтобы Битси выдавала мне карманные деньги, — она «отключается», и я понимаю, что она не слышит ни единого моего слова.

— О чём вы разговариваете с Мириам? — спрашиваю я как-то вечером. Я сижу на кухонной столешнице, грызу сельдерей, а мама готовит своё коронное блюдо — пирог со шпинатом. Она вызвалась приготовить ужин, чтобы дать Битси отдохнуть, но не думаю, что та в восторге. Кухню она считает своей территорией. Впервые, за всё время нашего пребывания здесь, мама решила что-нибудь приготовить.

— Мы говорим обо всём, — отвечает мама. — С ней легко

общаться.

— О папе говорили? — спрашиваю я. — И про ту ночь?

Мама замялась, но потом, не поднимая глаз, очень тихо ответила «да».

Почему с Мириам она может обсуждать его, а со мной — нет?

После обеда я помогаю маме убрать со стола. Уолтер тем временем ковыряется в пироге, и это меня злит, потому что из-за него мама может подумать, будто с пирогом что-то не так.

Но он поступает ещё хуже, когда говорит: — Всё вкусно, Гвен. Просто я плотно позавтракал.

— Всё великолепно, — говорит Битси. — Я сто лет не ела шпинатный пирог. Уолтер не любит... — Она резко замолкает и прикрывает рот рукой, осознав свою оплошность.

— Пожалуй, можно сказать, что я человек простой — люблю мясо с картошкой, — объясняет Уолтер.

— Всё в порядке, — говорит мама. — Мне следовало спросить, прежде чем готовить.

Я надеюсь, что мама не сорвётся и не разрыдается из-за этого. По голосу слышно, что она на грани. Жаль, что нельзя просто обратить всё в шутку, разрядив таким образом сложившуюся напряженную атмосферу. У меня не выходит из головы тот шпинатный пирог, который мы ели в тот вечер, когда умер отец…

Мы гуляли по пляжу вчетвером и во всю глотку распевали «*This Old Man*». Мама с папой шли в обнимку в приподнятом настроении. Пока я думала о свидании с Хью, Джейсон подкрался сзади и вылил на меня ведро воды. — Не поймаешь..., не поймаешь..., — убегая, кричал Джейсон, а сзади него на ветру развевался его любимый плащ Дракулы. А потом мы пошли домой. На ужин у нас был шпинатный пирог, зелёный салат и коржики…

Интересно, помнит ли об этом Джейсон. Я перевожу на него взгляд, а он уплетает за обе щеки.

— Ну, что нового в школе, Джейс? — спрашиваю я.

— У нас такая высокая учительница, что может открывать окна без шеста.

— Ого… настолько высокая?

— К тому же ещё и умная, — говорит Джейсон. — Она всё на свете знает.

— Повезло вам с учительницей, — отвечаю я ему.

— Я же говорила, что у нас здесь отличные школы, — добавляет Битси.

*

На следующий вечер я играю с Джейсоном в «Монополию», лёжа на полу в гостиной. Сент-Чарльз-плейс и Стейт-стрит уже у меня, но Джейсон делает ход и покупает Вирджиния-авеню. Он никогда не упускает такого случая, потому что именно там мы живём в Атлантик-Сити. Игра в «Монополию» напоминает мне о доме.

Уолтер и Битси берут сегодня маму с собой на вечеринку. Мама спускается в длинной юбке и чёрном свитере. Она выглядит отлично, и я говорю ей об этом.

— Спасибо, милая, — отвечает она.

— И пахнешь ты тоже здóрово, — говорит Джейсон, когда она целует его на ночь.

— Это Шанель №5. Я сегодня купила.

Я бросаю кости, передвигаю фишку на восемь шагов и попадаю в сектор «*тюрьма*».

— Не повезло, — говорит Джейсон, демонстрируя карточку «*Бесплатный выход из тюрьмы*».

Уолтер помогает Битси, а затем и маме надеть пальто. — Номера полиции и пожарной на доске объявлений в кухне, — говорит мама. — Там же и номер Грантов, к которым мы идём. Если что-нибудь случится, просто позвони нам туда.

— Эй, мам… — отзываюсь я. — В Атлантик-Сити я постоянно

подрабатывала няней… помнишь? Я знаю, что делать.

У мамы возникает сомнение, и она обращается к Битси: — Не знаю… может, мне стоит остаться дома. Я не очень-то настроена на вечеринку.

— Глупости, — говорит Уолтер. — Тебе пойдёт на пользу.

— Никого не впускай, — приказывает мне мама. — Мне всё равно, кем они представятся… даже если скажут, что это полиция… никому не открывай дверь.

— Всё в порядке, Гвен, — говорит Битси. — Поверь, здесь на Холме безопаснее места нет.

И тут я понимаю, что сегодня мама впервые оставляет нас на вечер одних. Впервые с тех пор, как убили отца.

Я слышу, как закрывается входная дверь.

— Ладно, — говорит Джейсон, — я приступаю к строительству отеля на Борд-уок, ещё одного на Парк-плейс и двух домов на...

— Ах ты, маленький гадёныш. Из банка воруешь?

Джейсон едва сдерживается от смеха. — Кто, я?

Я-то знаю, что он своровал. Пока я разговаривала с мамой, он вовсю набивал карманы пятисотенными купюрами.

Я издаю победный вопль, и Джейсон срывается с места, убегая от меня. Я гонюсь за ним через весь дом, и мы оба заливаемся от смеха. Когда я наконец ловлю его, то прижимаю к полу и начинаю щекотать.

— Нет… пожалуйста… хватит… прекрати… — визжит Джейсон.

Я останавливаюсь, но не даю ему встать.

Мы оба запыхались и тяжело дышим.

Отдышавшись, я спрашиваю: — Джейсон… ты скучаешь по папе?

Джейсон отворачивается.

— Скучаешь?

Он сжимает губы и не отвечает.

— Я знаю, Джейсон, что скучаешь. Так почему же ты никогда

об этом не говоришь и даже не плачешь?

— Плачут только малыши. — бормочет он.

— Нет, — говорю я, — плачут все. Когда грустно, можно и поплакать.

— Отпусти меня, — просит он.

— Отпущу, когда скажешь, что скучаешь по папе.

— Нет! — и пытается вырваться.

— Ну и ладно, — отвечаю я, — тогда я скажу это за тебя. Я скучаю по папе. Очень сильно скучаю. — Я отпускаю Джейсона, он вскакивает и убегает прочь.

— Джейсон, — кричу я ему вдогонку, — а кто игру будет заканчивать?

Но он уже выбежал на лестницу и сквозь плачь выдавил из себя: — Сама заканчивай!

Не знаю, зачем я так с ним. Зачем испортила игру, да и весь вечер. Наверное, потому что мне нужно было поговорить об отце с кем-то, кто знал и любил его так же, как я.

XX

Джейн звонит и приглашает меня к себе в гости на субботу с ночёвкой. — Приходи пораньше, — говорит она, — чтобы провести весь день вместе.

Битси удивилась, когда услышала, что я отправляюсь с ночёвкой к Альбертсонам. — Тебе наверное известно, что Бад Альбертсон — начальник отдела и очень важной директивной группы Лаборатории. Поговаривают, что у Бада влияния больше, чем у самого директора.

— Я и не знала, — отвечаю я. Но то, что мне всё равно, я ей не сказала.

— В четверг вечером его жена Бренда будет со мной в группе.

Группа Битси по четвергам читает и обсуждает современные книги. На этой неделе это биография Джорджии О'Кифф.

Я собираю небольшую сумку и отправляюсь к Джейн. Это мой первый визит на Ванную Аллею. Подходя к её дому, я застаю на подъездной дорожке их зятя Говарда, натирающего воском пару лыж. Я никогда его раньше не видела, но Джейн описала мне всю свою семью. Говард высокий и худощавый, с небольшой бородкой. Сестра Джейн — первая девушка, с которой у него был секс, и это случилось уже после того, как они поженились. Я много знаю о семье Джейн. Знаю, что её родители занимаются любовью раз в неделю, по субботам.

— Привет, — обращается ко мне Говард. — Ты должно быть Дэйви.

— Да.

— Джейн дома.

Дом был похож на бревенчатый сруб, стоящий вдали от дороги в окружении сосен и голубых елей. Я стучу в дверь, и Джейн впускает меня.

— Привет, — говорит она. — Пойдём, я познакомлю тебя с

мамой.

Внутри всё выглядит, как в обычном доме, если не считать брёвен, проглядывающих на одной из стен в гостиной, что придаёт интерьеру деревенский вид.

Я иду за Джейн на кухню, где она знакомит меня со своей мамой, Брендой — пухленькой женщиной с ямочками на щеках и лицом, точь-в-точь как у Джейн. Она печёт печенье. Битси тоже много занимается выпечкой, и Джейсон стал её «подмастерьем». Вместе они пекут печенье с шоколадной крошкой, с лимонной глазурью, в сахаре, овсяное, яблочное, рулетики — в общем, всё что угодно. Я фантазирую, представляя себе, как Джейсон поднаторел в этом деле и, вернувшись в Атлантик-Сити, мы открываем магазин прямо на Променаде. Это очень классное место. Мы так и назовём его *«Кондитерская Джейсона Векслера»* или что-то в этом роде. Я займусь рекламой, а мама — деловой стороной вопроса. Мы сколотим состояние. Во всех крупных гостиницах будут филиалы нашего магазина. Мы будем рассылать заказы по всему миру, как это делает сеть магазинов «Джеймс Солтуотер Таффи». И будем жить в роскошных апартаментах одной из новых гостиниц, из каждого номера которой будет открываться вид на океан.

— Здравствуй, милая, — приветствует меня мама Джейн. — Очень рада познакомиться.

В кухне на полу ползает пухленький, симпатичный малыш. Джейн подхватывает его на руки и смачно целует в щёчку. — А это мой племянник, Робби. Ну разве не прелесть?

Джейн передаёт его мне, и он, ухватив меня за волосы, тащит их себе в рот. Мы все смеёмся, пока он лепечет нам что-то по-своему.

Робби — сын Говарда, того самого, что был на подъездной дорожке, и Линды, сестры Джейн. Именно она когда-то вышла в финал конкурса «Мисс Нью-Мексико».

Другая сестра Джейн, Тэффи, учится в бизнес-школе в Альбукерке и приезжает домой раз в две недели.

— А где же твой отец? — спрашиваю я Джейн, пока она водит меня по дому.

— У себя в кабинете, — шепчет она, указывая на закрытую дверь. — Он там думает. По субботам он всегда думает. Ты познакомишься с ним позже. Обычно он выходит к ужину. Пойдём наверх… у меня в комнате беспорядок… я как раз затеяла уборку в шкафу.

Я иду за Джейн вверх по лестнице, любуясь отполированными деревянными перилами, прохладными и гладкими на ощупь.

— Моя мама — президент Женского Туристического Общества, — повернувшись ко мне, говорит Джейн. — Она знает названия всех полевых цветов на Юго-Западе.

— Здóрово, — отвечаю я.

Джейн не шутила насчёт своей комнаты. Там настоящий кавардак: повсюду разбросана одежда.

— Я же говорила, — смеётся она.

— А где ванна? — интересуюсь я.

— Хочешь принять душ… прямо сейчас?

— Да нет же, — и начинаем хохотать. — Я хочу посмотреть на неё из исторических соображений.

— Вот оно что, — удивляется она. — Тогда пойдём. — Она берёт меня за руку и ведёт по коридору в ванную. — Вуаля! — восклицает она.

Ванна старомодная, стоит на ножках и имеет отдельные краны для горячей и холодной воды. Я оглядываюсь в поисках таблички *«Здесь принимал ванну Дж. Роберт Оппенгеймер»*, но ничего такого не вижу. В Нью-Джерси полно вывесок, гласящих: *«Здесь спал Джордж Вашингтон»*.

Я пытаюсь представить себе Оппенгеймера в этой ванне. Возможно, к нему приходили идеи, когда он сидел в ней, погружённый в воду, а может, когда пускал пластмассовые кораблики, как Джейсон. Кто знает?

Мы возвращаемся в комнату Джейн, и я плюхаюсь к ней на

кровать. Она включает радио. Играет старая песня группы Eagles. Джейн принимается складывать вещи и убирать их в шкаф.

Я напеваю под радио и осматриваю комнату Джейн. У неё на стене приклеено три плаката, на одном из которых Джимми МакНикол, на другом Эрик Хайден на коньках, а на третьем Бьорн Борг. Все они покрыты помадой от поцелуев.

— Это я так тестирую помаду, — объясняет Джейн, заметив, как я их рассматриваю.

Я её понимаю. Раньше я тренировалась целоваться на подушке, но об этом я решила промолчать и обратилась к ней: — Ты же не красишь губы.

— Раньше красила, — отвечает Джейн. — В девятом классе я очень увлекалась макияжем.

Меня это удивило. Джейн не похожа на тех, кто любит краситься. Но потом я вспоминаю, как в восьмом классе мы с Ленайей ходили в Вулворт и пробовали все образцы на прилавке.

Убрав одежду и приведя комнату в более-менее опрятный вид, Джейн достаёт набор для ухода за ногтями «Ревлон» и начинает делать себе маникюр.

— Куда ты хочешь поступать? — спрашивает она, подпиливая ногти.

— Не знаю, — отвечаю я. — Мы же ещё не в выпускники, чтобы решать прямо сейчас.

— Но к этому нужно готовиться заранее.

— Я даже не знаю, хочу ли я вообще поступать.

— Серьёзно?

— Да. И, по-моему, глупо так заранее об этом беспокоиться. Ведь мы не знаем, что нас ждёт в будущем.

— Мне никогда и в голову такое не приходило, — говорит Джейн. — Папа хочет, чтобы я поступала в Массачусетский технологический институт, потому что он сам его окончил, а мама расхваливает Уэллсли, потому что это её колледж. Родители многого от меня ждут. — Она красит ногти в бледно-персиковый цвет. — Линда и Тэффи стали для них большим разочарованием,

особенно для отца. Ни одна из них особо не блистала в учёбе. Так что теперь всё зависит от меня.

— А мне никто не сможет указывать, чем мне заниматься по жизни.

— Ты смелее, чем я.

— Дело вовсе не в смелости.

— А я думаю, что в смелости. — Идеально нанеся лак, она поднимает руки и дует на ногти, любуясь своей работой. — Хочешь, я и твои накрашу?

Я смотрю на свои ногти. Они в ужасном состоянии. Я совсем не обращала на них внимания с прошлого августа. Раньше я всегда коротко их стригла. Но теперь они все разной длины, с неровными, обломанными краями.

— Тебе не помешал бы хороший маникюр, — говорит Джейн. — Не обижайся, но я заметила.

Я киваю и соглашаюсь, чтобы она привела мои ногти в порядок. Лёгкими касаниями пилочки она придаёт им форму.

В коридоре раздаётся телефонный звонок и, не успев закончить маникюр на моей левой руке, Джейн бросает всё и бежит отвечать. Я беру журнал «*Севентин*» и пролистываю его. Все модели как на подбор — идеальные, без прыщей и жирных волос. Я подхожу к зеркалу и разглядываю себя. Сегодня явно не мой день: я выгляжу уставшей, а волосы висят паклей.

Джейн возвращается раскрасневшаяся и говорит: — Тед звонил.

Тед водится с Рубеном — тем парнем, который вечно на меня пялится. Я ещё несколько недель назад заметила, что Джейн неравнодушна к Теду. Ну, теперь-то всё ясно.

— Он хочет зайти вечером, — взволнованно говорит она, — …вместе с Рубеном. — Она замолкает и смотрит на меня. — Я согласилась.

Джейн садится, берёт мою левую руку и продолжает наводить маникюр.

— Если ты против, я перезвоню и скажу, чтобы не приходили.

Иногда Джейн достаёт со своей вежливостью.

— Мы просто прогуляемся, — говорит она. — Только и всего. Я не думала, что ты будешь против, иначе не согласилась бы.

Почему-то я никак не могу решиться на положительный ответ.

Джейн так увлеклась, что спилила мне ноготь на мизинце чуть ли не до основания.

— Слушай, — говорит она, широко раскрыв глаза, — лучше забудь. Я перезвоню ему и придумаю какую-нибудь отмазку.

— Не надо, — взяв себя в руки, отвечаю я. — Всё в порядке. Я не против.

Она облегчённо вздохнула.

— Может быть, он вызывает у тебя отвращение?

— Нет. Не вызывает.

Джейн берёт флакончик с лаком для ногтей. — Такой подойдёт? — спрашивает она. — Думаю, он как раз… под твой типаж. — И когда она начинает наносить его на мои ногти, выясняется, что цвет, который во флаконе казался почти коричневым, на деле оказывается каким-то отвратительным оттенком фиолетового.

— У тебя уже было такое раньше?

— Какое? — спрашиваю её, думая, что она говорит о ногтях.

— Ну… с парнями.

— А, ты про это.

— Было?

— Немного.

— Сколько раз?

— Несколько.

— А у меня ни разу не было, — отвечает Джейн. — Пару раз целовалась и всё на этом.

— Не заморачивайся.

— Как это, не заморачивайся? — возмущается она. — А о чём ещё заморачиваться… кроме школы?

Иногда Джейн кажется такой наивной, что мне не верится,

что мы ровесницы.

— Знаешь, как я узнала о сексе? — спрашивает она.

— Нет. И как же?

— Я прочитала в карточном каталоге, в библиотеке.

— Да ладно! — смеюсь я.

— Правда. Казалось бы, когда у тебя две старшие сестры, кто-нибудь мог бы и просветить, но когда я их спросила, они ответили: — Обратись к маме. — А когда я спросила маму, она сказала: — Ты ещё маленькая, чтобы интересоваться этим. — Можно подумать, нам преподадут это в школе, правда? Как будто в этом есть некое научное изыскание.

И мы вместе расхохотались.

— Ну и *как* всё прошло? — допытывается Джейн.

На этот вопрос я уже не отвечаю, рассматривая ногти, затем дую на них, как это делала Джейн, чтобы они быстрее высохли и говорю: — Спасибо! Классно смотрится.

— Между вами что-то было? — не унимается она.

Видно из-за того, что я уклонилась от ответа, она решила, что у меня богатый опыт. Я пытаюсь прояснить ситуацию. — Нет, — отвечаю я решительно. — Не было.

— Совсем ничего? — расстроилась Джейн.

— Ничего.

Я не рассказываю ей про Хью. Не рассказываю про жаркие, летние ночи. Про солёный вкус его губ и как он прижимался ко мне. Таким не делятся. Ни с Джейн. Ни с кем на свете.

Перед ужином я принимаю душ в той самой знаменитой ванне. Я долго сижу в ней, погрузившись в воду по самый подбородок, а мои волосы расплываются веером по поверхности. Обычно я стараюсь не думать о Хью и о том, как всё у нас было, потому что от этих мыслей я вся завожусь, а мне сейчас этого совсем не хочется. Но я помню. Я помню всё. Особенно ту последнюю ночь…

— Что нового, Дэйвина? — спрашивает Хью. Он знает, что это моё настоящее имя, но называет меня так в шутку.

— Всё по-старому.

Мы катались по набережной, пока не стемнело, потом сидели на перилах, глядя на пляж, и ели мягкое мороженое в рожках. Когда я качнула ногой, один из шлёпанцев слетел и упал на песок. Хью спрыгнул вниз, чтобы его поднять. Надев его мне на ногу, его руки нежно скользнули по моим бёдрам. — Может, прогуляемся по пляжу, Дэйвина?

— Не надо, Хью… ты же знаешь, мне нельзя.

— Нельзя… нельзя…, — он недовольно передразнивает меня.

— Такое правило.

— Для того правила и созданы, чтобы их нарушать, верно?

— Но не это, — говорю я. — Лучше пойдём ко мне домой.

— Там твой отец.

— Ну и что? Мы будем во дворе.

Дело не в том, что я не хотела гулять с Хью по пляжу. Мне этого очень хотелось. Мне безумно нравилась сама мысль о лунном свете на волнах, о песке под ногами, о том, чтобы остаться с ним наедине — по-настоящему наедине. Но я обещала родителям, что не пойду.

Так что мы с Хью пошли домой и сразу направились в маленький дворик за магазином. Я прислонилась спиной к иве. Одинокий луч света, бьющий из окна магазина, отбрасывал тень на чахлую траву. Хью обнимал меня, его губы касались моего лица, шеи. Его дыхание было горячим. Я вцепилась в его влажную футболку, когда он провел рукой от моего плеча к завязкам топа, потом к талии и снова вверх. В воздухе стоял аромат моих духов *«Чарли»*.

Из магазина доносилась симфония, звучавшая из радиоприёмника моего отца. Мы оба тяжело дышали. Хью всем телом прижимался ко мне и шептал: — Дэйви… о, Дэйви…»

Я почувствовала слабость, колени подкосились, и мне захотелось лечь. Лечь в объятия Хью и будь что будет.

Вдруг мы услышали взрыв петарды, ещё один, и ещё, и ещё. Хью отстранился от меня со словами: — Что за чёрт…

Потом мы вместе рванули к магазину.

XXI

— Дэйви, тебе ещё долго? — зовёт Джейн и стучит в дверь ванной. — Пора ужинать.

— Сейчас выйду! — кричу я в ответ, сдерживая подступающие к горлу рыдания. Я споласкиваю лицо, выхожу из ванны и вытираюсь.

Внизу все уже сидят за обеденным столом. Ждут только нас.

— Извините, — говорю я. — Я не знала, что уже так поздно.

— Всё в порядке, дорогая, — отвечает мама Джейн.

Отец Джейн сидит во главе стола. Это крупный мужчина с обвисшими щеками, в очках в стальной оправе и с коротко подстриженными седыми жёсткими волосами. Я замечаю шрам у него на лбу. Джейн рассказывала мне, что год назад он попал в серьёзную автомобильную аварию. Присаживаясь за стол, я стараюсь не глазеть на него. — Привет, Дэйви, — говорит он. Затем они с Говардом пускаются в долгую беседу о Лаборатории. Я даже не пытаюсь вникнуть в то, о чём они говорят.

Робби сидит в детском стульчике рядом с Линдой, и она подкармливает его всякой мелочью со стола. Я вижу, что Линда снова беременна, и удивляюсь, почему Джейн не сказала мне об этом.

С нашей стороны стола разговор вращается вокруг лыж. Линда и Джейн обе надеются, что снег выпадет пораньше и лыжная база откроется ещё до Рождества.

— А ты катаешься на лыжах, Дэйви? — спрашивает мама Джейн.

— Нет, но хочу научиться.

— Я тоже нет, — говорит она, — но доктор Альбертсон — выдающийся лыжник, и все три девочки пошли по его стопам.

Сначала я не понимаю, кто такой доктор Альбертсон. Потом до меня доходит, что это отец Джейн. Я привыкла считать, что

доктор — это врач или хотя бы стоматолог, но в Лос-Аламосе так называют людей с учёной степенью, и таких здесь пруд пруди.

— И не забывайте о Говарде, — говорит Линда. — Он первоклассный лыжник. Практически вырос на лыжах. Он родом из Канады.

Интересно, будет ли кататься на лыжах Линда этой зимой, несмотря на беременность. Я решила не спрашивать. Может, она вовсе и не беременна. Может, просто растолстела.

— Робби начнёт учиться, как только ему исполнится три, — говорит Линда, протягивая ему ещё один кусочек хлеба.

На десерт был шоколадный торт с ванильным мороженым. Когда все досыта наелись, отец Джейн встаёт и говорит: — Было очень вкусно, Бренда. — Затем он скрывается в своём кабинете, а все остальные принимаются за посуду.

В половине девятого — звонок в дверь. Это пришли Тед и Рубен. Джейн впускает их. Они ждут в прихожей, потирая руки. От их дыхания идёт пар. Когда мы надеваем куртки, и вчетвером уходим, Бренда кричит нам в след: — Застегнитесь... на улице очень холодно!

Во дворе Тед достаёт бутылку водки, спрятанную за деревом. — Решил, что не стоит тащить её в дом.

— Мудрый подход, — говорит Джейн.

Тед открывает бутылку, и пока мы идём, она переходит из рук в руки. Я не любитель выпивки и делаю всего один глоток, от которого обжигает горло и пищевод. Рубен делает пару глотков и говорит: — Терпеть не могу эту дрянь, хоть она и согревает.

Я держу руки в карманах. У меня такое чувство, что если я их вытащу, Рубен захочет взять меня за руку. Не то чтобы он мне не нравился. По-моему, он нормальный парень. Но я не хочу, чтобы он ко мне прикасался.

Тед обнимает Джейн за плечи; они выпивают и целуются. Когда в следующий раз Тед протягивает бутылку нам, Рубен качает головой и говорит, что с нас хватит.

Мы двигаем в центр, так как идти больше некуда. Уже поздно

и всё закрыто, кроме «Пицца Хат» и кинотеатра. На последний сеанс мы опоздали, он начался ещё в восемь пятнадцать. К тому же я видела этот фильм два года назад, он скучный. Парни проголодались, так что мы заходим в „Пицца Хат“ и выбираем самую крайнюю кабинку. Ребята пересчитывают деньги. На двоих у них восемь долларов шестьдесят четыре цента. Они решают взять среднюю пиццу с двойным сыром и колбасой. Мы заказываем бутылку колы, и после того как официантка приносит её, Тед достаёт бутылку водки из кармана куртки и плещет по паре порций себе и Джейн в колу.

Джейн раскраснелась и хохочет так, что её слюни разлетаются во все стороны. Мне неприятно видеть своих друзей пьяными. Ленайя как-то рассказывала мне, что выпивка даёт чувство раскованности. Но мне не нравятся пьяные застолья, а в особенности отходняк после них. Однажды я до тошноты напилась пива, и теперь у меня к нему отвращение.

Когда мы выходим на улицу, Джейн начинает петь и кружиться на парковке, широко раскинув руки, словно дервиш. Я не могу поверить, что это моя застенчивая, невинная и напуганная всем миром подруга Джейн.

— Я уже задубел, — говорит Тед. — Давайте погреемся в машине.

— В какой? — спрашиваю.

— Да в любой, — говорит Тед, оглядывая парковку. — Все сейчас в кино. Они не выйдут раньше половины одиннадцатого. — Он переходит от машины к машине, дергая ручки дверей, и с пятой попытки находит незапертую. Это полноприводная синяя Субару. Тед с Джейн забираются на заднее сиденье, оставляя передние нам с Рубеном. Мне это не нравится. В любую минуту может появиться владелец машины, и что тогда? Нас могут арестовать, вызовут родителей. Уолтер и Битси мне потом до конца жизни это припоминать будут.

— Не могу дождаться, когда начнутся водительские курсы, — говорит Рубен. — Мотаться по городу автостопом — ещё тот

геморрой. Я живу чёрт знает где, на Барранке. — Он потирает руки. — Жаль, что нет ключа в замке зажигания... могли бы печку включить.

— Согревайтесь трением тел! — выкрикивает Тед с заднего сиденья, и они с Джейн заходятся в истерическом смехе; затем Тед открывает окно и выбрасывает пустую бутылку из-под водки прямо на парковку и раздаётся звон бьющегося стекла.

Джейн и Тед вовсю обжимаются. Слушая их стоны, и вздохи я не могу отделаться от мысли, что для человека без опыта Джейн, похоже, не испытывает особых трудностей.

Мы с Рубеном сидим как зомби, прилипшие к сиденьям, и не только из-за холода. Мы пялимся куда-то вдаль — ни разговоров, ни прикосновений, мы даже не смотрим друг на друга. Я знаю, что он, также как и я, хотел бы оказаться где-нибудь в другом месте. Нам обоим не по себе, но мы не знаем, как выбраться из этой ситуации. Чтобы не слышать всё это, я пытаюсь сосредоточиться на своих мыслях о каньоне. И тут Джейн начинает всхлипывать: — Мне что-то нехорошо... я чувствую себя как-то... как-то...

— Выпустите её... дайте выйти... — нервно кричит Тед. Рубен и я распахиваем двери. Джейн вовремя выбирается из машины и её тошнит прямо на заднюю часть Субару.

Мы с Рубеном облегчённо вздохнули. Впервые за весь вечер мы смотрим друг на друга и улыбаемся. Теперь у нас есть повод разойтись по домам. Но Джейн совсем никакая, так что нам приходится практически тащить её на себе. Когда мы доходим до её дома, я прощаюсь с парнями. Теперь я настроена к Рубену более дружелюбно, ведь он не пытался клеиться ко мне в машине.

— До понедельника, — говорит он.

— Да. До понедельника, — отвечаю я.

Машины Говарда нет, входная дверь не заперта, и я медленно открываю её. Совершенно растерянная, я пытаюсь придумать, что сказать родителям Джейн, прокручивая в голове разные варианты. «*Джейн плохо себя чувствует*, — объясню я. — *Она*

съела пиццу в городе, и для неё это оказалось чересчур после вашего чудесного ужина, миссис Альбертсон. На самом деле, её стошнило прямо на парковке. Конечно, может быть, она подхватила грипп. Сейчас в школе многие болеют».

А что, если её мать почует запах перегара и скажет: *«Ну, ты и лгунья, Дэйви Векслер. Ты плохо влияешь на нашу девочку. Нам вообще не следовало разрешать ей приглашать тебя с ночёвкой».*

В доме очень тихо. Я, затаив дыхание, умудряюсь затащить Джейн наверх, в её комнату, так что родители ничего не замечают. Я вспоминаю, что сегодня субботний вечер. Её мать с отцом, наверное, заперлись в спальне и занимаются любовью. Или, может, пока нас не было, они кончили и теперь спят. Я больше не хочу думать о сексе. Хватило и того, что я наслушалась Теда с Джейн.

Я раздеваю её до рубашки и трусиков, укрываю её одеялом, а затем забираюсь в спальник, который её мать приготовила для меня. Я быстро засыпаю, и мне снится Вульф. Мы с ним вдвоём в нашей пещере.

Он мне снится так уже не первый раз.

XXII

На следующее утро, в половину восьмого, кто-то стучит к нам в дверь. — Подъём! — слышен голос мамы Джейн. — Пора завтракать. К девяти мы должны быть в церкви.

Джейн со стоном переворачивается на бок, затем садится и говорит: — О Боже… уже воскресенье. — Она обхватывает голову руками. — Как же мне плохо! Кажется, я умираю. Или я умерла ещё вчера? Что вообще было?

— Ты что не помнишь? — удивляюсь я.

— Помню, как ела пиццу… и пила водку…

— А машину… помнишь машину?

— Какую ещё машину?

— На автостоянке.

— Нет.

— Ты была с Тедом на заднем сиденье.

— Не-а.

— А затем тебя стошнило.

— Чё, правда?

— Перестань, Джейн. Ты же должна помнить.

— Не-а, — говорит она и мотает головой. — Не помню.

И тут до меня дошло. Джейн думает, что у неё никак не складывается с парнями. Но на самом-то деле опыта у неё предостаточно. Просто она ничего не помнит.

— Не надо было пить.

— Всего-то… немного перебрала.

— Вообще не бухай, если не знаешь меры.

— Когда выпью, я расслабляюсь и уже не стесняюсь парней. Мне становится так хорошо.

— События вчерашнего вечера, открыли мне на это глаза.

— Я рассказываю так, как есть, — Джейн встаёт с кровати. — Надо бы душ принять. А ты поедешь с нами в церковь?

— Не думаю, — отвечаю я.

— Пожалуйста, Дэйви. Мне дурно от одной только мысли, что всё утро проведу наедине с родителями.

Я молчу.

— По-дружески. — умоляет Джейн. — Мы же подружки.

— Ну, ладно, — отвечаю я.

— Спасибочки. Я этого не забуду.

Джейн помчалась по коридору в ванную, а я начинаю одеваться, недоумевая, почему я так на неё злюсь. Может, из-за выпивки? Нет, не думаю. Из-за чего же тогда? Из-за поцелуев на заднем сиденье? Вполне возможно. Но почему? Может быть, мне тоже хотелось хоть с кем-то пообжиматься? Может я хотела снова почувствовать крепкие объятия? Неужели всё дело в этом?

Столько церквей, как в Лос-Аламосе, я не видела больше нигде. Они тут практически на каждом углу. Не знаю, то ли учёные молятся больше других, то ли ещё что. Может, у них больше чувства вины и страха. Я как-то читала в журнале *«Тайм»* статью о том, что религия основана на этом. Но я бы так не сказала. Оба моих родителя — наполовину евреи. Было время, мы ходили в Унитарианскую общину в Атлантик-Сити, а потом попробовали посещать Храм Синай. Теперь мы никуда не ходим.

Днём я отправляюсь в каньон в надежде встретить Вульфа. На улице холодно и пасмурно. Я жду два часа, но он не появляется, и я медленно еду домой со слезами на глазах и с тем же возникшим ещё вчера вечером чувством пустоты, от которого я никак не могу избавиться.

XXIII

— Как думаешь, мы поедем домой на Рождество? — спрашиваю я маму. Она лежит в постели и читает, потом откладывает книгу в сторону, чтобы немного подвинуться и освободить для меня место. Я растягиваюсь рядом с ней, рассматриваю свои ногти и принимаюсь сдирать этот мерзкий фиолетовый лак.

— Мне казалось, ты всё поняла. — говорит мама.

— Что поняла?

— Мы здесь на весь учебный год.

— Только ни это! — говорю я, резко вскакивая с кровати. — Ты же никогда об этом не говорила. Даже не упоминала.

— Дэйви, мы не можем вернуться.

— Ты о чём… как это, мы не можем вернуться? — и тот лак, что я содрала с ногтей, рассыпается по полу, как крошечные увядшие лепестки цветов.

— Сейчас это невозможно, — объясняет мама. — Я не готова. Во многом ещё предстоит разобраться. Я только начинаю постепенно приходить в себя. Потребуется немало времени.

— Почему ты промолчала? — возмущаюсь я. — Я всё время думала, что мы вернёмся к Рождеству.

— Нет, милая. Это было бы самое неподходящее время для возвращения домой. Неужели не понимаешь? Тем более, что вы уже ходите тут в школу. Нет смысла срываться среди учебного года. Место-то здесь хорошее. И Джейсону оно нравится. Тебе разве нет?

— Не знаю. Что-то нравиться, а что-то нет. Но я никогда не думала, что мы останемся. Никогда.

— Вообще-то я тоже не думала оставаться, — откровенничает мама, — но Битси с Уолтером нам здóрово помогают и хотят, чтобы мы остались.

— А мне обязательно нужно есть хлопья с отрубями?

Мама смеётся.

— Неужели это так важно?

— Это для твоего же блага.

Я наклоняюсь и собираю с пола, складывая в ладошку крошечные кусочки лака.

— Ну, раз уж мы остаёмся, тогда я хочу научиться кататься на лыжах. Все только и говорят о лыжном сезоне. Если выпадет достаточно снега, горнолыжную базу откроют ещё до Рождества.

— Обсудим это с Уолтером и Битси, — предлагает мама. — Хорошо?

Когда мы заводим разговор на лыжную тему, Уолтер реагирует протестующе: — Об этом не может быть и речи.

— Но ведь все же катаются, — отвечаю я ему.

— Это преувеличение, — настаивает Уолтер.

— Ну, может и не все. Вы с Битси не катаетесь… а вот в семье Джейн все катаются, кроме её мамы.

— Я не собираюсь об этом спорить, Дэйви, — не отступает Уолтер. — Решение принято и сейчас я изложу тебе свои доводы. Во-первых это опасно. Во-вторых — дорого. В-третьих, это переоценённый, модный вид спорта. Вместо этого можно сходить на каток. У нас есть отличный пруд, который скоро замёрзнет, и на нём можно будет кататься.

— Но я уже умею кататься на коньках, — говорю я ему.

— Вот и хорошо. Значит, вопрос решён.

— Ты не понимаешь, — возмущаюсь я.

— Ты говоришь нам это каждый раз, когда мы отвечаем не так, как бы тебе хотелось.

Я в расстроенных чувствах и до меня не сразу доходит, что только что сказал Уолтер. Он искажает слова и сбивает меня с толку. Его невозможно одолеть в споре, и я раздражённо выкрикиваю: — Ну и чёрт с ними!..

На это Уолтер спокойно отвечает: — Давай поговорим без

эмоций, придерживаясь простейшей логики.

Я ищу поддержку и перевожу взгляд на маму.

— Я уверенна, Уолтер знает о лыжах больше, чем мы, Дэйви, — говорит она.

— Но он на них не катается.

— Может и не катается, — уверяет меня мама, — но знает *всё-таки* больше.

— К тому же, — говорит Битси, — мы знаем одну семью: их дочь состояла в лыжной команде. При спуске она влетела в дерево, ударившись головой. Теперь она превратилась в овощ и находится в больнице Альбукерке. Они навещают её каждое воскресенье, но она их не узнаёт. Ты ведь не хочешь стать овощем, правда?

— Каким овощем? — недоумевает Джейсон.

— Ей, наверное, повезло больше, чем мне. — снова выкрикиваю я. — Ей не приходится жить в этом доме.

— Вот те на! С домом-то что не так? — поражается Битси.

— Так что это за овощ? — допытывается Джейсон.

— Репа! — ляпнув ему в ответ, я вылетаю из комнаты.

— Чё, серьёзно? — переспрашивает Джейсон. — Репа?

XXIV

Каждую неделю я с нетерпением жду дежурство, особенно встречи с мистером Ортисом. Он единственный пациент, который лежит в больнице с самого моего первого дня здесь. Мы подружились. Но мне тяжело видеть, как он теряет силы. С каждой неделей ситуация всё хуже: щёки впали, а тело будто увядает на глазах. На прошлой неделе я увидела его без зубного протеза, и он показался мне глубоким стариком, хотя из медкарты я знаю, что ему всего пятьдесят семь. Несмотря ни на что, он сохраняет бодрость духа. Не понимаю, как человек, который так болен и так близок к смерти, может до сих пор радоваться тем крохам жизни, что у него остались.

Мистеру Ортису нравится слушать о школе, и он решил, что мне стоит записаться в команду по плаванию. Я уже раз десять объясняла, что не умею нырять и почти никогда не плаваю с погружённым в воду лицом, но он говорит, что я научусь — мол, у меня фигура пловца. Он жалеет, что сам так и не научился плавать, зато его сын — звезда школьной команды, и три года мистер Ортис не пропускал ни одного соревнования. Я обещаю ему, что подумаю насчёт плавания, но на самом деле мне больше хочется попробовать себя в школьном спектакле. Это будет мюзикл «Оклахома!». Сценарий и ноты уже можно взять в театральном отделе, хотя до проб ещё несколько месяцев. Сомневаюсь, что у десятиклассницы есть шансы на главную роль, но хор есть всегда — было бы здóрово снова запеть, и на этот раз не только в дýше.

Когда я на смене, я оставляю палату мистера Ортиса напоследок, чтобы провести с ним побольше времени. Сегодня, когда я шла по коридору и увидела, что его дверь закрыта, у меня чуть сердце не оборвалось. Я постоянно твержу себе, что должна быть готова к его смерти. Но у меня не получается.

Я тихонько стучусь в дверь, затем открываю её и чувствую огромное облегчение, когда вижу мистера Ортиса, лежащего в своей постели. — Заходи, — тихо говорит он, увидев, что это я. — Подойди, познакомься с моим сыном.

Я оглядываю комнату. Его сын стоит ко мне спиной, упершись руками в подоконник.

— Мартин, — говорит мистер Ортис, — это Дэйви.

Мартин оборачивается. И я не верю своим глазам! Это Вульф.

Мы стоим и пялимся друг на друга. Наконец он говорит «привет» — так, будто мы никогда раньше и не виделись.

Я тоже пытаюсь поздороваться, но голос срывается. Я кашляю, дважды прочищаю горло и повторяю: — Привет.

— Мартин был капитаном команды по плаванию, — говорит мистер Ортис, — и вторым капитаном футбольной команды, а ещё он лауреат национальной стипендии за заслуги, финалист конкурса научных работ Вестингауз и…

— Да брось, пап, — нежно обращается к нему Вульф. Избегая моего взгляда, он смотрит вниз, опустив голову, и его волосы спадают ему на лицо.

— Он не любит говорить о себе, — произносит мистер Ортис.

Как будто я этого не знаю.

— Ещё он получил полную стипендию в Калифорнийском технологическом институте, — продолжает мистер Ортис. — Он на третьем курсе и будет блестящим физиком…

— Слушай пап, — прерывает его Вульф. — Может, хватит? Наконец он смотрит прямо на меня, будто хочет сказать: — *Не слушай всю эту чушь. Это не про меня.* — Ему неловко из-за восторженной тирады отца, но и обижать его чувств он не хочет. Мне хочется сказать ему, что всё в порядке. Что я понимаю.

— Тебе следует гордиться собой, — говорит ему мистер Ортис. — Посмотри, сколько всего ты добился в жизни, а тебе всего двадцать лет. — Мистер Ортис закрывает глаза. Столь долгий разговор утомил его. Когда он снова их открывает, голос звучит слабее, и я вынуждена подойти ближе, чтобы расслышать

его слова. — Как думаешь… мне повезло с сыном?

— Да, — отвечаю я.

— И он к тому же ещё и красавец.

Я киваю.

— Однажды у него будет важная должность в Лаборатории. Руководитель группы… начальник отдела… а может быть даже Директор.

— Там будет видно, папа, — говорит Вульф. — Посмотрим.

Мистер Ортис протягивает танцующего медвежонка Вульфу. — Заведи его, — просит он. — Ей нравиться смотреть, как он танцует.

Вульф заводит его и ставит на тумбочку. Медвежонок кружится в танце, его движения постепенно замедляются, завод заканчивается, и он замирает. — Совсем как мистер Ортис, — думаю я.

Он закрывает глаза и шепчет: — Мне нужно отдохнуть.

Вульф целует его в щёку и говорит: — До вечера, пап.

Мы вместе выходим из палаты и молча идём по коридору. Подойдя к лифту, я жму на кнопку вызова.

— Не ожидала меня здесь увидеть? — спрашивает Вульф.

Это ещё слабо сказано. — Да, — подтверждаю я. — Не ожидала. А ты сам разве не удивлён встрече со мной?

— Конечно, удивлён.

— Как так могло получиться, что раньше мы здесь ни разу так и не встретились? — поражаюсь я.

— Я работал в Лаборатории после обеда. Взял академический отпуск на этот семестр, чтобы побыть с отцом. Обычно я прихожу сюда по ночам.

Двери лифта открываются, и мы заходим внутрь. Сбоку стоят две медсестры и врач.

— Домой подвезти? — предлагает Вульф.

— Пойду, только вещи заберу.

— Я подожду на улице.

— Ладно,… я на минутку.

Я хватаю свою куртку и книги из шкафчика в офисе для волонтёров и мчусь по коридору. Тем временем Джейн уже оделась и ждёт меня у выхода.

— Меня подвезут, — говорю ей и проталкиваюсь сквозь вращающуюся дверь. Джейн следует за мной. На улице, в побитом пикапе Тойота, ждёт Вульф. Он сигналит. Я машу рукой.

— До завтра, — говорю я Джейн. У неё растерянный и обиженный вид. Я её не виню, но объясняться мне сейчас некогда.

Я сажусь в грузовик Вульфа, и мы уезжаем. — Я живу в западном районе, — объясняю я, — всего в паре кварталов отсюда… на Сорок пятой улице.

Вульф кивает. Он знает город, как свои пять пальцев.

— Не знала, что ты собираешься стать физиком, — говорю я, глядя в сторону.

— Я и сам не знаю, хочу ли, — отвечает Вульф.

— Но твой отец сказал…

— Это *его* желание.

— С тебя будет толк.

Вульф смеётся.

Я снимаю шапку и ложу её себе на колени. — Что значит, по-твоему, — «это *его* желание»?

— То и значит. Он всё уже решил за меня.

Я думаю о мистере Ортисе — о том, как он решил, что мне нужно пойти в команду по плаванию, даже не спросив, интересно ли мне это. Думаю о родителях Джейн: её отец хочет, чтобы она поступила в Массачусетский технологический, а мать — в Уэллсли. Думаю о Уолтере и о том, как он заставляет меня поступать в колледж, не интересуясь тем, что важно лично для меня. Я киваю Вульфу и понимаю, о чём он. — А чего хочешь *ты*? — спрашиваю я.

— Это главный вопрос, Тайгер, — говорит он. — И у меня пока нет на него ответа.

— А вот и мой дом, — говорю я, и Вульф притормаживает.

Он глушит двигатель и смотрит на меня. — Твой отец умер от рака? По этой причине ты так привязана к моему?

— Нет, — отвечаю я. — Мой отец… — Я колеблюсь, говорить ли ему правду. Но потом всё же решаюсь. — Мой отец умер внезапно.

— В любом случае это тяжело, — говорит он.

— Да.

Он кладёт голову на сложенные на руле руки. Я наклоняюсь и, прикасаясь к нему спрашиваю: — Мы увидимся в каньоне на выходных?

— Нет, я сейчас всё время провожу с отцом.

Я киваю. — Тогда до следующей недели. В больнице.

Он не отвечает, и, даже произнося это, я понимаю: к следующей неделе всё может быть кончено. К тому времени мистер Ортис может умереть. Я открываю дверь, чтобы выйти из машины.

Вульф выпрямляется и говорит: — Прощай, Тайгер.

Я снова киваю. Я знаю: если сейчас попытаюсь заговорить, то расплáчусь. Я вылезаю из грузовика и бегу в дом.

На следующий день Джейн спрашивает: — А кто это был в грузовике?

— Друг.

— Я понимаю. Но кто именно?

— Сын мистера Ортиса.

— Симпатичный.

— Да при чём тут симпатичный! — резко отвечаю я.

Джейн покраснела, и на её глазах выступили слёзы.

Я разворачиваюсь и ухожу, чувствуя себя последней гадиной.

В тот же вечер я позвонила ей и попросила прощения.

— Я не понимаю, что с тобой происходит, Дэйви.

— Ничего. Просто тяжело смотреть на то, как умирает мистер Ортис… вот и всё.

— Нам не положено вступать в эмоциональную близость с пациентами.

— Я знаю,... но я человек... и ничего не могу с этим поделать.

Повисла долгая пауза. Наконец Джейн говорит: — Слушай, мы в субботу собираемся в Санта-Фе, нужно успеть докупить кое-что к Рождеству. Хочешь с нами?

— Конечно, — отвечаю я. — С удовольствием.

*

На следующий день вечером за ужином мама сообщает: — Я серьёзно подумываю о поиске работы после Рождества. Хотя бы на полставки.

— Есть одна халтура, — подсказывает Уолтер, добавляя в запечённый картофель масло.

— Что ещё за халтура? — недоумеваю я.

— Мы так называем в Лаборатории подработку, — объясняет Уолтер. — Думаю, что смогу помочь, — говорит он маме. — У меня есть свои связи.

— Было бы замечательно, — восторгается мама. — Я должна снова войти в режим. Мне необходимо куда-нибудь ходить каждое утро. Хоть будет какой-то повод, чтобы встать с постели.

— А я встаю, когда хочу пи́сать, — встряёт Джейсон.

— За столом не надо, — пресекает его Битси.

— Нет. Не за столом, — объясняет Джейсон. — В туалете.

Я начинаю смеяться. И уж если я разошлась, меня не остановить. Я смеюсь до тех пор, пока в боку не кольнёт.

XXV

Я в восторге от Санта-Фе, от его кипящей уличной жизни! Только теперь я осознаю, как соскучилась по Атлантик-Сити. Бывало, пойдёшь на Променад и с таким увлечением наблюдаешь за прохожими. В Лос-Аламосе смотреть не на кого, кроме домохозяек в супермаркете, но и они какие-то однообразные, наводящие скуку. В Санта-Фе же народ разношёрстный, туристы вперемешку с местными: здесь и испанцы, и англичане, и коренные американцы — все вместе.

Мы гуляем по центральной площади города, которая называется Плаза, любуясь витринами магазинов и праздничными украшениями. Эта часть Санта-Фе скорее похожа на деревню, чем на город. Она напоминает мне книгу «Рождество в других странах», которую мы проходили в четвёртом классе. У меня складывается такое впечатление, будто я и впрямь оказалась в чужом краю. Я вижу витрину, полную пиньят[1]. Мне хочется купить одну для всей семьи, но когда я захожу в магазин и спрашиваю цену, оказывается, что они слишком дорогие.

Дворец губернаторов был построен ещё в 1609 году, рассказывает мне Джейн. Под его навесом сидят группы индейцев, разложив свой товар на яркие коврики. Здесь и изящные серьги, и ожерелья из серебра с бирюзой, бусы-хейши, и массивные серебряные браслеты и кольца. Мне хочется купить что-нибудь для мамы. Я перехожу от одного коврика к другому, любуясь всем подряд, и наконец останавливаю свой выбор на серьгах. Они сто́ят десять долларов — это больше, чем я могу себе позволить, но всё же покупаю их, потому что они очень красивые.

[1]Пинья́та (исп. *Piñata*) — полая игрушка-аттракцион, изготовляемая из папье-маше, обёрточной бумаги или плёнки с орнаментом и украшениями, и может быть ввиде животного (обычно лошади) или геометрической фигуры. Внутри пиньята наполняется различными сюрпризами для детей (конфеты, хлопушки, небольшие игрушки, конфетти́, орехи и т. п.).

Прогуливаясь по окрестностям, мы заходим во Французскую кондитерскую, которая находится рядом с гостиницей Ла Фонда, и заказываем абрикосовые тарталетки и фиточай. После десерта Джейн спрашивает у родителей, можно ли нам вдвоём прогуляться по магазинам.

— Да, но будьте осторожны, — предупреждает нас её мама. — Не сворачивайте на боковые улочки и не разговаривайте с незнакомцами.

Выйдя из кондитерской, семья Альбертсонов уходит в сторону гостиницы, а мы с Джейн идём в другую, поднимаясь по Пáлас-авеню. Навстречу нам выходит группа мальчишек, и Джейн вцепляется мне в руку.

— Ты чего? — спрашиваю я.

— Вон испанцы, — шепчет она и дрожит от страха.

— Ну и что?

— Не смотри на них. Отвернись. Смотри в другую сторону.

— Джейн… — одёрнув её, я начинаю смеяться.

— А тебе известно, какой в этом городе уровень статистики по изнасилованиям, — еле слышно говорит она.

— Нет, — без интереса отвечаю я.

— Высокий.

— Никто тебя не тронет среди бела дня, да ещё и в центре города.

— Ты слишком самоуверенна.

Мальчишки проходят мимо нас.

— Видишь, — волнуется Джейн. — Я же говорила.

— Что?

— Ты не слышала?

— А что я должна была услышать?

— Они что-то вякнули.

— Не правда, — говорю ей. — Я ничего такого не слышала. Мне кажется, они даже не заметили нас.

— Они все одинаковые, — не перестаёт Джейн. — Они только и думают о том, как бы изнасиловать белых девушек.

— Джейн, такого безумия я ещё не слышала! — Мы останавливаемся и смотрим друг на друга.

— Ты здесь человек новый, — парирует она. — Ты ничего не понимаешь.

Я вспоминаю о Вульфе и мысленно отвечаю ей: *«Нет, это ты не понимаешь».*

Мы заходим в книжный магазин «Виллагра», где я нахожу книгу в мягком переплёте под названием «*Забавная информатика*». Я тут же вспоминаю про Уолтера и про его увлечение компьютерами. Ему бы не помешало немного развлечься, и я покупаю эту книгу для него.

В лавке чуть дальше по улице я выбираю кожаный мешочек для Джейсона. Когда мы вернёмся домой, он сможет хранить в нём шарики, найденные камешки или ракушки. Я знаю, что он ему понравится.

В забавном магазинчике с названием «Дудлетс», битком набитом подарками с кошачьими мотивами, я покупаю для Битси прихватку с мордочкой кота и набор игрушек с кошачьей мятой для Минки. Я беру два рулона обёрточной бумаги с изображениями котов и, пока Джейн занята поисками подарков для своей семьи, покупаю ей игрушечного котика. На этом с покупками всё. Я довольна. Правда финансово я почти на нуле, но, может, на праздниках смогу найти подработку няней. И тут я вижу свечу. Она круглая, с пятью фитилями, и на ней изображён закат в Нью-Мексико. Думаю, отец был бы от неё в восторге. Он коллекционировал необычные свечи и ждал особого случая, чтобы их зажечь.

— Желаете купить? — спрашивает продавец. — Она стоит всего лишь три доллара и девяносто пять центов.

— Да, — отвечаю я, — но мне тогда придётся вернуть один рулон.

— Ладно, — говорит она. — Я скину вам два пятьдесят за бумагу. — Я беру кошелёк и достаю из него последние два доллара. Продавец заворачивает свечу в тонкую обёрточную

бумагу, и я кладу её в сумку.

О моём подарке папе я не расскажу никому. Ведь им этого не понять.

Потом мы с Джейн идём в ресторан Стейк-смит, где нам назначена встреча и нас уже ждут на ужин её родители. А когда мы выходим из ресторана, фаролитос, расположенные на плоских крышах зданий в центре, уже зажжены. Эти коричневые бумажные пакетики с песком внутри, в который вставляются свечи — традиционное рождественское украшение в Нью-Мексико. Озарённая мягким светом площадь Плаза выглядит сказочно.

Родители Джейн идут, взявшись за руки. Сегодня они напоминают мне моих папу и маму — таких же счастливых и любящих. На глаза наворачиваются слёзы. Должно быть, для моей мамы это очень тяжёлое время года, думаю я. Встречать праздники без папы.

Когда мы возвращаемся к машине, видим, что кто-то написáл на капоте маркером: *«Лос-Аламос — дерьмо!»*.

Альбертсоны ничего не говорят. Но по их взглядам я понимаю, что такое случается не впервые.

— Как они узнали, что мы из Лос-Аламоса? — спрашиваю я у Джейн.

— Наклейка ЛАНЛ[2], — говорит она.

— Ах да, точно. Я и забыла. — У каждой машины, имеющей право на парковку при Лаборатории, на лобовом стекле есть идентификационная наклейка.

Меня злит эта взаимная ненависть. Я её не понимаю. Может быть, всему виной страх?

Прекрасное настроение испорчено. Мы уезжаем домой и в дороге я засыпаю.

[2]Лос-Аламосская национальная лаборатория (LASL)

XXVI

Утром на Рождество Битси приносит менору. — Она принадлежала вашей прабабушке, — говорит она нам с Джейсоном. Хотя Ханука в этом году была раньше, мы зажигаем все восемь свечей и читаем ханукальное благословение. Затем мы идём в гостиную и открываем подарки, лежащие под ёлкой. Мне кажется, это здóрово — праздновать оба праздника. Если у меня когда-нибудь будут дети, я буду делать так же.

Наше Рождество проходит тихо и грустно, хотя каждый из нас притворяется счастливым, притворяется, что рад подаркам. В глубине души мы все думаем об одном и том же. Это наше первое Рождество без папы. Но мы об этом не говорим.

Битси и Уолтер пригласили гостей на рождественский ужин. Двоих мужчин из лаборатории — оба они разведены и одиноки, незамужнюю женщину, с которой они знакомы уже много лет, и молодую воспитательницу детского сада, которая ходит в вечернюю группу Битси по вторникам. Я думаю, это хорошо, что Битси и Уолтер позвали этих людей, даже несмотря на то, что воспитательница пьёт слишком много вина и ведёт себя глупо, а один из разведённых мужчин пялится на маму, хоть мне это и не нравится.

В тот вечер, когда гости разошлись, а посуда была вымыта, вытерта и убрана на место, я иду в свою комнату и достаю из сундука подарок для отца. — Папочка… это тебе. — Я зажигаю все пять фитилей свечи и смотрю, как исчезает закат Нью-Мексико. — Счастливого Рождества, папуличка. Как бы я хотела, чтобы ты был здесь. — Через пятнадцать минут ничего не остаётся. Совсем ничего, кроме лужицы воска.

На следующий день пошёл снег. Я сижу перед большим окном в гостиной и смотрю, как падают снежинки. От моего дыхания стекло покрывается инеем.

XXVII

Мистер Ортис в коме. Скорее всего, он уже никогда из неё не выйдет. Вульф сидит у его кровати с раскрытой книгой на коленях. Но он не читает. Он ни разу не перелистнул страницу. Я спрашиваю, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Кола была бы кстати, — говорит он.

Я приношу ему банку Колы из автомата.

Дежурные медсёстры уверяют меня, что мистер Ортис не чувствует боли. И что скоро всё будет кончено.

Тем вечером Вульф подвозит меня домой. — Я буду скучать по тебе, Тайгер, — говорит он.

— В смысле? — спрашиваю я. — Ты что, уезжаешь?

— Да.

— Прямо сейчас?

— Нет. Но скоро. После…

— Мы ещё увидимся?

— Да.

— Когда?

Он немного подумал, затем ответил: — *Cuando los lagartijos corren*[3].

— И что это значит?

— Поищи в словаре, — улыбнувшись, говорит он. Я впервые за долгое время вижу его улыбающимся.

— Я буду тоже скучать по тебе.

Он обнимает меня, и мы больше не говорим. Крепко прижимая меня к себе, он поглаживает мои волосы, а я прислоняюсь щекой к жёсткой шерсти его свитера.

— И кто это был? — спрашивает Битси, когда я вхожу в дом.

[3]Когда бегают ящерицы.

— Где был?

— Там… в грузовике… только что…

— А, это мой друг. — Мне не терпится поскорее подняться в свою комнату. Я хочу записать то, что Вульф только что сказал мне, пока не забыла.

— Какой друг? — допытывается Битси.

— Ты его не знаешь.

— А может и знаю.

— Его зовут Мартин Ортис, — отвечаю я, направляясь к лестнице.

— Ортис? — переспрашивает Битси и идёт за мной следом.

— Да.

— Он учится с тобой в одной школе?

— Уже не учится.

— Его исключили?

— Я этого не говорила.

— Ну, так расскажи мне о нём, Дэйви,… чтобы не играть в угадайку.

— Это ты играешь, не я.

Битси глубоко вздыхает. — Он испанец?

— Думаю, да.

— Думаешь?

— Я у него не спрашивала.

— А откуда он? Из Эспаньолы[4]?

— Нет, он местный. Живёт здесь в Лос-Аламосе.

— Правда?

— Да. И работает в Лаборатории.

— И кто он там… слесарь?

Мне смешно. Я едва сдерживаюсь, и мне хочется сказать: — *Нет. Дворник,* — чтобы глянуть на её реакцию. Но так как я девочка вежливая, то отвечаю иначе: — Его отец сейчас лежит в больнице. Сам он учится в Калифорнийском технологическом, но

[4] Española — это город в Нью-Мексико, расположенный недалеко от Лос-Аламоса.

взял академический отпуск на этот семестр.

— Ну, вот, — успокоившись, говорит Битси. — Так бы и раньше.

В недоумении я развожу руками и убегаю по лестнице в свою комнату, достаю свой блокнот и пишу: *"Quando los lagartihose koren"*. Я знаю, что написала с ошибками, но по крайней мере так я это запомню. Завтра в школе в классе испанского языка я спрошу у кого-нибудь из учителей, что это значит.

— C*uando los lagartijos corren*, — говорит мистер Вальдес, записывая это в мой блокнот.

— Ой, — говорю я, смущённая своими ошибками. — А что это значит?

— Это значит: «*когда бегают ящерицы*». Ты усматриваешь в этом какой-то смысл? — спрашивает он.

Я улыбаюсь и отвечаю утвердительно, потом пробую произнести сама: — *Cuando los lagartijos corren*.

— У тебя хороший слух, — замечает мистер Вальдес. — Тебе стоит учить испанский.

— Я собираюсь… в следующем году, — отвечаю я.

— *Cuando los lagartijos corren… когда бегают ящерицы,* — твержу я себе весь следующий урок геометрии. *Я увижусь с Вулфом весной, в каньоне.* Я повторяю это снова и снова про себя до тех пор, пока учительница не вызывает меня к доске начертить трапецию, а я понятия не имею, о чём она говорит.

Маму приняли на работу в Лабораторию. Там она ходит по группам и предоставляет необходимые услуги, — как школьный учитель на замене. Она печатает, подшивает документы и отвечает на звонки. И ей это нравится. По её словам, она снова чувствует себя полезной. Это придаёт ей ощущение смысла жизни. Я не собираюсь с ней спорить об этом, но я не понимаю, как печатание бумажек в Лаборатории может быть полезным или иметь хоть какое-то отношение к смыслу жизни. Мне кажется,

для неё было бы высшей целью, оставаться настоящей матерью для нас с Джейсоном.

В субботу утром во время завтрака я решаю поднять тему курсов вождения. Я думаю об этом с тех пор, как Рубен упомянул о них в машине в ту ночь, когда Джейн напилась. Объявление как раз только что вывесили на доске у школьной приёмной. Нужно записаться до первого февраля, чтобы попасть в весеннюю группу. Я раздаю рекламные листы маме, Битси и Уолтеру, попросив их почитать на досуге. Затем иду наверх убираться в своей комнате. Мне так сильно хочется водить машину. Будь у меня права, я могла бы ездить в Санта-Фе. Я могла бы наблюдать за людьми, ходить по магазинам, а главное — просто выбираться из этого города. От него веет смертной тоской.

Спустя час я складываю чистое бельё вместе с мамой, пока Джейсон и Битси пекут бисквит «пища ангелов». Уолтер сидит за столом, перед ним разложена целая куча бумаг. Он работает за своим мини-компьютером.

— Так что если я запишусь сейчас, у меня будет больше шансов попасть на курсы вождения этой весной, — произношу я спокойным голосом. Если я не буду выдавать своих чувств, мне будет проще иметь дело с Уолтером — а я знаю, что убедить мне нужно именно его.

— Пятнадцать лет — это слишком рано для курсов вождения, — говорит Уолтер, не отрывая взгляда от своего компьютера.

— В апреле мне будет шестнадцать.

— Просто нет никакой нужды торопить события, Дэйви, — заверяет Битси. Она разбивает несколько яиц, отделяя белки от желтков.

— Все мои ровесники записываются, — говорю я, складывая полотенце втрое. — Родители Джейн разрешили ей. — Я говорю спокойно и буднично, будто мне вообще всё равно.

— Когда будешь в выпускном классе... вот тогда и запишешься, — не оборачиваясь, говорит Уолтер.

— Но до этого ждать ещё два года. И как мне прикажете

передвигаться всё это время?

— Пешком, — говорит Уолтер. — Или на велосипеде. Ты же до сих пор как-то справлялась. А значит, сможешь немного подождать.

Я поворачиваюсь и обращаюсь к маме: — Мам, пожалуйста. Я правда очень хочу пойти на эти курсы. Для меня это очень важно. Тебе всего-то и нужно — подписать маленькую зелёную карточку.

Мама смотрит на меня, и мы впервые за многие месяцы встречаемся взглядами. И вот, когда она уже собирается что-то сказать, Уолтер произносит: — Статистика показывает, что несчастные случаи, особенно автомобильные аварии, являются основной причиной смерти среди молодежи.

— Зачем тебе эти неприятности? — добавляет Битси. Она заполняет форму для выпечки тестом, а Джейсон придерживает ей дверцу духовки.

— Мам… ну скажи же что-нибудь… а?

— Уолтер и Битси знают, как лучше, — говорит мама.

— С каких это пор? С каких это пор, хотелось бы мне знать! — теперь я уже выхожу из себя. Мне плевать на логику, на эмоции и на всё остальное. — Ты разучилась думать самостоятельно. Ты позволяешь им всё решать за тебя. — Я резко оборачиваюсь. Джейсон пьёт молоко и внимательно слушает. Я снова поворачиваюсь к матери и обвиняюще тычу в неё пальцем. — Ты становишься похожей на них... понимаешь? Точь-в-точь как они!

— Довольно! — кричит Уолтер, хлопая ладонью по столу.

— Нет, не довольно! — кричу я в ответ. — Мне тошно слушать о том, как всё вокруг опасно!

— Вождение автомобиля — *реально* опасно, — произносит мама.

— Ой, да хватит уже! — кричу я на маму. — Во всём усматриваете кругом одну опасность. Дэйви, в каньон не ходи — на тебя может упасть камень. Дэйви, не забудь одеть шлем — тебя может сбить машина. Нет, тебе нельзя учиться кататься на лыжах, Дэйви — а то ещё превратишься в овощ! — Теперь я ору

уже во всю глотку.

— Дэйви, милая… — говорит мама и тянется ко мне. Но я отстраняюсь.

— Некоторые, зажившиеся здесь, совсем забыли, каков на самом деле мир, — выкрикиваю я, — и сама мысль о нём пугает их до…

— А ну прекрати! Немедленно, — чеканит Уолтер, не дав мне договорить. Он произносит это медленно, придавая вес каждому слову.

— И это мне говорит тот, кто делает бомбы? — возмущаюсь я. — Ведь это ты придумываешь, как взорвать весь этот мир. Но при этом не даёшь мне пойти на курсы вождения. Ведь человек может погибнуть, просто переходя улицу. Его могут убить, когда он стоит за прилавком в собственном магазине. Ты об этом никогда не задумывался? — Я пинаю стену и выбегаю из комнаты. Я так горько плачу, что от надрывных рыданий у меня разболелось горло.

— С этой девчонкой мы ещё намучаемся, — слышу я бормотание Уолтера.

А потом говорит мама: — У неё сейчас трудный возраст.

XXVIII

Сегодня камерный ансамбль Уолтера даёт концерт у нас дома. Битси велит мне пойти переодеться и надеть юбку.

— Это ещё зачем? — спрашиваю я.

— Это торжественный концерт, — отвечает она. — Праздничное событие.

— Это не *мой* концерт, — говорю я ей. — И *для меня* это событие не праздничное.

Битси гневно топает ногой и сердито смотрит на меня.

— Ой, ладно, — говорю я. — Если это так важно, пойду надену.

Я взбегаю по лестнице, кипя от злости. Отчасти на Битси, отчасти на саму себя. Я не хочу грубить, но иногда просто не могу сдержаться. Битси и Уолтер твердят, что после того инцидента, произошедшего во время разговора о курсах вождения, я затаила на них обиду. Они говорят, раз уж я живу в их доме, то должна жить по их правилам. Может и так. Но это не значит, что они должны мне нравиться или что я обязана их принимать. Я надеваю юбку, которую мама подарила мне на Рождество. Она из синего дени́ма, многоярусная, и, если честно, она мне нравится. Я не была против того, чтобы пойти переодеться. Я бы и сама это сделала, без подсказки. Но сам факт того, что Битси мне *приказала*, заставил меня ощетиниться. Я надеваю юбку, ботинки и просторный белый свитер, на котором обнаруживаю кошачью шерсть и начинаю его вычищать. Должно быть, Минка спала в ящике со свитерами. Стоит мне забыть закрыть комод, как она тут же запрыгивает внутрь и устраивается как дома.

Раздаётся звонок в дверь. В этот момент в гостиной никого, кроме меня, и я иду открывать. Это пришёл Нед Гродзински, один из тех мужчин, что были у нас на рождественском ужине. Сегодня он подменяет женщину, которая обычно играет на скрипке.

— Привет, Дарби, — говорит Нед, заикаясь на букве «Д».

— Вообще-то я Дейви, — поправляю я. — Нед смахивает на «бота́на» с одного карикатурного плаката. Из кармана его рубашки торчат шесть ручек, а из-под коротких брюк выглядывают белые носки, волосы коротко подстрижены и прилизаны. К тому же именно он не сводил глаз с моей мамы на Рождество. Я совсем не в восторге от этой новой встречи.

К счастью, я недолго остаюсь с ним наедине. В дверь звонят чуть ли не каждую минуту, и вскоре дом наполняется гостями. Мы с Джейсоном устраиваемся на полу перед камином. Остальные рассаживаются на диванах и на стульях, принесённых из столовой, которые Битси выстроила рядами. Музыканты настраивают инструменты, и концерт начинается.

Уолтер играет на альте, женщина с длинной седой косой — на скрипке, бородатый лысый мужчина — на виолончели, а Нед исполняет партию второй скрипки.

Джейсон постоянно зевает. Каждый раз, когда я смотрю на него, тоже начинаю зевать, хотя сейчас всего восемь вечера и чувство усталости нас не одолевает. Есть что-то такое в камерной музыке, отчего клонит в сон. Может, поэтому её так и называют?

Когда концерт наконец таки заканчивается, все аплодируют. Битси подаёт кофе с тортом, и мы с Джейсоном наедаемся до отвала.

Битси наливает чашку Ботанику и говорит: — Нед, ты ещё помнишь нашу невестку, Гвен Векслер?

— Её невозможно забыть! — отвечает Нед, и на этот раз он ни капельки не заикается.

Мама пожимает ему руку и говорит: — Концерт был замечательным.

— Моя основная группа играет по пятницам, — говорит Нед маме.

Битси расплывается в улыбке, извиняется и отходит к другим гостям.

Я держусь поближе к маме.

— Не желаете нас как-нибудь послушать? — спрашивает её Нед.

— Когда? — уточняет мама.

— В эту пятницу… в следующую… через неделю…

— Ну… — говорит мама и нервно хихикает, хотя она никогда так не смеётся.

— Я в разводе, — заявляет Нед.

— Да, я знаю, — отвечает мама. — А я вдова.

Я просто в шоке от услышанного.

— Уолтер говорил мне, — произносит Нед, серьёзно кивая.

Джейсон что-то шепчет мне на ухо, но я отмахиваюсь от него. Я просто в бешенстве. Почему мама просто не скажет этому Ботану, чтобы он отвалил? Зачем она завела эту шарманку о *вдовстве*?

— Так значит, — говорит Нед, — как я слышал, вы теперь работаете в Лаборатории.

— Ну, я всего лишь временный сотрудник, — говорит мама. — А *вы* в каком отделе?

Она начинает говорить в такой же манере, как и они.

— Я в отделе «З». «З» значит «Здоровье».

«З» значит «зануда», — думаю я. — «З» значит «зараза». «З» значит «змеюка».

Теперь мама и Ботаник стоят молча и просто смотрят друг на друга. Я не понимаю, зачем она тратит время на разговоры с ним.

— Пообедаете со мной завтра? — наконец спрашивает Нед.

— Завтра? — повторяет мама.

Так бы и стукнула её за такое глупое поведение.

— Да, завтра, — говорит он. — Если откажетесь, я больше вас не потревожу. Даже не знаю с чего начать. Чувствую себя как-то неловко.

— Отлично, — думаю я. — Теперь просто откажи ему мама, и на этом всё закончится.

Но вместо этого мама говорит: — Я согласна.

— Здорово! — Нед так доволен, что улыбка не сходит с его

лица. — Вы уже знаете, где будете работать завтра?

— В отделе физиков.

— Я заеду за вами в полдень. У меня белый «Датсун», но он такой грязный, что кажется серым.

Мама хихикает: — Уверена, мы узнаем друг друга.

— Ну, тогда… до завтра.

— До встречи.

Позже, когда все разошлись, я иду в мамину комнату. Она стоит перед зеркалом, примеряя на себя красный свитер. — Что скажешь? — спрашивает она.

— Не понимаю, зачем ты согласилась с ним пообедать, — говорю я ей. — Он же такой зануда!

— Ой, да брось, милая… он приятный человек. Просто застенчивый, вот и всё.

— Поверить не могу, что ты идёшь на свидание.

— Это не свидание, — отвечает мама, убирая красный свитер. — Мы просто вместе пообедаем, только и всего.

— А я называю это свиданием, — настаиваю я.

— А я — нет, — аргументирует мама.

XXIX

Во вторник днём, добравшись до медицинского центра, я выбираю одну розу из цветочных композиций, доставленных мною пациенту, и иду с ней по коридору в палату мистера Ортиса. Но когда я прихожу, палата пуста. С кровати снято постельное бельё. Я бегу по коридору к дежурной медсестре и спрашиваю: — Мистер Ортис?

Медсестра качает головой: — Вчера вечером, — говорит она.

— Нет!

— Мне жаль, Дэйви. Мы все относились к нему так же, как и ты.

У меня перехватывает дыхание, и я так сильно сжимаю стебель розы, что шип впивается в кожу. Я вскрикиваю от боли в пальце и от боли из-за потери мистера Ортиса.

— Его сын просил передать тебе вот это, — говорит медсестра, открывая ящик стола. Она достаёт танцующего медвежонка, конверт и протягивает их мне. Я вскрываю конверт.

Тайгер,

Он хотел, чтобы медвежонок достался тебе. Помни его таким, каким он был — полным жизни и любви. Увидимся, cuando los lagartijos corren.

Вульф

Я вкладываю записку обратно в конверт, прижимаю танцующего медвежонка к лицу и начинаю рыдать. Сейчас я плачу сильнее, чем когда умер мой отец. Тогда я была словно в оцепенении. Теперь же я чувствую всё.

Я спускаюсь вниз в кабинет волонтёров и объясняю директору, что мне нужно пойти домой. Говорю, что у меня болит голова, и это правда. Она просто раскалывается. Директор

отпускает меня и велит принять аспирин. Она думает, что у меня, возможно, начинается грипп.

Я бегу всю дорогу, обливаясь потом в своём пуховике.

Когда я вхожу в дом, Джейсон стоит на кухне в фартуке.

— Что ты делаешь? — кричу я.

— А на что, по-твоему, это похоже?

— Ты зачем нацепил на себя этот конченый фартук?

— Чтобы не испачкаться, — отвечает он.

— А где мама?

— Она ещё не пришла.

— А Битси где?

— Ушла в Сэйфуэй. Нед придёт на ужин.

— Этот зануда!

— Он нормальный, — говорит Джейсон и продолжает вырезать из теста имбирных человечков.

— Боже, Джейсон… ты только посмотри на себя! — кричу я. — Ты что, собираешься вот так провести всю оставшуюся жизнь?

— О чём это ты?

— Да вот об этом… о твоём печенье. Не пойму, что с тобой происходит. Я не понимаю, что происходит с нами.

— А что не так? Мне нравится заниматься выпечкой.

— Я не *это* имею в виду! — Я поднимаюсь наверх, бросаюсь на кровать, завожу танцующего медвежонка и, свесившись с края постели, смотрю, как он кружится на полу. — Зачем я сорвалась на Джейсона? — спрашиваю я себя. — Он ведь совсем ребёнок. Что он понимает? К тому же, куда делись мои мечты о кондитерской Джейсона Векслера? — Лишь подумав об этом, я снова начинаю рыдать.

— Я хочу домой, — говорю я вслух. — Я хочу домой, в Атлантик-Сити.

Позже, я решаю написать письмо.

Дорогой Вульф,

Я очень сожалею о твоём отце. Он мне очень нравился, хотя ты об этом и сам знаешь. Спасибо, что не забыл про медвежонка. Я буду хранить его на тумбочке у кровати. Он будет напоминать мне о твоём отце и о тебе — хоть в напоминаниях и нет нужды, но, думаю, ты понимаешь, о чем я.

Я говорила тебе, что мой отец умер внезапно. Что ж, это правда, но всё было не совсем так, как ты думаешь. Его убили выстрелом в грудь во время ограбления прошлым летом. Я не могла сказать тебе правду раньше. Я никому не могла рассказать. Понимаешь, Вульф... твой отец был готов к смерти. А мой — нет. Ты был подготовлен к уходу своего отца. Я — нет. После того как это случилось, мне стало страшно. Очень страшно! Я боялась буквально всего. Ходить в школу. Спать по ночам. Я испугалась тебя в тот первый день в каньоне. Я собиралась проломить тебе голову камнем, сделай ты хоть одно неверное движение. К твоему счастью, ты его не сделал.

Я не хочу прожить всю жизнь в страхе. Но и кончить так, как мой отец, я тоже не хочу. Иногда я думаю о смерти, и это пугает меня, потому что она неизбежна. В том смысле, что когда наступает конец, на этом всё. Разве что, если там всё-таки что-то есть, чего мы не знаем. Мне нравится идея загробной жизни, но я не могу заставить себя по-настоящему в неё поверить. А ты веришь?

Вот что я нашла в одном журнале:

Каждый из нас должен противостоять своим страхам, должен встретиться с ними лицом к лицу. То, как мы распорядимся своими страхами, определит, как сложится наша дальнейшая жизнь: познаем ли мы вкус приключений или будем ограничены страхом перед ними.

Я часто об этом думаю, особенно в этом городе, где многие кажутся напуганными. Пугает ли их производство бомб или всё-

таки изоляция от остального мира? Ты уже разобрался в этом? Если да, пожалуйста, дай мне знать.

Мне пора идти. Я буду помнить твоего отца таким, как ты просил: полным жизни и любви. Увидимся, cuando los lagartijos corren…

С любовью,

Тайгер

На следующий день я беру письмо с собой в школу и в методическом кабинете нахожу адрес Калифорнийского технологического института. Во время обеденного перерыва я отправляю его Вульфу.

XXX

Письмо Вульфу возвращается в тот же день, и приходит вместе с оценками за первый семестр. На конверте стоит штамп: «*Адресат выбыл — новый адрес не указан*». — Где же он? — задаюсь я вопросом. — Чем он занимается? — Я кладу письмо в сундук рядом с теми, что получаю от Ленайи — она пишет мне первого числа каждого месяца. Весной я лично вручу письмо Вульфу. Весной, когда мы снова увидимся.

Пока мама собирается на ужин с Ботаном, я показываю ей свои оценки, и она начинает меня расхваливать: — Очень хорошо, Дэйви… особенно учитывая, что ты пропустила больше месяца занятий. Уверена, ты очень старалась.

— С чего это ты снова идёшь с *ним* на свидание? — спрашиваю я.

— Это не свидание, — отвечает мама. — Мы просто вместе поужинаем, вот и всё.

— Ну да, конечно, — говорю я.

— Мне необходимо общение со взрослыми.

— Я думала, тебе его хватает на весь день в Лаборатории.

— Нет, это совсем другое, — объясняет она.

— Что ж, желаю хорошо провести время, — говорю я, но на самом деле я этого не желаю, и мама это понимает. Затем я спускаюсь вниз, чтобы покормить Минку.

Позже Уолтер просит показать ему оценки, и когда я вручаю ему табель, он просто выходит из себя.

— Да *нормальные* оценки, — говорю я. Я получила «тройки» по культурологии и геометрии, «четвёрку с минусом» по французскому, «четвёрку» по английскому и «пятёрку» по машинописи. — Мама решила, что всё в порядке, особенно учитывая, что я пропустила первые полтора месяца учёбы.

— Приложи ты хоть немного усилий, у тебя были бы одни «четвёрки» и «пятёрки», — говорит Уолтер. — Ты не стараешься.

Ты не используешь свои способности в полную силу.

— Откуда тебе знать? — спрашиваю я. — Я много занимаюсь и в школе, и у себя в комнате по вечерам. — Хотя это не совсем правда. В школе я почти не учусь, за исключением геометрии. Домашку по ней я делаю вместе с Рубеном, потому что он очень силён в математике. Раньше я тоже была сильна, но, видимо, пропуск такого количества занятий всё-таки сказался. А по вечерам я делаю только то, что абсолютно необходимо. — К тому же, — добавляю я, — какая разница? Ведь в счёт идут знания, а не оценки.

— Кто тебе такое сказал? — спрашивает Уолтер.

— Мой отец.

— Я должен был догадаться.

— Что за *намёки*?

— Хочешь закончить так же, как *он*? — Уолтер повышает голос. — Без образования… работая в магазине «Севен-Илевен»… впустую прожигая жизнь…

— Как ты смеешь говорить, что мой отец прожил жизнь впустую! Ты ничего не знаешь. — Меня всё это выводит из себя. Я на грани слёз. — Я расскажу маме, что ты сказал об отце. Он был человеком лучше тебя. Во всех отношениях.

— Вот и прекрасно! — громогласно произносит Уолтер. — Рассказывай своей матери. Или, может быть, я избавлю тебя от хлопот и сам ей всё передам. Потому что если бы твой отец был порядочным человеком, она бы сейчас не оказалась в таком положении.

— Это неправда! — кричу я.

— Твоя мать — ещё один пример зря прожитой жизни.

— Что? — возмущаюсь я. — Что ты сказал про мою маму?

— В старших классах забеременела, а в тридцать четыре — обнищала.

— Заткнись… слышишь ты… заткнись… — Я бросаюсь к нему, выкрикивая все ругательства, которые знаю, и колочу кулаками по его груди.

Он хватает меня за запястья и даёт пощёчину. Сильно. Лицо чуть не треснуло.

— Я тебя ненавижу! — ору я во всё горло. — Я всегда тебя ненавидела! — Я разворачиваюсь и выбегаю из комнаты, и в этот момент замечаю, что Битси с Джейсоном всё это время были на кухне и всё слышали.

Забежав к себе, я падаю на постель и, когда мне удаётся немного успокоиться, пишу ещё одно письмо Вульфу. Хоть и нет у меня его адреса, и я не могу отправить ему письмо, всё же я должна рассказать кому-то о том, что происходит. Я должна рассказать о том, как рушится моя жизнь. Тому, кто сможет меня понять.

Спустя час Уолтер стучит в дверь моей спальни: — Дэйви, можно войти на минутку?

— Мне не о чем с тобой говорить, — отвечаю я.

— Но мне есть что сказать тебе.

— Делай что хочешь.

Он открывает дверь. — Прости, — говорит он. — Я вовсе не хотел оскорбить твоих родителей.

Я не свожу глаз с танцующего медвежонка, которого держу на коленях.

— Я просто надеялся, что ты поймёшь, насколько важно образование.

Я не смотрю в его сторону, но произношу: — Может, мне хочется стать профессиональной певицей.

— Я об этом и понятия не имел, — говорит он. — Никогда не слышал, как ты поёшь. И как успехи?

Я не отвечаю.

Его голос звучит тише: — Прости, что ударил тебя. Это было излишне и непреднамеренно. Я не сторонник насилия.

«Очень смешно», — думаю я. Создано столько бомб и ракет, а он, видите ли, не сторонник насилия.

— Простишь? — спрашивает он.

Ни слова не говоря, я ставлю танцующего медвежонка на тумбочку, щёлкаю выключателем лампы, переворачиваюсь на другой бок и закрываю глаза.

Через минуту Уолтер уходит, и я слышу его шаги уже в коридоре.

XXXI

Джейн пообещала пойти со мной на прослушивание в мюзикл *«Оклахома!»*. Мы должны встретиться после школы у входа в актовый зал. Я прихожу первой и наблюдаю, как группы ребят заходят внутрь. Желающих очень много. Есть ли у меня хоть какой-то шанс? Я начинаю нервничать, и тот факт, что через десять минут Джейн так и не появляется, подталкивает меня на то, чтобы струсить и сбежать домой.

Но тут по коридору, пошатываясь, идёт Джейн. — Привет... — говорит она с энтузиазмом. — А вот и я. Гатова и пална решимасци.

Я чувствую, как от неё несёт перегаром. — Ты что, пила? — спрашиваю я. Конечно же, пила. Зачем я вообще спрашиваю.

— Савсем капиличку, — хихикает Джейн.

Это уже не первый раз, когда Джейн напивается в школе. Но я поверить не могу, что она сделала это сегодня. — Ты не можешь выйти пьяной, — говорю я ей.

— Тагда я ваще не смагу... патаму чта трезвай я туда ни за что не выйду... эта уж точна.

С минуту я смотрю на неё, качаю головой и говорю: — Ладно... пошли. — Мы заходим в зал, находим рядом два свободных места и садимся.

Постановкой занимается мистер Вандерхут вместе с мисс Дерш, заведующей музыкальным отделением. Она объявляет, что будет называть по три имени с начала алфавита, а затем три — с конца, пока очередь не дойдёт до каждого, кто записался.

Сначала по списку вызывают Абеля и Акермана, а затем мисс Дерш произносит: — Джейн Альбертсон.

— Я тутачки! — откликается Джейн.

— Скажи им, что передумала, — шепчу я, хватая её за рукав.

— Нет, — говорит она, стряхнув мою руку, и шагает по

проходу к ступеням, ведущим на сцену. Я ожидала, что она споткнётся и воткнётся носом пол, но этого не произошло. Оказавшись на сцене, она объявляет свою песню — «О, какое чудесное утро», и мисс Дерш играет короткое вступление. Джейн начинает петь: *«О, какое чудесное утро... О, какой замечательный день...»*

Она поёт ужасно. Не только фальшивит, но и не попадает в такт. Мне так стыдно за неё, что хочется сквозь землю провалиться. Интересно, что мистер Вандерхут думает теперь о своей выдающейся ученице?

— Спасибо, Джейн, — говорит мисс Дерш после первого же припева.

Джейн не собирается садиться на своё место. Она проходит мимо меня и шепчет: — Меня сейчас стошнит.

Я разрываюсь между желанием пойти помочь ей и необходимостью остаться на прослушивание. Решаю остаться. Я слишком зла на Джейн, чтобы её жалеть. «Сама заварила кашу, пусть теперь сама и расхлёбывает», — думаю я, и тут же начинаю себя ненавидеть, потому что именно так сказала бы Битси.

Следующим выходит Зиглер, потом Райт, а затем Векслер.

От волнения у меня потеют ладони, и я вытираю их об юбку. Мне так сильно хочется получить эту роль. Я выхожу на сцену и объявляю свою песню. Слушаю, как мисс Дерш играет вступление, и начинаю петь: — *Я безотказная девчонка... в этом вся моя беда... там, где должна бы отказать... я отвечаю всегда «да»...*

Я представляю, что стою в душе, пою громко и чётко. Я расслабляюсь и улыбаюсь, по-настоящему наслаждаясь собой, пока двигаюсь по сцене, вживаясь в роль Адо Анни. У меня получается. И я это знаю. Я это чувствую. Я выплёскиваю всю энергию, что у меня есть. Когда я заканчиваю, воцаряется тишина. А потом мисс Дерш говорит: — Спасибо, Дэйви — точно так же, как сказала: — *Спасибо, Джейн.*

В тот же вечер звонит Джейн. — Я вела себя как дура?

— Да.

— И что сказала мисс Дерш?

— Она сказала: — *Спасибо, Джейн.*

— Серьёзно... и это всё?

— Да.

— А мистер Вандерхут... что сказал он?

— Ничего.

— Боже... мне так стыдно.

— И поделом тебе!

— А я думала, ты мне подруга, — говорит Джейн.

— Так и есть. Потому и говорю тебе это.

Через два дня вывесили списки ролей. Мы с Джейн вместе идём к доске объявлений у музыкального центра. Она замечает моё имя раньше меня. — О, Дэйви... ты прошла!

Я не могу в это поверить и всматриваюсь в своё имя. Это действительно правда. Я получила роль. — Поздравляю! — слышу я снова и снова. Я даже не знаю тех ребят, которые меня поздравляют.

Джейн не попала даже в хор. Никого из нас это не удивляет.

Когда я прихожу из школы, Джейсон вместе с Битси на кухне украшают печенье. — Я получила роль! Я прошла! Я — Адо Анни!

— Дэйви... это просто чудесно, — говорит Битси.

Я подхватываю Джейсона и кружусь вместе с ним по комнате, распевая песню «Я не могу отказать».

— Помогите... опусти меня!.. — вопит Джейсон.

Я опускаю его и хватаю морковку.

— Тебе письмо, — говорит Джейсон.

— Где?

— На столе.

Это длинный белый конверт. Я надеюсь, что он от Вульфа, но нет. Это поздравительная открытка. Снаружи — картинка с печальным Снупи. Внутри надпись: *«Скучаю по тебе,*

Валентинка. С любовью, Хью».

Я и забыла, что сегодня День святого Валентина. Должна была догадаться — ведь печенье, которое украшает Джейсон, в форме сердечек. Я засовываю открытку в тетрадь. Это первая весточка от Хью после того короткого письма, которое он прислал ещё в сентябре.

— Мама уже дома? — спрашиваю я Битси.

— Она наверху, в душе. Нед придёт к нам на ужин.

— Опять? — говорю я, не дожидаясь её ответа, бегу наверх и стучу в мамину дверь. — Я получила роль! — кричу я.

Мама открывает дверь. На ней старый махровый халат, она вытирает волосы полотенцем.

— Какую роль? — спрашивает она.

Я не верю своим ушам. — В мюзикле *Оклахома!*

— О, милая… это чудесно.

— Ты же знаешь, как сильно я этого хотела, правда?

— Да, конечно. Просто в этот момент я подумала, что ты говоришь о чём-то другом.

Она скидывает халат, бросает его на кровать и начинает одеваться.

— Почему ты выбрала эту? — спрашиваю я, когда она надевает свою лучшую блузку из сине-зелёного шёлка. Ведь мама бережет её для особых случаев. Она надевала её в прошлом году, когда они с папой праздновали годовщину.

— Просто захотелось, — отвечает мама. — У нас сегодня гости к ужину.

— Кто, кроме Неда?

— Только он.

— Я не считаю *его* гостем. Он ошивается тут постоянно. Полагаю, Битси его скоро усыновит.

— Что ты такое говоришь?

— Ты понимаешь, о чём я. Добавит его в свою коллекцию.

— В какую ещё коллекцию?

— В которой все мы. Джейсон, ты, я… а теперь ещё и Нед.

— Будь благоразумной, Дэйви.

— Не я веду себя здесь неблагоразумно, мам.

Перед ужином Джейсон дарит мне Валентинку, и мне становится неловко, что у меня для него ничего нет. — Открывай, — говорит он.

Я открываю и достаю открытку, сделанную из красной цветной бумаги и кружевной салфетки.

Алый тюльпан,
Нарцисса цветок.
Я твой братишка,
А ты мой браток.

— Глупыш, я твоя сестричка, — говорю я и умираю со смеху.

— Я знаю, — говорит Джейсон, — но моя учительница этого же не знает. Она думает, что ты мальчик. У тебя мужское имя.

Я обнимаю его: — Знаешь… ты ещё тот персонаж.

— Осторожнее, — говорит он, — а то граф Дракула укусит тебя за шею.

— Да неужели? Что ж, графу Дракуле лучше самому поберечься, не то я укушу его в ответ.

За ужином мама рассказывает Батáну, что я получила роль в *«Оклахоме!»*. Он говорит, что это потрясающе и что он сам когда-то пел в хоре в школьном спектакле. Когда он улыбается, я замечаю, что у него в зубах застрял кусочек салата.

После ужина Битси и Уолтер уходят на свою еженедельную игру в бридж, а Джейсон и Батáн сидят за обеденным столом и собирают модель самолета.

В девять мама говорит Джейсону, что пора идти наверх. — Ну ещё пару минуточек, — умоляет Джейсон.

— Уже полчаса как ты должен спать, — говорит мама.

— Ой, ну ладно, — сдаётся Джейсон. — Но я хочу, чтобы Нед отнёс меня наверх…

Нед подхватывает Джейсона и закидывает его на плечо вверх

тормашками. Джейсон визжит. Я наблюдаю за этим с пола, где передо мной разложены учебники. Терпеть не могу видеть, как Джейсон так любезничает с этим Занудой.

— Спокойной ночи, мам… пока, Дэйви… пока, Минка… — кричит Джейсон.

— Спокойной ночи… сладких снов, — отвечает мама.

Я пытаюсь сосредоточиться на сочинении, которое должна написать по культурологии, но чувствую на себе мамин взгляд. Между нами сегодня напряжённая атмосфера.

— У него двое своих детей, — тихо говорит мама. — Он по ним скучает.

— Подумаешь! — отвечаю я.

— Дэйви, ты чего на него так взъелась?

— Никто не на кого не взъелся.

Нед возвращается вниз, насвистывая, и устраивается рядом с мамой на диване.

— Хочешь бренди? — спрашивает мама.

— Не откажусь.

Мама уходит на кухню.

Батáн улыбается мне.

— У вас в зубах застрял кусочек салата, — говорю я ему.

Он краснеет. Ему становится неловко, и я этому рада. Он выковыривает салат, разглядывает его, а затем кладёт в стеклянную пепельницу.

Мама возвращается с бренди и двумя бокалами. Она наливает каждому понемногу, и они чокаются.

Я делаю вид, что поглощена уроками, но на самом деле думаю о том, как же мне хочется вылить это бренди им на головы и высказать, какие они глупые и отвратные.

Мама говорит: — Дэйви, почему ты не сядешь за стол?

— Что, *мать,* пытаешься от меня отделаться? — спрашиваю я.

— Нет, просто я считаю, что стол — самое подходящее место для уроков. Здесь неважное освещение.

— С каких это пор тебя беспокоит моё зрение… или что-либо ещё? — Но я собираю учебники, встаю и выхожу из комнаты.

На следующее утро, пока я собираюсь в школу, ко мне в комнату заходит мама.

— Как ты смотришь на то, чтобы разок-другой сходить к Мириам?

— К Мириам? — переспрашиваю я. — К твоему мозгоправу?

— Да. Она бы хотела с тобой познакомиться.

— С каких это пор?

— Она всегда хотела с тобой познакомиться. И с ней легко общаться, — говорит мама.

— Я подумаю, — отвечаю я.

Может, и вправду сходить к этой Мириам… У меня накопилось много чего, что я хотела бы рассказать ей о своей матери.

XXXII

В пятницу Джейн снова напилась в школе, и на этот раз она устраивает сцену в коридоре. Она швыряет свои учебники в ряд шкафчиков, при этом что-то выкрикивая и смеясь, а потом подбрасывает в воздух свою сумочку. Всё содержимое выпадает наружу и с грохотом высыпается на пол. Её зеркальце разлетается на миллион осколков, а флакон «Жан Натé» разбивается и коридор наполняется запахом парфюмерной фабрики. Я убираю всё это и помогаю Джейн выйти на улицу, прежде чем её стошнило.

— Да ты же алкоголичка, — сказала я ей.

— Я магу астанавица в любой мамент, кагда захачу, — говорит она.

— Черта с два!

На следующий день я иду к Мириам. Мама записала меня на приём, хотя в последнюю минуту у меня была мысль всё отменить. Я направляюсь к ней в офис как раз в обеденный перерыв, и пока иду, съедаю бутерброд.

Оказывается, Мириам около сорока лет. Она моего роста, немного полноватая, но выглядит сексуально. Лифчика на ней нет, и это видно по декольте расстёгнутой рубашки; когда она проходит по комнате, её грудь колышется. Садясь, она задирает юбку выше колен. На ней фактурные чулки и ковбойские сапоги. Улыбнувшись, она поправляет причёску, проведя несколько раз рукой по своим коротким каштановым волосам. Она совсем не похожа на местную. Это меня удивило.

— Итак, — говорит она, — как тебе здесь, Дэйви?

— Да, никак.

— Почему?

— Скукотища.

— Да. Есть такое дело. Но не *нужно* зацикливаться.

— Может быть, — отвечаю я. Мне ужасно неуютно: я уверена, что Мириам анализирует каждое моё слово.

— Сегодня такой прекрасный день! — говорит она.

«Мы что, будем обсуждать погоду?» — думаю я. Похоже, что я зря здесь теряю время. Но всё же отвечаю: — Да, славный денёк.

— Ну, а как дела дома, Дэйви?

— Я уверена, что мама уже вам всё выложила. Мы не особо ладим.

— Она говорила, что в отношениях есть некая напряжённость.

— Это ещё мягко сказано.

— Как ты думаешь, в чём причина?

— В ней. Она становится похожей на них.

— На кого?

— На Уолтера и Битси. Это мои дядя и тётя.

— И в чём это проявляется?

— Ну, она больше не думает своей головой. Делает всё, что они ей говорят. Позволяет им принимать за неё все решения. Она даже друзей позволяет им выбирать, — я оглядываю кабинет, подозревая, что Мириам записывает этот разговор, чтобы потом прокрутить его матери.

— Ты же понимаешь, что всё сказанное в этой комнате останется только между нами… и никуда дальше не пойдёт?

Интересно, как она узнала, о чём я думаю? — Вы же не собираетесь рассказывать маме то, что я говорю?

— Нет. Я здесь, чтобы помочь вам обоим, а не заниматься доносами.

— Фух, — я сижу молча, то сцепляя, то расцепляя пальцы.

— Что больше всего тебя задевает в том, что мама становится похожей на Уолтера и Битси?

— Они всего боятся.

— Например?

— Они не разрешают мне учиться кататься на лыжах, не

пускают на курсы вождения… Санта-Фе — это опасно, каньон — это опасно, да просто дышать — и то опасно!

— Тебе кажется, что они слишком сильно тебя опекают?

— Да, определённо.

— А разве раньше мама меньше о тебя заботилась? До этого она позволяла тебе пробовать что-то новое?

— Всегда.

— Как ты думаешь, то, что она не разрешает тебе сейчас, связано с обстоятельствами смерти твоего отца?

— Не знаю, — отвечаю я, глядя в окно. — Может быть.

— Дэйви, ты чего-то боишься?

Я пожимаю плечами и ничего не отвечаю.

Где-то в середине сеанса Мириам спрашивает: — А что насчёт Неда… как ты к нему относишься?

— Нед? — переспрашиваю я, будто впервые слышу это имя.

— Нед… друг твоей матери, — говорит Мириам.

— А-а… вы имеете в виду этого Зануду.

Мириам смеётся, поправляя руками волосы. — Ты его так называешь?

— За глаза, когда его нет рядом.

— Понятное дело.

— Я считаю, что он слизняк, — говорю я, — и мне плевать, если вы расскажете об этом матери, потому что это правда.

Мириам кивает.

— Мой отец был очень красивым и умным, хоть он и не оканчивал колледж. А ещё он был весёлым. Здесь ни у кого нет чувства юмора. Если бы не Джейсон, в нашем доме вообще бы никто никогда не смеялся. А с отцом мы всегда просто покатывались со смеху.

— Ты скучаешь по нему.

— Да, скучаю, — я чувствую, как к горлу подкатывает ком, и отворачиваюсь.

— И злишься, правда? — спрашивает Мириам.

— Иногда, — отвечаю я.

— Злиться — это нормально, — говорит Мириам. — Главное — признать это чувство и попытаться понять.

Когда время моего сеанса подходит к концу, я рассказываю Мириам о Джейн и её пьянстве. Мириам даёт мне кое-какую литературу и советует отвести Джейн в клинику для страдающих алкогольной зависимостью. — Это бесплатно, — говорит она. А затем спрашивает, приду ли я к ней снова.

— Может быть, — отвечаю я. И всё же я не уверена, что могу ей доверять. Поэтому я иду домой и пишу ещё одно письмо Вульфу. В сундуке их теперь уже шесть. Интересно, когда уже начнут бегать ящерицы?

XXXIII

Первая репетиция оркестра для мюзикла *«Оклахома!»* проходит днём в мой шестнадцатый день рождения. Когда я возвращаюсь из школы домой, то обнаруживаю, что Битси приготовила праздничный ужин из моих любимых блюд: цыплёнка Маренго, шпинатной лапши и салата из водяного кресса. Она пригласила Джейн. Я удивлена и мне приятно. Ботáн тоже здесь. Он дарит мне футболку с надписью: *«Женщина без мужчины — всё равно что рыба без велосипеда»*. Он рассказывает, что выписал её по почте, увидев рекламу в журнале *«Мис»*. Я не понимаю прикола, но все остальные, кажется, находят это забавным, поэтому я смеюсь вместе со всеми и благодарю Ботáна. Битси и Уолтер дарят мне электронные часы. Я не ожидала такого дорогого подарка и по-настоящему тронута. Я целую Битси в щёку. А потом мне приходится благодарить Уолтера. Я вообще не разговаривала с ним с той самой ночи, когда он оскорбил моих родителей и ударил меня. Теперь я стою перед ним и официально говорю — Большое спасибо.

— Не за что, — отвечает он тем же тоном. — Носи на здоровье. — Он не смотрит на меня. У меня такое чувство, что ему так же неловко за ту ночь, как и мне.

Мама дарит мне красивый браслет из серебра с бирюзой. Это моё первое индейское украшение. Я надеваю его на правое запястье, так как на левом у меня уже красуются новые часы. Джейсон нарисовал для меня картину и написал ещё одно стихотворение, в котором говорится:

Алая роза,
Нарцисса цветок.
Моя ты подружка,
А я твой дружок.

— Так лучше? — спрашивает он.

— Да… намного, — отвечаю я и крепко его обнимаю.

— Эй… отпусти, — говорит он. — Ты мне сейчас весь геморрой раздавишь.

— Какой ещё геморрой? — спрашиваю я в недоумении.

— Ха-ха! — смеётся он. — Купилась, да?

Даже сейчас, когда вокруг меня праздник и веселье, я постоянно вспоминаю, как мы с отцом планировали поездку в Нью-Йорк на выходные, на мой шестнадцатый день рождения. Он собирался повести меня на бродвейский спектакль. Мы постоянно об этом говорили. Интересно, помнит ли об этом мама?

Когда после ужина со стола убрали тарелки, Битси выключает свет и выносит из кухни семислойный торт, который был украшен шестнадцатью розами. Должно быть, они с Джейсоном работали над ним всю неделю. И в этот момент все начинают петь «С Днём рожденья тебя». Я загадываю желание и задуваю свечи.

На следующий день после полудня поднимается сильная буря. Небо становится коричневым от пыли, которая нещадно режет глаза. Я всё равно еду в каньон, надеясь, что Вульф будет там и будет ждать меня. Но его нигде нет. И я не смогла найти ни одной ящерицы.

XXXIV

Надеюсь, мама не притащит этого Ботáна на премьеру *«Оклахомы!»*. Не хочу обижать её чувства, но сама мысль о том, что он будет сидеть в зале рядом с моей семьёй, мне невыносима. У меня дважды возникало желание попросить её не брать его с собой, но в последний момент так и не решилась. Я рассудила, что лучше не раздувать из этого проблему, и к вечеру премьеры была даже рада, что промолчала: я так предвкушала спектакль, что мне стало совершенно всё равно, придёт он с ней или нет.

Начало спектакля многообещающее, и к тому времени, как я выхожу на свой главный номер, публика уже разогрета; аплодисментов так много, что я исполняю его на бис. В конце спектакля все аплодируют нам стоя.

Рубен первым поздравляет меня за кулисами. — Ты была великолепна! — говорит он. — Я всегда считал тебя стеснительной, но, похоже, ошибался.

Я не стала говорить ему, что можно быть стеснительным человеком и при этом отлично выступать на сцене.

— Ты правда была великолепна! — повторяет он, энергично тряся мою руку. — Я серьёзно.

Я улыбаюсь и благодарю его, и он быстро целует меня, чмокнув возле уха. В этот момент через его плечо я замечаю маму. Она держит жёлтую розу и ищет меня глазами. — Мам!.. — зову я. — Я здесь!..

Она вручает мне розу. — Ты была просто великолепна, Дэйви! — Она целует меня в щёку и крепко обнимает. — Я так тобой горжусь. — Она едва не плачет.

— Ну ма-ам… — говорю я. — На нас же все смотрят.

— Ой, — она смеётся, достаёт салфетку и вытирает глаза.

В пятницу и субботу вечером мы снова выступаем. У парня, который играет Кёрли — главную мужскую роль, — начинается

ларингит. Тем не менее, у нас огромный успех, и моё фото появляется в еженедельной газете «Монитор».

В последнюю неделю апреля наступают холода, а в первую неделю мая на нас обрушивается весенняя снежная буря, засыпая всё тридцатью сантиметрами снега. Но он тает за один день, и устанавливается очень мягкая, тёплая погода. Всех в школе охватывает весенняя лихорадка: мы прогуливаем уроки и отправляемся в поход в горы Хемес. Повсюду полевые цветы, а небо — тёмно-синего цвета.

Джейн ни словом не обмолвилась о брошюрах от Мириам. Конечно же, я не говорила ей, что они от Мириам. Я просто сказала, что увидела их дома — мол, один из клубов Битси обсуждал проблемы подростков. Когда я отдала их Джейн, она ничего не ответила. Просто положила их в свою тетрадь.

И вот, пока мы гуляем по лесу, я спрашиваю: — У тебя было время просмотреть то, что я тебе дала?

— Что именно?

— Те брошюры… про алкоголь.

— Зачем мне тратить на них время?

— Потому что у тебя проблемы с выпивкой.

— Я же тебе уже говорила. Я могу бросить в любой момент, когда захочу. Мне не обязательно пить. Я делаю это, потому что мне нравится.

— Может, хватит врать? — спрашиваю я. — Не пора ли взглянуть правде в глаза? Не пора ли перед собой быть честной?

— Кто бы говорил о честности! — отвечает Джейн.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты рассказывала, что твой отец умер от сердечного приступа. И это ты называешь честностью? — И она, обидевшись, уходит прочь.

— Джейн, подожди… — я зову её и спешу за ней. Когда я догоняю её, мы какое-то время идём вместе молча. Наконец я спрашиваю: — Как ты узнала?

— Твоя тётя рассказала моей маме. Я знаю об этом уже дано.

— Почему же ты ничего не говорила?

— Я решила, что у тебя есть на то причины.

— Я не могла смириться с правдой, — говорю я ей.

Она останавливается, смотрит на меня и говорит: — Есть вещи, с которыми я тоже не могу смириться. Ты об этом когда-нибудь задумывалась?

— Нет, — отвечаю я. — Твоя жизнь кажется такой лёгкой…

— Ну так вот, это не так, — решительно произносит Джейн.

XXXV

Я прихожу домой и сразу же звоню в офис к Мириам, чтобы записаться на приём на следующий день.

Мириам встречает меня очень тепло, как старого доброго друга и предлагает присаживаться. У неё в кабинете стоит диван и два кресла, и я сажусь в то, в котором сидела в прошлый раз.

— Я читала о тебе в *«Мониторе»*, — говорит она. — Хотела сходить на спектакль, но в те выходные меня не было в городе.

— Выступление прошло удачно, — отвечаю я.

— Я рада, — говорит Мириам искренне улыбаясь и сразу же переходит к делу: — В прошлый раз мы говорили о твоей семье…

Но я не даю ей договорить и вклиниваюсь. — Я солгала об отце. Я сказала Джейн, что он умер от сердечного приступа.

Мириам выгибает спину и наклоняется вперёд. — Как ты думаешь, почему ты так поступила?

— Понятно почему. Историю-то выдумать проще, чем сказать правду.

— Это точно…

— Но потом я написала письмо другу и рассказала ему, что моего отца застрелили.

— После этого тебе стало легче?

— Немного…, но я рассказала ему не всё.

— А мне не хочешь рассказать?

— Иногда возникает такое желание…, хочется верить, что это поможет…, но порой мне страшно…, страшно ворошить прошлое.

— Возможно, чтобы покончить с этим, тебе придётся вернуться в прошлое. — Я чувствую, как напрягаюсь, и ёрзаю на стуле, не в силах найти удобное положение.

— Твоей мамы не было дома, она гуляла с Джейсоном в ту

ночь, когда твоего отца убили... — говорит Мириам, подталкивая меня к продолжению.

— Да.

— А где была ты?

— Я была во дворе со своим парнем, Хью. Мы целовались, когда услышали выстрелы. Я подумала, что это петарды.

— И что потом?.. — спрашивает Мириам.

— Мы побежали к магазину. Я помню, как я кричала, когда увидела отца на полу. Он был ещё жив. Он сказал: *«Помоги мне... помоги мне, Дэйви»*. И я ответила: *«Я помогу... я помогу, папочка»*. Я держала его на руках, пока Хью звонил в службу спасения. — Мой голос становится всё тише и тише. Наверное, мне не стоило сюда возвращаться.

— Дэйви, ты можешь продолжать? — мягко спрашивает Мириам. — Если вдруг станет невыносимо, мы закончим.

У меня такое ощущение, как будто я сейчас где-то очень далеко. Совсем не в этой комнате. Когда я говорю, мой голос превращается в едва уловимый шёпот. — Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем приехали полиция и скорая. Я услышала сирены издалека. А потом проблесковые маячки начали рисовать узоры на стенах и потолке магазина. К тому моменту отец уже был без сознания. Я не хотела его отпускать. Полицейским пришлось буквально отрывать меня от него. Они разрешили мне поехать с ним в машине скорой помощи. Но когда мы приехали, папа был уже мёртв.

В комнате воцаряется тишина. Слышно лишь, как снаружи изредка проезжают машины.

Наконец Мириам произносит: — Так вот как всё было.

И я отвечаю: — Да.

Затем она долго смотрит в сторону, и я этому рада.

Повернувшись снова ко мне, она говорит: — Дэйви, должно быть, тебе было ужасно тяжело слышать, как отец просит о помощи. Но ты ничего не могла сделать. Это было не в твоих силах.

— Я хотела помочь ему. Больше всего на свете я хотела ему помочь. — Я закрываю лицо руками и начинаю плакать.

— Конечно, — говорит Мириам. Она протягивает мне коробку салфеток «Клинекс». — Я знаю, как это больно.

Когда наш сеанс заканчивается, Мириам провожает меня к выходу. Она кладёт руку мне на плечо и слегка сжимает его. — Дэйви, у тебя уже получается с этим совладать, и это важно.

Я выхожу на улицу. Голова раскалывается. В тот момент, когда Мириам уже собирается закрыть дверь, я говорю: «Я ещё не всё вам рассказала. Я ничего не говорила про кровь...» — и, развернувшись, убегаю.

Я бегу до самого дома и сразу поднимаюсь к себе в комнату. Открываю дверь шкафа, смотрю в угол верхней полки и тут же снова захлопываю дверь. *Я не могу. Не могу решиться.* Я сажусь на край кровати. Сердце выскакивает из груди, я вся мокрая от пота. — *Я должна*, — говорю я себе. — *Я обязана это сделать.* — Я встаю, возвращаюсь к шкафу, распахиваю дверцу и на этот раз, не давая себе времени на раздумья, протягиваю руку и снимаю с полки коричневый бумажный пакет. Хватаю кухонный нож из сундука, засовываю его в пакет и бегу вниз.

Я гоню на велосипеде Битси к каньону изо всех сил.

Спускаться вниз очень трудно. Я постоянно спотыкаюсь и несколько раз соскальзываю. Добравшись, наконец, до дна, я иду прямиком к пещере — той самой, которую мне показывал Вульф. Я открываю коричневый бумажный пакет и достаю из него одежду: мои джинсы и топ-халтер, которые были на мне в ту ночь. Вещи покрыты засохшей кровью и от них воняет, но мне плевать. Я понимаю, что это кровь моего отца. Кровь моего отца. И на мгновение прижимаю их к себе, вспоминая.

В ту ночь кровь была повсюду. Повсюду. Капли крови были на буханках хлеба, сложенных под кассой. Она стекала по угольному портрету на мольберте отца и растекалась лужей по полу, рядом с телом. Его одежда пропиталась кровью насквозь, как и моя, когда я прижимала его к себе.

Я складываю джинсы и топ-халтер, засовываю между ними кухонный нож и прячу всё это в пещере, потом заваливаю сверху камнями, пока вещи не исчезают из виду и не остаётся ничего, кроме каменной пирамиды.

Прощай, папочка. Я люблю тебя. Я всегда буду тебя любить. Это не значит, что я больше не буду о тебе думать. И это не значит, что я никогда не вспомню ту ночь. Потому что та ночь была. И я ничего не могу сделать, чтобы изменить факты. Но отныне я буду помнить только хорошее. С этого момента я буду помнить тебя жизнерадостным и любвеобильным.

Я какое-то время сижу у пещеры, греясь на солнышке. Затем встаю и, уходя, замечаю ящерицу, мелькнувшую за камнем.

XXXVI

Через два дня мне приходит небольшая посылка. Обратного адреса нет. Я пытаюсь разобрать почтовый штемпель. Кажется, там написано: «Биг-Сур, Калифорния». Я быстро открываю посылку. Внутри белая коробочка, а в ней — плоский полированный камешек размером с четвертак. Он переливается разными цветами от коричневого до золотистого в зависимости от света. Какой же он красивый! Вынимая его из коробочки, я нахожу под ним записку. *«Тигровый глаз для моих Тигровых Глазок. Вульф».*

— Где же ты? — говорю я сама себе. *Los lagartijos corren* (Ящерицы уже бегают). — Когда ты вернёшься?

Но даже задаваясь этим вопросом, я понимаю: важнее всего то, что он думает обо мне, и он наверняка знает, что я тоже думаю о нём. Я прижимаю тигровый глаз к своим губам.

Вернувшись с работы, мама сообщает: — Я забронировала столик на ужин в «Филомене».

— Для всех нас? — спрашиваю я.

— Нет… только для нас двоих.

— Для тебя и меня?

— Да.

— Без Неда?

— Да.

— Мне переодеться?.. Надеть юбку?

— Если хочешь, — отвечает мама.

— Думаю, надену, — говорю я.

Я принимаю душ, мою голову и надеваю тонкую блузку с моей ярусной юбкой, а камешек ложу в карман.

Мы одалживаем у Битси «Вольво» и едем в «Филомену» — это единственный приличный ресторан в городе. Он находится

рядом с аэропортом Лос-Аламоса. Припарковавшись, мы идём вдоль стоянки, я смотрю на весеннее вечернее небо и вижу созвездие Льва.

Ресторан, в который мы приходим, имеет стеклянную крышу, и над каждым столиком раскрыты жёлтые зонтики. Полагаю, днём, когда заливает солнце, в этом есть смысл, но вечером сидеть за столом под зонтом кажется странным.

Мы заказываем энчиладас[5] с зелёным чили и кувшин Сангрии — это вино, по вкусу похожее на фруктовый пунш. Мне нравятся плавающие сверху ломтики апельсинов и яблок.

— Здесь хорошо, — говорю я, подразумевая, что мне хорошо наедине с мамой. С тех пор, как мы приехали в Лос-Аламос, мы впервые вот так вдвоём проводим время.

— Да, — отвечает мама. — Очень хорошо.

— Давно мы так не выбирались.

— Да, — говорит мама. — Вот как раз это я и хотела объяснить тебе, Дэйви. — Она перекладывает столовые приборы с места на место: кладёт ложку на место вилки, затем вилку на место ложки. — До сих пор я боялась оставаться с тобой наедине.

— Боялась?

— Да.

— Но почему?

— Я боялась, что ты меня о чём-нибудь таком спросишь, на что я не смогу тебе дать ответ. Боялась, что ты захочешь поговорить о папе… и о той ночи, когда его убили… и что эта боль будет для меня невыносимой.

— Я и правда хотела поговорить об этом, — отвечаю я, — уже давно… и мне было больно оттого, что этого не хотела ты.

— Я знаю, — говорит мама, протягивая руку через стол и

[5]Энчила́да (исп. enchilada, дословно «приправленная соусом чили», «острая») — это традиционное блюдо мексиканской кухни, представляющее собой кукурузные лепёшки (тортильи) с начинкой (обычно курица или сыр), запечённые под острым зелёным соусом, приготовленным из зелёных помидоров (томатильо) и зелёного перца чили.

касаясь меня. — Но мне нужно было сначала самой с этим примириться. Теперь, думаю, я готова…, теперь я могу поговорить с тобой об этом.

— Но теперь мне это уже не нужно, — отвечаю я.

Официантка приносит наши энчиладас. Я откусываю кусочек, и зелёный чили обжигает мне рот.

— Мне тоже пришлось с этим справляться, — говорю я маме. — По-своему.

Мама кивает: — Думаю, нам всем пришлось… каждому по-своему.

У меня во рту всё пылает, и я наливаю себе ещё бокал Сангрии. Я думаю о Джейн и гадаю, как она там. Она бы, наверное, осушила весь кувшин за пять минут. Надеюсь, она читает те брошюры, которые Мириам передала ей через меня.

— Нед предложил мне выйти за него, — тихо говорит мама.

Мне как будто обухом по голове дали и кусок в горле застрял.

— Но я ему *отказала*…

Услышав это, мне так становится легко и я тут же замечаю, что вместо сопайпильи[6], которую держу в руке, поливаю мёдом всю тарелку.

— Слишком рано, — говорит мама. — Он мне симпатичен, но я его не люблю.

— Он не идёт ни в какое сравнение с папой! — констатирую я.

— Никто не сравнится с папой…, но папа мёртв… и он не вернётся.

— Я это знаю.

— Да, — говорит мама. — Полагаю, теперь ты это знаешь.

Официантка убирает тарелки с нашего стола и спрашивает, не хотим ли мы десерт.

---

[5]Сопайпилья (sopapilla/sopaipilla) — это традиционные для испанской и латиноамериканской кухни жаренные во фритюре лепёшки или пончики. Они имеют пористую структуру и часто подаются с мёдом или сиропом, выступая в качестве десерта или хлеба к основным блюдам.

— Хочешь попробовать запеканку? — спрашивает мама.

— Хочу. — И тут я ловлю себя на мысли: как легко мы переходим от разговора об отце к заказу десерта.

— Мам, а когда мы поедем домой? — Я задерживаю дыхание, боясь услышать, что *мы никогда туда не вернёмся, Дэйви*.

Вместо этого она говорит: — Я думала об этом… Думала, что нам стоит уехать, как только закончатся занятия в школе. Что скажешь?

Что я скажу? Я вне себя от радости! — Жду не дождусь! — восклицаю я. — Не могу дождаться, когда мы вернёмся домой!

— Нам придётся продать дом и магазин. Я ни за что не смогу туда вернуться, да и к тому же нам понадобятся любые деньги, которые мы сможем за них выручить.

— Ничего страшного. Мы снимем квартиру поближе к пляжу.

— Да, я как раз об этом и думала. И мне нужно будет найти работу. Я написала Одри, и она считает, что сможет помочь мне устроиться в одну из гостиниц. Теперь у меня есть кое-какие рекомендации. Может, получится попасть в администрацию.

— А как же Джейсон? Ты ему уже говорила?

— Нет, сначала я хотела поговорить с тобой.

— А Уолтер и Битси?

— Ещё не знают.

— Как думаешь, что они скажут?

— Думаю, Битси будет страшно разочарована. Она всегда хотела семью, и теперь, когда она у неё появилась, ей будет тяжело нас отпускать.

Я киваю. — Но Уолтер-то обрадуется.

— Сомневаюсь. Он тоже к нам привязался.

— Только не ко мне.

— Даже к тебе, Дэйви. Просто он слишком строгий… и видит мир по-своему.

— Я рада, что ты больше не боишься, мам.

— Кто тебе такое сказал?

— Сегодня в тебе нет того страха.

— Послушай, милая... я использовала тебя как предлог, чтобы приехать сюда, а потом — как повод, чтобы остаться. Я твердила себе, что так будет лучше для тебя и Джейсона, но на самом деле так было лучше для меня. Потому что мне было очень страшно. Я убегала... убегала от правды... убегала от ответственности.

— Это Мириам тебе так сказала?

— Нет... но это то, что я поняла на её сеансах.

— Она — приятная женщина. Мне она нравится.

— Я знала, что ты с ней поладишь.

— Папа ведь никогда ничего не боялся, правда?

— Это не так, Дэйви. Он боялся рискнуть своим талантом. Боялся бросить магазин и открыть галерею. Боялся, что не будет достаточно хорошим мужем и отцом. Он был человеком. И ты должна помнить об этом.

— Я очень скучаю по нему.

— Знаю. Я тоже.

— Но, думаю, я готова жить дальше. Думаю, он хотел бы от меня именно этого.

Мама улыбается. Это грустная улыбка со слезами на глазах.

Я прячу руки в карманы и нащупываю в одном из них свой камешек.

— Эй... да ты слопала всю запеканку, — говорю я.

Мама смотрит на пустую тарелку, и мы обе смеёмся.

XXXVII

В воскресенье днём мы с мамой и Джейсоном идём все вместе гулять, и мама сообщает ему, что мы возвращаемся домой. У него сразу же возникает куча вопросов. А Уолтер и Битси поедут с нами? А как же Минка? А Нед? А школа? А что, если кто-нибудь попытается нас убить?

— Никто нас не убьёт, — говорит ему мама.

— А вдруг убьют?

— Не убьют.

— В Атлантик-Сити опасно. Безопасно только здесь, — настаивает Джейсон.

— Это неправда, — твёрдо отвечает мама.

— Ну а как же моё печенье?

— Ты сможешь заниматься выпечкой и в Атлантик-Сити, — говорит мама.

— Но кто будет мне помогать?

— Я буду, — отвечаю ему.

— Ты? — переспрашивает он так, будто это самая большая глупость, которую он когда-либо слышал. — Ты же вообще ничего не умеешь печь.

— Я могу научиться, — говорю я.

— Правда? — спрашивает он.

— Да, правда.

Целый день меня не покидало чувство, что Джейсон, узнав о нашем возвращении домой, теперь внутренне к этому готовиться. Казалось, он всё больше тянется к нам с мамой и отдаляется от Уолтера и Битси. Ох уж эти малыши! Кажется, они способны приспособиться к чему угодно.

Я вижу, как мама боится разговора с Битси и Уолтером. Она решила всё рассказать сразу после ужина. Битси раздобыла новую

машинку для пасты и сейчас вовсю крутит спагетти из цельнозерновой муки. Соус томился на огне весь день, наполняя дом чудесным ароматом, так что я проголодалась задолго до ужина.

Пока мы ждём приглашения к столу, Джейсон просит меня почитать ему главу из *«Паутина Шарлотты»*. За ужином он садится между мной и мамой. По реакции Уолтера видно, будто он чует неладное.

После ужина, пока Битси потягивает вторую чашку кофе, мама просит Джейсона, пойти поиграть на улицу. Как только он уходит, мама говорит: — Мне нужно сказать вам кое-что важное.

Уолтер и Битси обмениваются понимающими взглядами. Затем Уолтер произносит: — Я хочу, чтобы ты знала: мы считаем Неда Гродзински самым лучшим из наших знакомых.

Битси улыбается.

— Нет… — говорит мама, понимая, что они всё истолковали неверно. — Это никак не связано с Недом. Это касается нас… Дэйви, Джейсона и меня.

Теперь Уолтер и Битси переглядываются так, словно спрашивают друг друга: *«Ты понимаешь, о чём речь? Нет, а ты?»*.

— Я никогда не смогу отблагодарить вас в полной мере за всё, что вы сделали… — начинает мама.

Мне искренне её жаль. Я бы ни за что не захотела оказаться на её месте и сообщать такие новости Битси. Хоть бы она уже сказала всё поскорее, чтобы покончить с этим.

— О чём ты говоришь, Гвен? — спрашивает Битси.

— Нам пора уезжать, — говорит мама. — Пора начинать строить свою собственную жизнь. Мы возвращаемся домой. Возвращаемся в Атлантик-Сити.

— Нет! — восклицает Битси.

— Когда? — спрашивает Уолтер.

— Как только закончатся занятия в школе.

— Но ведь до этого осталось всего несколько недель, — говорит Битси.

— Да, — отвечает мама. — Я знаю.

За столом воцаряется неловкое молчание. Я не смотрю ни на Уолтера, ни на Битси, просто вожу пальцем по тарелке, собирая крошки.

— А как же дети? — спрашивает Битси. — Здесь они в безопасности. Ты не можешь постоянно их перевозить с места на место.

— И не собираюсь, — говорит мама. — Я везу их домой.

— Но Атлантик-Сити… там же небезопасно… Кому-кому, Гвен, а тебе-то это должно быть понятно.

— Я не могу позволить, чтобы «безопасность» и «защищённость» стали главной целью моей жизни, — говорит мама.

Я не верю своим ушам: до чего же уверенно звучит её голос. Мне хочется вскочить и зааплодировать ей.

— Я думала, мы сделали всё, чтобы вы захотели остаться, — говорит Битси.

— Так и есть, — отвечает ей мама. — Вы оба устроили всё чудесным образом. Сомневаюсь, что я бы справилась без вас. Но теперь…

— Если ты хочешь жить самостоятельно, мы могли бы помочь тебе найти жильё здесь, в Лос-Аламосе… ты получила бы постоянную работу в Лаборатории… и детям не пришлось бы снова менять школу. У нас лучшие школы, все это говорят… — Битси в расстроенных чувствах, и я понимаю, что будет сложнее, чем я себе представляла.

— Я не могу остаться, — говорит мама. — Пожалуйста, поймите. Мне нужно домой. — Она тоже на грани слёз. От спокойного и уверенного голоса не осталось и следа.

Битси встаёт. — Я считаю, что ты поступаешь эгоистично и несправедливо! — выкрикивает она. Затем разворачивается и выбегает из комнаты.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Уолтер произносит: — Она не хочет вас терять.

— Да, я знаю, — отвечает мама.

XXXVIII

Я в последний раз еду на велосипеде Битси в каньон. В багажной сумке лежит стопка писем, которые я написала Вульфу.

Я медленно спускаюсь вниз, наслаждаясь красотой каньона и зная, что вернусь сюда не скоро. А может, и не вернусь вовсе. Я хочу запомнить каньон именно таким, какой он сегодня. Это место, где я чувствовала себя ближе всего к отцу.

Внизу снуют ящерицы. Я сажусь на камень и наблюдаю за ними, вертя в руке «тигровый глаз». Спустя какое-то время я встаю, прячу камешек в карман и иду к пещере. Зайдя внутрь, я кладу письма рядом с грудой камней, под которой скрыта моя одежда. На верхнем конверте я написала: *«Только для Вулфа»*. Мне хочется, чтобы он открыл его первым, потому что внутри — моя записка с благодарностью за «тигровый глаз». Я уверена, что однажды он вернётся и найдёт мои письма, и тогда он всё поймёт. Я твердо верю, что мы ещё увидимся. Но только не сегодня.

XXXIX

— А машинка-то я смотрю хорошая, — говорит Уолтер маме, осматривая её на «Лемон Лот». Каждый, кто хочет продать машину в Лос-Аламосе, оставляет её здесь, а потенциальные покупатели приходят посмотреть, что есть в наличии.

— Двигатель чистый, шины в хорошем состоянии, и расход топлива будет небольшим, — объясняет Уолтер.

— Мне нравится цвет, — говорит мама. — И внутри она симпатичная. Что скажешь, Дэйви?

— Мне тоже нравится, — отвечаю я. Это синяя «Субару», и мне интересно, не та ли это машина, на которую стошнило Джейн в ту ночь, когда мы гуляли с Рубеном и Тедом.

— А ты что думаешь, Джейс?

— Она четырёх- или пятиступенчатая? — спрашивает Джейсон с таким видом, будто знает о машинах всё на свете.

— Пяти, — отвечает Уолтер.

— Она больше подходит для трассы. Правда, дядя Уолтер?

— Всё верно, — говорит Уолтер, взъерошивая волосы Джейсона.

— Сколько же она будет стоить? — спрашивает мама.

— Давай поедем домой, позвоним им и договоримся о встрече, чтобы устроить тест-драйв, — предлагает Уолтер.

— Хорошо... ладно, — соглашается мама. — К стати Уолтер... я правда очень благодарна тебе за помощь.

Уолтер кивает и направляется вместе с мамой к «Блейзеру». Джейсон бежит впереди них, а я плетусь позади.

— Дело ведь не в нас, Гвен? — спрашивает Уолтер. Он не знает, что я подслушиваю.

— Нет, — отвечает мама.

— Просто я тут подумал... возможно, я переусердствовал.

— Ты проявил силу характера, в которой я нуждалась, —

говорит мама. — Я бы сама не справилась.

— Нам будет не хватать тебя и детей.

— Может, вы приедете к нам в Атлантик-Сити в гости, — говорит мама.

На это Уолтер ничего не отвечает.

*

Утром, в день нашего отъезда, к нам приходит Джейн и не без слёз наблюдает за тем, как я собираюсь. — Не знаю, что я буду делать без тебя, Дэйви, — расплакавшись, говорит она.

— У тебя всё будет хорошо, — пытаюсь я её успокоить. Но сама в это не особо верю. Она признала свою алкогольную зависимость, прошла тест в одной из тех брошюр, что я ей дала, и результаты подтвердили: у неё есть склонность к алкоголизму, а может, она и правда алкоголичка. Теперь, чтобы получить помощь, ей нужно самой отправиться в клинику для алкозависимых. На прошлой неделе я дважды записывала её на приём, но она испугалась и ни разу не пришла. — Ты становишься слишком зависимой от меня, — говорю я ей. — Это даже хорошо, что я уезжаю. Очень нездорово, когда слишком сильно от кого-нибудь зависишь. Поверь мне... я знаю, о чём говорю...

— Но ты мой единственный друг! — рыдает она. — И я больше никогда с тобой не увижусь.

— Уверяю тебя, увидишься, — отвечаю я. — Приедешь к нам в Атлантик-Сити в гости. Пора бы тебе уже увидеть океан. — Я смеюсь, пытаясь её подбодрить, но это бесполезно.

— Я никогда ничего не увижу, — говорит она. — Я проведу здесь, в Лос-Аламосе, всю оставшуюся жизнь, прямо как моя сестра. Я это знаю.

— Ты не обязана, если не хочешь.

— Я не хочу... но мне страшно поступать иначе.

— Ты должна перестать бояться.

— Тебе легко говорить.

— Нет, не легко.

— Прости... я не хотела...

— Всё нормально. Забудь.

— Дэйви! — зовет Битси. — Ты скоро?

— Минутку! — кричу я в ответ.

Мы с Джейн обнимаемся. — Я рада, что мы подружились, — говорю я ей.

— Ты всегда будешь моей подругой? — спрашивает она.

— Да, — отвечаю я. — Всегда.

Когда я укладываю в рюкзак последние вещи, в комнату заходит Битси.

— Дэйви, мама уже ждёт тебя.

— Я готова, — отвечаю я. Минка сидит на моей кровати и не понимает, что происходит. Я беру её на руки и оглядываю комнату. Она выглядит точно так же, как в тот день, когда я только приехала сюда.

— Не знаю, что Гвен пытается доказать, — говорит Битси. — Не понимаю, зачем ей это нужно.

— *La vida es una buena aventura*, — говорю я, довольная собой. Я выучила несколько испанских фраз, и эта — одна из них.

— И что это значит? — спрашивает Битси.

— Это значит, что жизнь — прекрасное приключение.

Битси обнимает меня. — Иногда так оно и есть, а иногда — нет, — говорит она. — Я буду скучать по тебе, Дэйви. Мне будет не хватать вас всех.

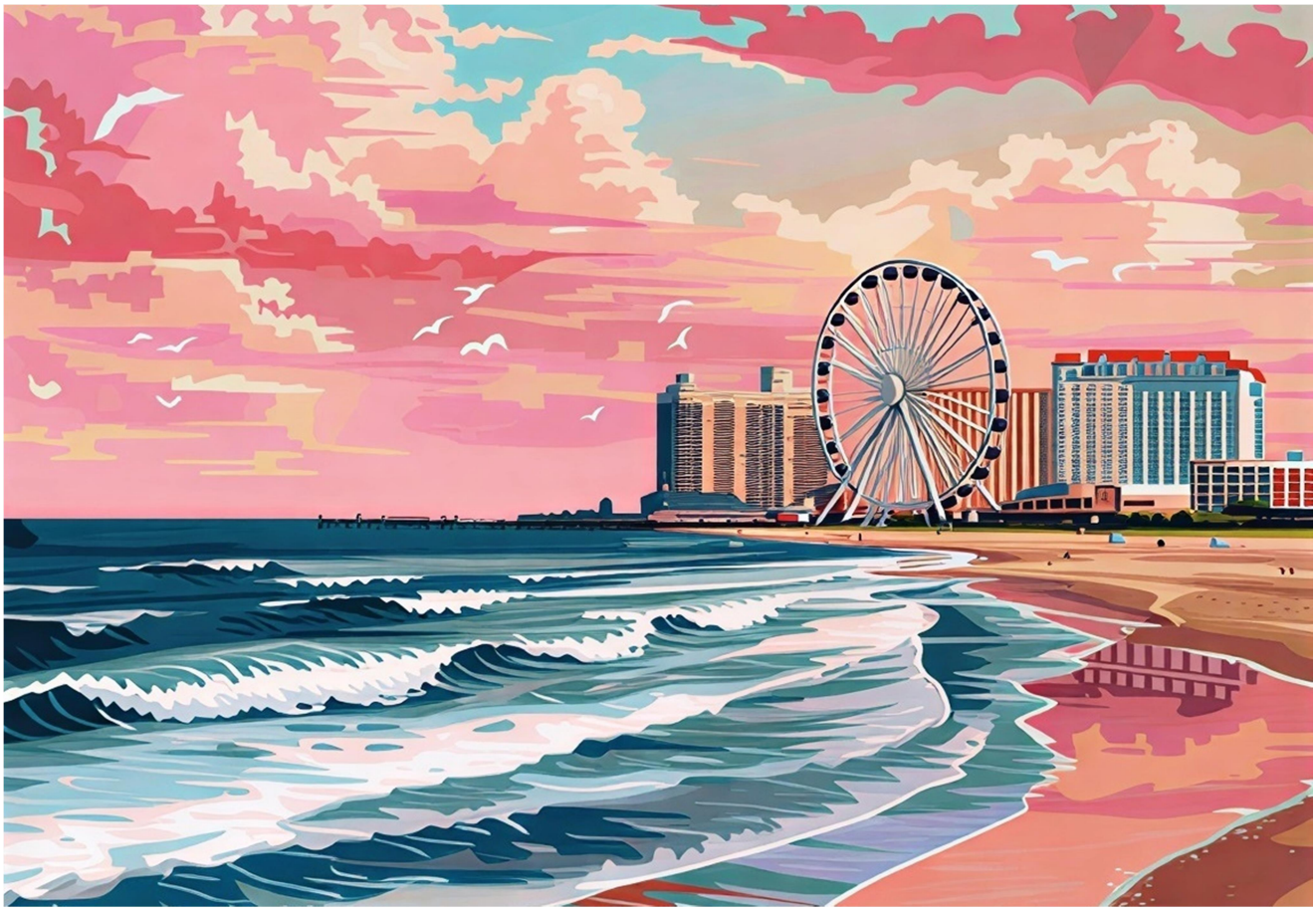
Мы с Битси стоим обнявшись.

— И я буду сильно за вас переживать.

— Тебе не нужно переживать, тётя Битси. С нами всё будет хорошо.

XXXX

Джейсон носится по пляжу, и его любимый плащ Дракулы развивается у него за спиной. Мы с мамой молчим, слушая шум прибоя, разбивающегося о волнорез.

Здесь, в Атлантик-Сити, так много воспоминаний. Но назад уже ничего не вернуть. Никогда. Нужно взять себя в руки и идти дальше.

Я думаю о Ленайе и Хью. Поймут ли они, как сильно я изменилась за этот год? Изменились ли они сами? Я подожду до завтра, чтобы это выяснить. А может, я так ничего и не узнаю. Потому что некоторые перемены происходят глубоко внутри. И, по правде говоря, только ты один о них знаешь. Наверное, так оно и должно быть.